

А. В. Малинов

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
ОЧЕРК ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ
И ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Санкт-Петербург
«Русская культура»
2021

А. В. Малинов

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
ОЧЕРК ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ
И ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Санкт-Петербург
«Русская культура»

2021

УДК 1(091); 930.2
ББК 87.3; 63.3(2)
М19

Малинов А. В.

М19 К. Н. Бестужева-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. — Санкт-Петербург: «Русская культура», 2021. — 328 с. : илл.

Обложка: Д. Д. Ивашинцов
Оригинал-макет: Н. Л. Балицкая

© А.В. Малинов, текст, 2005, 2021
© Русская культура, 2021

...профессор К.Н. Бестужев-Рюмин, конечно, самый образованный человек в Петербурге.

Из переписки Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым

Бестужевы два брата. Профессор – порченый наукой. Был добрый. Теперь профессор, писатель славянофил, и – воспоминание о человеке.

Из дневника Л.Н. Толстого (21 июня 1881 г.)

ВВЕДЕНИЕ

«Историк-критик, стоявший вне “школы”, сдержанный и объективный в своих трудах, “двух станов не боец, а только гость случайный”, Бестужев не связал своего имени ни с каким определенным направлением в науке и стоял уединенною фигурою в ходе нашей историографии, оставив учеников, но не создав своей школы. Все условия, для того, чтобы быть забытым», — писал по случаю 25-летия со дня кончины Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897) С.Ф. Платонов, последний из оставленных им в Санкт-Петербургском университете учеников¹. С грустью приходится констатировать, что время лишь подтвердило

---

¹ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (+ 2 января 1897) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 225.

справедливость слов С.Ф. Платонова. Чаще всего Бестужев-Рюмин упоминается в связи с Высшими женскими курсами в Петербурге, открытыми в 1878 г. на его имя, как человека явно благонадежного в глазах правительственных чиновников (этот племянник казненного декабриста в течение восемнадцати лет преподавал русскую историю отпрыскам великокняжеской фамилии), и возглавляемых им до 1882 г. Редкие упоминания в работах по историографии не меняют дела. Имя Бестужева-Рюмина по-прежнему ассоциируется с женскими курсами, вплетая в удобство словоупотребления историческую справедливость.

Даже современники весьма скромно оценивали вклад Бестужева-Рюмина в развитие историографии и русской научной мысли в целом. Возможно, Бестужев-Рюмин и вовсе не удостоился бы отдельного упоминания, если бы не нашел своей, как принято говорить ниши, если бы не выбрал самостоятельного направления исследований, соответствующего потребностям развития исторической науки, или, говоря словами той эпохи, русского самосознания. В.О. Ключевский в отклике на смерть Бестужева-Рюмина подметил именно эту кураторскую позицию, занятую его петербургским коллегой. «В общем движении русской историографии он шел до конца своей особой дорогой, — писал В.О. Ключевский, — избрал себе здесь свое специальное дело, и это дело прямо отвечало на вопрос, поставленный широким развитием русского

исторического знания: он следил за все осложнявшимся движением русской исторической литературы, сводил, подсчитывал ее научные итоги, наблюдал ее общее направление и по временам отмечал в ней сомнительные или неосторожные уклонения»². Итоговым в этом смысле произведением Бестужева-Рюмина стала двухтомная «Русская история», наиболее ценной частью которой по признанию современников и потомков остается теоретико-библиографическое введение к первому тому. «Нисколько не умаляя и не преувеличивая этого труда, можно сказать, — продолжал свою мысль В.О. Ключевский, — что это не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей»³.

Интерес к фигуре Бестужева-Рюмина поддерживается не столько значимостью его специальных исторических работ, сколько тем временем, в котором ему довелось жить и работать. «К.Н. Бестужев-Рюмин, — по словам А.Е. Преснякова, — был эпигоном эпохи, впервые создавшей русскую историческую науку и заложившей основы самостоятельной русской общественной мысли в ее разнообразных течениях»⁴. Исследование

---

² *Ключевский В.О.* К.Н. Бестужев-Рюмин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 167.

³ Там же. С. 168.

⁴ *Пресняков А.Е.* К.Н. Бестужев-Рюмин (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. С. 166.

Бестужева-Рюмина о составе русских летописей устарело после выхода работ А.А. Шахматова и само уже представляет только историографический интерес. Лекции профессора, собранные в два тома «Русской истории», не получили достойной оценки в наступившую эпоху исторического скепсиса, хотя и послужили основой для ряда последующих исторических компиляций. Бестужев-Рюмин сам отчасти спровоцировал подобное отношение к своему наследию, отказавшись от концептуализации и догматизации своих взглядов на русский исторический процесс. «Своей догмы, — отмечал тот же А.Е. Пресняков, — своей системы воззрений у него, можно сказать, не было; он ее и не искал»⁵. Более доброжелательно настроенные современники отзывались о научных заслугах Бестужева-Рюмина благосклонно, хотя и в самых общих выражениях. Так академик А.Ф. Бычков, дававший заключение об ученых трудах историка при выборе его в действительные члены Академии наук, отмечал: «Бестужев-Рюмин не мало потрудился для истории литературы и как критик сочинений некоторых наших писателей, и как даровитый истолкователь и наблюдатель сменявшихся у нас литературных направлений. Гораздо более значения, чем историко-литературные труды Бестужева-Рюмина, имеют его сочинения по отечественной истории, из которых, впрочем,

---

⁵ Там же. С. 168.

некоторые могут быть отнесены к разряду историко-литературных»⁶. Отзыв А.Ф. Бычкова был составлен в 1890 г., когда Бестужев-Рюмин уже давно тяжело болел и отошел от активной научной работы. Оценку А.Ф. Бычкова, таким образом, можно считать своеобразным подведением итогов ученой деятельности историка, и уклончивый характер отзыва сам по себе показателен.

Интерпретация и оценка научного наследия Бестужева-Рюмина и в хронологическом и в смысловом отношении оставляет неискоренимое чувство некоторой второсортности. Конечно, Бестужев-Рюмин не был мыслителем первой величины и в историографической ретроспективе явно уступает своим современникам, тем же В.О. Ключевскому и С.М. Соловьеву. Неслучайно А.Е. Пресняков прямо называет его эпигоном. Все это в общем-то объясняет малую известность и не востребованность наследия Бестужева-Рюмина. Его тихий голос слабо слышен в общем хоре российской науки того времени. То же можно сказать и о философско-исторических взглядах Бестужева-Рюмина. Р.А. Киреева, автор последней по времени монографии о Бестужеве-Рюмине, вышедшей в 1990 г., сосредоточивая свое внимание на историографических работах ученого, специально выделяет

---

⁶ Записка ординарного академика А.Ф. Бычкова об ученых трудах члена-корреспондента Императорской Академии наук К.Н. Бестужева-Рюмина // Записки Императорской Академии наук. Т. 67. СПб., 1892. С. 52

почти не изученное теоретико-методологическое направление его исследований. «Бестужева-Рюмину, — пишет она, — не удалось завершить “Русскую историю”. Но и сделанное им значительно. Собрал и прокомментировал огромный источниковедческо-историографический материал, так сказать, фундамент исторической науки, он многим поспособствовал и тому, что вскоре стало называться методологией истории. Эту сторону научной деятельности Бестужева-Рюмина ценили его ученики, но на это не обращалось внимания в последующей литературе»⁷. Рассматривая бестужевскую концепцию русской истории, Р.А. Киреева отмечала: «Значительно интереснее теоретико-методологические размышления Бестужева-Рюмина об исторической науке, о задачах историка и о других вопросах, тем более что в последние десятилетия данная сторона его научного наследия почти совсем не рассматривалась»⁸.

Итак, предмет исследования — тихая историософия полузабытого мыслителя.

---

⁷ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990. С. 122.

⁸ Там же. С. 108.

СУДЬБА И ОБРАЗ ИСТОРИКА

Внешняя сторона жизни Бестужева-Рюмина не разнообразна яркими событиями, хотя и показательна в качестве судьбы потомка старинной, но не богатой дворянской семьи. Бестужев-Рюмин родился 14 мая (ст. ст.) 1829 г. в имении своего отца в сельце Кудряшки Горбатовского уезда Нижегородской губернии и был назван в честь великого князя Константина Павловича, у которого одно время служил его родитель. Помимо первоначального домашнего образования он закончил Нижегородскую гимназию, где его учителем был П.И. Мельников-Печерский, получивший известность в качестве романиста. В гимназии Бестужев-Рюмин сдружился со Степаном Васильевичем Ешевским, на сестре которого впоследствии женился.

Как историк Бестужев-Рюмин проявил себя не сразу. Поступив в 1847 г. в Московский университет с намерением заниматься историей, он в скором времени перешел на юридический факультет. «Поступил на 1-е отделение философского факультета (как тогда говорили, на словесный факультет), — указывал он в автобиографической записке, — но скоро, под влиянием разговоров товарищей,

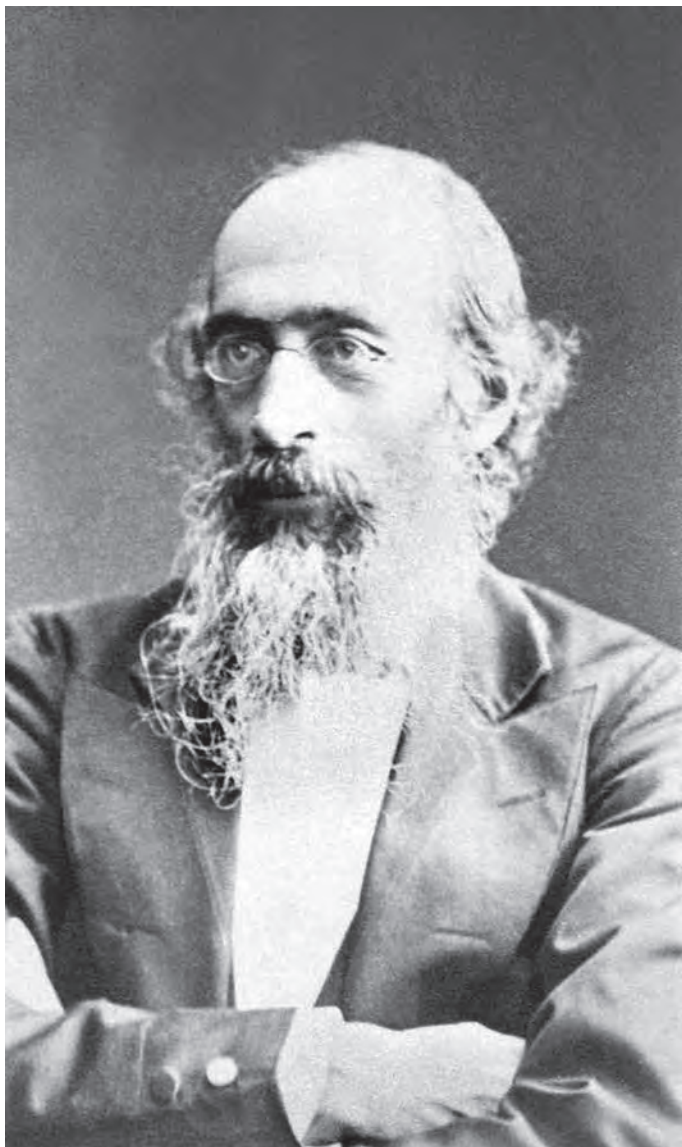
устрашенный обширным преподаванием грамматики и привлеченный первою лекциею Редкина, он перешел на юридический факультет»¹. О П.Г. Редкине Бестужев-Рюмин с благодарностью вспоминал сорок лет спустя: «Лекции Редкина нам были очень полезны: они приучали правильно мыслить; сама искусственность его изложения, тогда строго державшегося Гегелевской системы, сильно способствовала развитию»². Из других преподавателей Бестужев-Рюмин особо примечал К.Д. Кавелина. «Его лекции, — писал он в тех же «Воспоминаниях», — остроумные и оживленные привлекали к себе массу слушателей»³. Следует добавить, что в тот год К.Д. Кавелин читал курс, основные положения которого были изложены в его знаменитой статье о юридическом быте в древней России, напечатанной в журнале «Современник». На втором курсе Бестужев-Рюмин слушал лекции Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева. Портреты университетских учителей, оставленные им, содержат ряд любопытных черт. Сравнивая преподавательскую манеру Т.Н. Грановского и П.П. Кудрявцева, историк

---

¹ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. III. СПб., 1892. С. 188.

² Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), с предисловием и примечаниями академика Л.Н. Майкова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 67. СПб., 1901. С. 20.

³ Там же. С. 21.

К.Н. Бестужев-Рюмин

отмечал: «Курс Грановского отличался изяществом построения, сжатого картинного изложения. Это были очерки, но до того мастерские, что трудно приблизить к ним чье-либо изложение. Высокое благородное чувство всегда отличало Грановского и много способствовало развитию слушателей. Изложение Кудрявцева значительно отличалось от изложения Грановского: оно было фактическое, а главное — изобиловало психологическим анализом»⁴. П.Н. Кудрявцев, который, по наблюдению Бестужева-Рюмина, «никогда не смеялся, а как-то тихо улыбался»⁵, был типичным западником. «Кудрявцев говорил мне, — вспоминал Бестужев-Рюмин в письме к графу С.Д. Шереметьеву, — что он плакал, возвращаясь в Россию: так жаль ему было расставаться с Европой»⁶. Напротив, Т.Н. Грановский сочувственно относился ко всему русскому. Можно вспомнить, что несмотря на явные разногласия, резко обозначившиеся после 1844 г., Т.Н. Грановский продолжал сохранять дружеские отношения с И.В. Киреевским. «У нас привыкли считать Грановского, — писал по этому поводу Бестужев-Рюмин, — каким-то главою западников. Это неправда: Грановский, живой и бодрый, был гораздо более русским человеком, чем отвлеченный

---

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени. СПб., 1898. С. 35.

романтик Кудрявцев, видевший в истории преимущественно культурную сторону, высоко ставил европейское просвещение и мало ценил русские особенности»⁷. Показательно и отношение двух историков к Крымской войне, пришедшейся на последние годы жизни московских профессоров. Закончивший к тому времени Московский университет, Бестужев-Рюмин учительствовал в Александровском кадетском корпусе. «В Крымскую войну, — писал он, — Грановский печалился нашими неудачами, Кудрявцев радовался им, видя в них зарю обновления»⁸.

В письмах к матери Бестужев-Рюмин дал запоминающиеся характеристики преподавательской манеры своих учителей. «Всякий из профессоров (даже и Чивилев, с известной точки зрения), — писал он осенью 1848 г., — имеет свои, по большей части достоинства. Не говорю об Грановском, его авторитет утвержден. Я не знаю, может ли кто читать лучше его: светлый взгляд, оживленное, богатое мыслью и отлитое в поэтическую форму изложение, — вот вам достоинства Грановского. Читает он чрезвычайно сжато, указывая слушателям только на общие результаты, развивая общую картину истории. Не то Кудрявцев (Гр[ановский] читает древнюю (1 курс) и нам среднюю, Кудр[явцев] новую). Глубокий психолог, художник формы, Кудрявцев

---

⁷ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 23–24.

⁸ Там же. С. 24.

знакомит нас с биографиями деятелей тех событий, о которых читает... Он следит всякого деятеля, всякое движение шаг за шагом и делает это с необыкновенным искусством. Если кто, прослушав Кавелина, слушая Грановского и Кудрявцева, не полюбит историю, я и не знаю, что и сказать об этом. К ним примыкает Соловьев. Нынешний курс его не похож на курсы прежних годов, он торопится, сжимает, хочет непременно познакомить нас с реформой, чего прежде не делал. Зрелость взгляда, глубокое знакомство с источниками, какая-то особая пластичность выражения, умение все поставить на своем месте, всему дать истинное значение, все эти достоинства истинного историка соединяются в Соловьеве. Он учен, без педантизма, красноречив, без риторики, изложение его сжато без поверхностности и сухости. Сравнивая его с Кавелиным, я нахожу, что если у Кавелина блестящее, то у Соловьева он более положителен, если у Кавелина прекрасно отделана внутренняя сторона истории русской, учрежд[ен] обычай и пр., то Сол[овьев] старается соединить внутреннее с внешним»⁹. В другом письме, относящемся, вероятно, к октябрю 1848 г. Бестужев-Рюмин не скрывал своего удовлетворения университетскими лекциями: «Университетские дела мои очень хороши. Профессора все на подбор. Все историки. Что б[удет] на будущий год, боюсь и подумать. Впрочем, что будущий. Древние советуют: наслаждайся

---

⁹ РО ИРЛИ РАН. 24659. л. 4.

настоящим. Постараюсь исполнять этот мудрый совет»¹⁰. Эти же письма раскрывают и другую — бытовую — сторону студенческой жизни. «Со мной раз случилось в мою университетскую жизнь, — признавался Бестужев-Рюмин, — что я ходил два месяца осенью, в грязь, не только без калош, но даже просто без подошв»¹¹. Однако жалобы на материальные трудности редко встречаются в письмах Бестужева-Рюмина. Недостаточность средств не могла пересилить тягу к учению.

Переход на юридический факультет, как видно, не прервал занятия Бестужева-Рюмина русской историей. История преподавалась там почти в том же объеме, что и на философском (историко-филологическом) факультете. Отец не одобрил поступок сына. «Отец был недоволен моим переходом, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — ибо знал мое расположение к истории, да и сам я не подзревал, что я с собою сделаю. После оказалось, что все было к лучшему. Юридическое образование послужило мне много в моем преподавании и литературной деятельности»¹². Впрочем, юриспруденцию Бестужев-Рюмин изучал без особого рвения, да и непосредственные следы юридического образования, несмотря на уверения, едва ли можно обнаружить в его творчестве. «Редко ходя на лекции

---

¹⁰ РО ИРЛИ РАН. 25163/CZXXXIX6.23. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 21.

и не занимаясь совсем юридическими науками, — признавался он, — из которых я вынес только то, что слышал на лекциях, что мне, как историку, было достаточно (если бы только я слушал государственное право)»¹³. Критикуя впоследствии историческую концепцию своих учителей, Бестужев-Рюмин указывал на недостаточность именно государственно-юридической стороны исторического процесса.

Казалось, что само время и обстановка располагали к изучению истории. Бестужев-Рюмин до конца своих дней сохранил в себе образ сформировавшейся его эпохи. «По своему облику и складу, — писал о нем Е.Ф. Шмурло, — типичный представитель той эпохи, которую издавна принято называть “эпохой сороковых годов”»¹⁴. Николаевское царствование, которое из-за цензурных ограничений, гонений на самостоятельную политическую и даже культурно-просветительскую деятельность принято называть «мрачным», вынуждало искать еще не запрещенные сферы деятельности. К ним относилась и история. Более того, историческим исследованием в чиновно-полицейской России покровительствовал министр народного просвещения граф С.С. Уваров, сам в молодости увлекавшийся античными древностями. Характеризуя в одной из статей

---

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. I.

никалаевскую эпоху, Бестужев-Рюмин отмечал, что «внутри, по принятой тогда теории, повсюду господствовала бюрократия и регламентация; вторглись они в область мысли, цензура стесняла ее выражения; вследствие невозможности изучать настоящее, мысль обратилась к прошлому... на вопросы, далекие от настоящего и потому, по-видимому, мало интересные; разработка этих вопросов дала возможность полнее и лучше понять свою историю»¹⁵.

После смерти отца в 1848 г. Бестужев-Рюмин вынужден был обеспечивать себя материально и по окончании университета с 1851 по 1854 г. работал в с. Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии в качестве домашнего учителя «в высокоинтеллигентном семействе Чичериных»¹⁶. «Эти годы принадлежат к лучшим годам моей жизни», — вспоминал он позднее¹⁷. Обучая младших детей, Бестужев-Рюмин познакомился и со старшим — Борисом Николаевичем, трудившимся в то время над своей магистерской диссертацией. Наибольшую симпатию вызвал у Бестужева-Рюмина глава семейства. «Вообще разговорами с ним, — писал он о Н.В. Чичерине, — я много обязан в своем развитии и храню

---

¹⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. I.

¹⁶ *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 188.

¹⁷ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 36.

его портрет»¹⁸. Там же будущий историк получил свой первый преподавательский опыт. «Я становлюсь решительным педагогом и толкую бездну таких вещей, об которых сам, учившись, ничего не слыхивал, так что все идет, развиваясь», — писал он, несколько иронизируя над собой матери¹⁹. В том же письме Бестужев-Рюмин отмечал и изменения в своей внешности: «Вообразите, что я решительно хожу с бородой, что мне придает очень приятный вид»²⁰. Благодаря одной из англичанок, воспитывавших детей Чичериных, он выучил английский язык.

Материальные затруднения побудили Бестужева-Рюмина заняться журналистикой. Начав как помощник редактора «Московских ведомостей», в 1858 г. он вместе с товарищами предпринял издание «Московского обозрения», которое, по мысли организаторов, должно было состоять по большей части из критических статей и разборов современной литературы. Вспоминая о направлении задуманного издания, он писал: «...я не могу не признаться, что оно было весьма неопределенное, какое-то общее либеральное: мы все, то есть, постоянные сотрудники были очень молоды, мало еще знали, да и общее тогдашнее направление было таково же»²¹. Однако на втором выпуске издание прекратилось.

---

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 43.

²⁰ Там же. Л. 40.

²¹ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 57

В 1859 г. Бестужев-Рюмин по приглашению А.А. Краевского переехал в Петербург, где стал постоянным сотрудником и членом редакции «Отечественных записок». В сентябре 1859 г. он писал матери о наметившихся в своей жизни переменах: «Сообщу Вам важную новость о себе: я переселяюсь в Петербург: Краевский предложил мне очень выгодные условия, при которых я буду иметь более свободного времени и самостоятельную деятельность, чего в Москве я не мог добиться. Эти соображения заставили меня согласиться на его предложение и оставить Москву. На днях я подаю в отставку, и когда отставка будет получена, я переселяюсь. Жаль расставаться с Москвой, где я обжился, но что делать, если в Петербурге больше средств для деятельности по сердцу»²². Вскоре состоялся и сам переезд. 3 ноября Бестужев-Рюмин писал уже из столицы: «...я совсем переселился в Петербург по договору с Краевским по условиям для меня более выгодным, чем московские»²³. Жизнь в новом городе наладилась не сразу. В конце 1859 — начале 1860 г. Бестужев-Рюмин признавался матери: «Петербург глядит на меня все еще как-то дико: никого не знаю здесь; другие нравы, другие люди... Мы, москвичи, сходимся здесь чрезвычайно туго; здесь все в деньгах и статьи (разумеется знаменитостей)

---

²² РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 47.

²³ Там же. Л. 49.

продаются чуть не с аукциона»²⁴. Обжившись и обзаведясь знакомствами, Бестужев-Рюмин уже больше не сетовал на негостеприимный город, не жалуя в письмах лишь скверную питерскую погоду.

На журналистском поприще он выступил как автор многочисленных рецензий, а также статей критического и исторического характера. Навыки журналистской работы Бестужев-Рюмин сохранил на всю жизнь, продолжая и на академическом поприще писать многочисленные журнальные рецензии. «Вообще, журнальное дело он любил и читал до конца жизни», — поминал своего коллегу В.С. Иконников²⁵. Отдельные наблюдения, правда, до заурядности общего характера, о роли публицистики в жизни общества Бестужев-Рюмин оставил в ряде своих поздних рецензий. «Слово публициста, — отмечал он в рецензии на сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского, — действует только тогда, когда общественная мысль способна к его восприятию; тем не менее, публицистика должна говорить, как потому, что выраженная мысль будит мысли в тех, которые неспособны формулировать мысли, так и потому, что она может действовать на подрастающее поколение»²⁶.

---

²⁴ Там же. Л. 53.

²⁵ *Иконников В.С.* Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Киев, 1898. С. 6.

²⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Книга Н.Я. Данилевского. Сборник экономических и политических статей. Изд. Н.Н. Стрехова. СПб., 1890 // *Русский вестник*. 1890. №3. С. 261.

А в рецензии на книгу М.О. Кояловича «История русского самосознания» он несколько с сожалением писал, что «журналистикой издавна питается наше общество почти исключительно; а теперь и журнал оттесняется газетою»²⁷. Длительное время свои исторические взгляды Бестужев-Рюмин имел возможность выражать только в рецензиях. Осознавая различие между журнальной рецензией и научным исследованием, он в жанре самопрезентации давал следующее пояснение своей позиции: «...мы, просто, высказывали те вопросы и сомнения, которые возникли в нас при чтении новых трудов по русской истории, и тем, если не ошибаемся, исполняли обязанность журналиста. Журналист не академик, не профессор, не он создает науку; он не обязан непременно в замен теории, которую он находит неудовлетворительною, представить что-нибудь более дельное; он может ограничиться одним указанием тех сторон, которые его не удовлетворяют, посильною оценкою мнений, выраженных учеными»²⁸. Статья, из которой взята цитата,

---

²⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича. С.-Петербург, 1884 // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Январь. Ч. ССXXXVII. С. 135.

²⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство (по поводу статьи г. Дмитриева «Ответ г. Бестужеву-Рюмину» (Московские ведомости. № 209)) // Отечественные записки. 1860. Ч. СXXXIII. № 11. С. 2.

была опубликована в «Отечественных записках» в конце 1860 г., когда Бестужев-Рюмин еще и не помышлял об академической карьере.

Журналистская школа, а с возрастом и телесные недуги предопределили преобладание в наследии Бестужева-Рюмина «малых» жанров: рецензий, историографических очерков и портретов, позднее — некрологов. Из крупных произведений историка можно назвать его диссертацию «О составе русских летописей до конца XV в.», защита которой состоялась 16 мая 1868 г. в Санкт-Петербургском университете. На основе отзыва декана историко-филологического факультета И.И. Срезневского Бестужеву-Рюмину была присвоена докторская степень, минуя степень магистра. В 1872 г. вышел первый, а в 1885 г. второй том его «Русской истории», написанной на основе курса лекций, читавшегося в Санкт-Петербургском университете, где с 1865 по 1882 г. он занимал кафедру русской истории, приглашенный на нее по протекции того же И.И. Срезневского.

Еще в 1864 г. Бестужев-Рюмин бы приглашен преподавать русскую историю великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III. И затем в течение восемнадцати лет преподавал русскую историю другим членам императорской фамилии. Как писал Бестужев-Рюмин в письме к матери 25 августа 1864 г., «меня пригласили давать уроки великим князьям и потому я остался зиму в Петербурге и нанял квартиру в Ковенском

переулке, между Знаменской и Надеждинской, в доме Чичагова. Вчера я только перебрался в город из Петергофа: погода стоит отвратительная. Диссертация моя все еще на предварительных работах»²⁹. 1 сентября в другом письме он следующим образом пояснял свое решение: «...мне предложили, и я считаю долгом честного человека способствовать лучшему образованию лиц, призванных иметь такое важное влияние на судьбу России. Постараюсь честно исполнять свое дело, что тем легче, что при них очень умный воспитатель — А.И. Чивилев, бывший профессор. В июле я буду свободен и после такой трудовой зимы, какова будут следующая, надеюсь приходить к ним, на этот раз уже без всякой робости. Так я теперь предполагаю, а что из этого сбудется, нам неизвестно»³⁰.

Надо сказать, что по окончании юридического факультета Бестужев-Рюмин пытался сдать экзамен за историко-филологический факультет, чтобы иметь возможность профессионально продолжать специальные исторические занятия, работая над магистерской диссертацией. Однако О.М. Бодянский³¹ трижды проваливал его на экзамене. Получить степень кандидата историко-филологического

---

²⁹ РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 11.

³⁰ РО ИРЛИ РАН. 24659.

³¹ К.Н. Леонтьев, один из друзей Бестужева-Рюмина, оставил едкое описание уже престарелого О.М. Бодянского: «Кривой, старый хохол и хитрый кутейник Бодянский, который живет как *часы* или как *Кант*, мне гораздо больше нравится»

факультета в Москве не получилось. Перспектива научной и преподавательской деятельности, которую давала защита диссертации, привлекала Бестужева-Рюмина больше работы журналиста. «Дело в том, — писал он матери 12 января 1864 г., — что, конечно, профессура соединена с трудом, да что же в мире дается даром? Зато труд приятный, свой труд... Где я буду — этого еще не знаю. Может быть в Казани, в Харькове, Киеве, может быть и в Петербурге, но никак ни в Москве, где 1) вакансии нет, 2) где у меня много недоброжелателей. Вообще я возьму тот университет, который меня выберет. Предпочту Петербург — если здесь захотят меня — только потому, что здесь больше средств для работы: публичная библиотека, близка Москва с архивами и т. д.»³². Бестужев-Рюмин всерьез подумывал о переезде в один из провинциальных университетов. Работая над диссертацией, он писал в феврале 1864 г. матери: «О будущей судьбе своей знаю немного... и не угадываю: знаю, что тут ли, там ли непременно устроюсь; а мне хоть бы в провинцию, да устроиться поспокойнее, так надоело шататься»³³. Однако идею матери о возможности перейти директором в гимназию он не поддержал; «думаю, что могу читать лекции, по крайней

(*Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 52.).

³² РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 3.

³³ Там же. Л. 5.

мере, довольно взрослых учить без скуки, но детей учить не люблю и возиться с ними не умею», — писал он 3 мая 1864 г.³⁴ Летом 1864 г. ситуация, вероятно, несколько прояснилась. Бестужев-Рюмин начал преподавать историю великим князьям. 1 сентября 1864 г. он уже писал матери: «Не думаю, чтобы я уехал в провинцию, да кажется и дела не так складываются: я признаться и рад этому: кроме Петербурга и Москвы ученые занятия почти невозможны в России. В Москву меня не пустят, остается Петербург»³⁵. Бестужев-Рюмин уже не представлял для себя научной работы нигде, кроме столичного университета. Размышляя о возможности преподавания в провинциальном университете, он писал: «...мне приходилось бы отказаться почти совершенно от ученого значения; а это цель всей моей жизни, моя любимая мечта; для нее я принес много жертв и из-за нее мог бы быть полезным профессором... да мне этого мало: одному нужны деньги, другому чины, а мне работа, работа... работа по душе, с надеждой на будущее... все существо мое принадлежит труду»³⁶. Однако работа над диссертацией затягивалась, и это вновь делало будущее неопределенным. «Диссертация моя вновь двигается понемногу, — писал историк, — не так, впрочем, быстро, как бы мне хотелось... возможность ученой карьеры,

---

³⁴ Там же. Л. 9.

³⁵ РО ИРЛИ РАН. 24659.

³⁶ Там же.

т. е. возможность новых работ по душе. Об этом только я и думаю: отнять у меня работу значит почти обесцветить мою душу»³⁷. «Диссертация моя, — вновь сетовал Бестужев-Рюмин 21 ноября 1864 г. матери, — за разъездами (уроки в Царском селе у вел[иких] кн[язей]) двигается плохо и задерживает в неизвестности мое будущее: могу остаться в Петербурге, могу уехать в Киев; но пока не кончится диссертация ничего нельзя сказать верного»³⁸.

После защиты диссертации академическая карьера Бестужева-Рюмина развивалась вполне благополучно. 31 мая 1868 г. он был утвержден в звании экстраординарного, а 11 апреля 1869 г. — ординарного профессора. С 1867 по 1877 г. Бестужев-Рюмин читал лекции в Императорском историко-филологическом институте, а с 1877 г. на женских курсах. Министр Д.А. Толстой, руководствуясь решением правительства 1876 г. об открытии в университетских городах женских курсов, предложил в Санкт-Петербурге две кандидатуры: А.М. Бутлерова и Бестужева-Рюмина. После отказа А.М. Бутлерова, Бестужев-Рюмин приступил к организации Высших женских курсов в Санкт-Петербурге, за которыми вскоре закрепилось название «бестужевских». Организацией курсов и преподаванием на них историк занимался безвозмездно, а во время первого набора был вынужден проводить собеседование

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

со слушательницами у себя на дому в кабинете (он снимал тогда квартиру в Манежном переулке), так как еще не было найдено отдельного помещения для курсов. Заботы о Высших женских курсах наложились на и без того занятого Бестужева-Рюмина. О загруженности ученого свидетельствуют упоминания в письмах к матери: «У меня работы по горло: пишу, печатаю. К счастью, погода такая скверная, что и ехать по городу не особо хочется» (9 июня 1871 г.); «работа, то поездки в Царское Село, то университетские заседания отнимают у меня все время, просто оглянуться не успеваю» (3 ноября 1872 г.). С открытием женских курсов занятость Бестужева-Рюмина возросла многократно. «Захлопотался с курсами», — пишет он матери 6 июля 1878 г.³⁹ «Здоров; но работ и дел бездна; ничего и быть не может: на курсах около 900 слушательниц. Дела пока идут хорошо; но все может случиться», — информирует он 14 октября 1878 г.⁴⁰ В письме к матери 1 ноября 1878 г. он приводит распорядок своего дня: «Я здоров; но от дел голова кругом идет. опишу прошлую субботу (бывают такие дни не совсем редко) от 10 до 11 в Мраморном дворце; от 12 до 2 в Университете; от 7 до 9 в Славянском обществе; в 9 в Зимнем дворце распределение уроков; после до 11 в Университете у ректора

---

³⁹ Там же. Л. 52.

⁴⁰ Там же. Л. 84.

по женским курсам. Дома я почти не живу»⁴¹. И, наконец, в письме от 13 ноября 1878 г. он констатирует: «...последний месяц стоит целые годы»⁴².

Однако надо признать, что в тех же письмах нет ни одного сожаления о взваленных на себя заботах. Бестужев-Рюмин сознательно взялся за устройство женского образования. Как писал историк матери 21 мая 1875 г., задача женского образования видится ему в том, «чтобы женщина... стояла на одном уровне образования с мужчинами; а то от поверхностного образования... много бед... Многие боятся, что... пока очень мало образованных женщин, мало и долго еще будет мало, чтобы эти немногие возгордились слишком; несколько это справедливо, не знаю: опыта еще не было; да и едва ли справедливо лишать человека самого драгоценного, т. е. высшего образования»⁴³. Открытие Высших женских курсов состоялось 20 сентября 1878 г. Согласно Бестужеву-Рюмину, передавала его мысль одна из слушательниц, «цель курсов — дать женщине правильное образование, расширить ее кругозор, сделать из нее такого человека, который впоследствии, работая в семье или в обществе, сумеет воспитать новое поколение хороших русских людей»⁴⁴.

---

⁴¹ Там же. Л. 92.

⁴² Там же. Л. 96.

⁴³ РО ИРЛИ РАН. 24659.

⁴⁴ К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). СПб., 1897. С. 5–6.

Родословная и описаніе герба Бестужевых-Рюминых.

Во шлите описаніе герба Бестужевых-Рюминых. В означенном гербе изображены: щит, на котором изображены четыре креста, в центре которых изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит увенчан собственным шлемом, украшенным перьями, и увенчан коронкой, на которой изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах. Щит поддерживают два орла, стоящие на задних лапах, и два льва, стоящие на передних лапах. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах.

Данъ описаніе герба Бестужевых-Рюминых. В означенном гербе изображены: щит, на котором изображены четыре креста, в центре которых изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит увенчан собственным шлемом, украшенным перьями, и увенчан коронкой, на которой изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах. Щит поддерживают два орла, стоящие на задних лапах, и два льва, стоящие на передних лапах. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах.

В описаніи герба Бестужевых-Рюминых. В означенном гербе изображены: щит, на котором изображены четыре креста, в центре которых изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит увенчан собственным шлемом, украшенным перьями, и увенчан коронкой, на которой изображены: вверху — корона, в середине — два орла, в нижней части — два льва. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах. Щит поддерживают два орла, стоящие на задних лапах, и два льва, стоящие на передних лапах. Щит окружен двумя львами, стоящими на задних лапах, и двумя орлами, стоящими на передних лапах.

Герб и родословная Бестужевых-Рюминых.
Центральный архив Нижегородской области.
Ф. 639. Оп. 125. Д. 6502. Л. 170

Первый выпуск на Высших женских курсах состоялся 20 сентября 1882 г. Бестужев-Рюмин обратился к бывшим слушательницам с напутственной речью, в которой не только касался целей воспитания, но и связывал научную сторону высшего образования с религиозным отношением к миру, как необходимым условием научного поиска и нравственного существования. «Вы знаете, — говорил он в частности, — что последнего слова науки нет; вы приучены в осторожности обращения с фактами и с выводами; вы должны были научиться тому, что жизнь есть явление сложное, что ее нельзя и не следует гнуть в угоду односторонней теории; вы должны были приучиться к той мысли, что ум человеческий ограничен и что ему никогда недоступна вся полнота жизни. От этой мысли, которая сама напрашивается, логично верен переход к тому, что безграничное, безусловное, общее доступно не уму, а чувству человеческому, и открывается не наукою, а религиею. Необходимость религии — вот то слово, которое произносит и мудрый естествоиспытатель, и умный историк, и глубокомысленный философ. Чем более работает ум человека, тем более он понимает, как много он не знает, тем более научается он откровенно произносить то слово, которое так страшно для полузнания: “того я не знаю”. Отсюда вы выходите со спасительным страхом пред односторонним увлечением. Искренни молю Бога, да ниспошлет Он вам возможность охранить ваших

детей или воспитанников от вреда самодовольного полужнания, которое хуже невежества!»⁴⁵

В 1879 г. на Высших женских курсах произошел случай, следствием которого стало тяжелейшее воспаление легких у Бестужева-Рюмина, осложнения после которого все-таки впоследствии вынудили историка совсем оставить преподавание. Скупая запись в записной книжке Бестужева-Рюмина гласит: «Захворал 19-го марта и только сегодня (30 апреля — А.М.) выписал в первый раз: было воспаление легких; едва не умер (24 — 26 марта)»⁴⁶. Событие, послужившее причиной болезни состояло в следующем: в здании Александровской гимназии, занятой Педагогическими курсами, где первый год размещались и Высшие женские курсы, должен был состояться устроенный Педагогическими курсами вечер в пользу «недостаточных» слушательниц, на который был приглашен И.С. Тургенев. Курсистки, которым не достались билеты, решили встретить И.С. Тургенева на лестнице и преподнести ему приветственный адрес, аналогичный тому, который подготовили слушательницы Педагогических курсов. Руководство Педагогических курсов обратилось к Бестужеву-Рюмину с просьбой, чтобы слушательницы Высших женских курсов не препятствовали приезжающим и не устраивали

---

⁴⁵ Новое время. 1882. № 2358.

⁴⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. РІ. Оп. 2. № 254.

незапланированных акций. Бестужев-Рюмин на лестнице, где собрались курсистки, уговаривал их разойтись и курсистки разошлись. Однако позже подошли новые слушательницы, не знавшие о просьбе Бестужева-Рюмина. Уже дома Бестужев-Рюмин узнав, что курсистки все же дождались И.С. Тургенева и преподнесли ему адрес, посчитал себя обманутым. «Но нравственное волнение, — вспоминала одна из участниц события, — соединенное с простудой, захваченной, вероятно, на лестнице, пока К. Н. убеждал слушательниц, стоя на сквозняке, закончилось весьма грустно: сильнейшее воспаление легких чуть не свело его в могилу»⁴⁷.

Если недоразумения, возникавшие на Высших женских курсах, со временем разъяснялись, то положение в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, осложненное личными взаимоотношениями, оставалось запутанным. Письма Бестужева-Рюмина наполнены безнадежными сожалениями по поводу дел в Славянском обществе. «Курсы устраиваются; а в Славянском обществе идет сказка “о белом быке” (помните: “сказать ли тебе сказку о белом быке?”)», — писал он матери 16 мая 1878 г.⁴⁸; «там идет... нелепейший разлад. Это невесело» (декабрь 1879 г.)⁴⁹. В Славянском

---

⁴⁷ К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 16.

⁴⁸ РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 42.

⁴⁹ Там же. Л. 91.

обществе «сумбур и бестолков[ость]. Надо наводить порядок», — отметил Бестужев-Рюмин в записной книжке, став председателем общества⁵⁰. Однако компромисс интересов найти не удалось и в результате интриг в 1882 г. Бестужев-Рюмин оставил пост председателя. По мнению С.Ф. Платонова, «Практическая деятельность К. Н-ча в Славянском благотворительном обществе и на курсах остановила его ученые работы»⁵¹, а также окончательно подорвала его и без того слабое здоровье⁵². Осенью 1882 г. он был вынужден оставить преподавание и на два года уехал за границу для поправления здоровья. Однако заметного улучшения не наступило и в конце 1884 г. он окончательно покинул университет. В письмах той поры С.Ф. Платонов несколько раз с сожалением писал о неотвратимости ухода Бестужева-Рюмина из университета. «Здесьних историков, — отмечал он 1 октября 1884 г. в письме Я.Л. Барскову, — более занимает здоровье Бестужева-Рюмина: оно очень слабо и он, пожалуй, оставит Университет. Нужно знать этого человека, чтобы понять, какую крупную педагогическую и интеллигентную личность можем мы потерять.

---

⁵⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р1. Оп. 2. № 254. Л. 47.

⁵¹ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. С. 176.

⁵² «Можно думать, — писал тот же С.Ф. Платонов, — что руководство курсами и доканало некрепкое здоровье Бестужева» (Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Книга вторая. С. 123.).

Курсы свои (женские) он уже совсем оставил. Будет ли он в Университете или нет, отрадно то, что он думает продолжать свою “Историю”, и думает очень серьезно»⁵³. И вновь в письме Я.Л. Барскову 17 октября 1884 г.: «Бестужев уходит, и неизвестно кто вместо него, и *будет ли* еще кто вместо него избираться по новому уставу. Жаль, что Бестужев уходит: это светлая *личность*, одно созерцание которой благотельно действовало на студентов в нашей убогой обстановке по части исторических идей. Он умел зажечь во всяком огонек, и если у него нет учеников или они плохи, то — надо правду сказать — не всегда он умел выбирать способных людей»⁵⁴. В 1885 г. историк вновь ездил в Италию на лечение. После возвращения в его деятельности, по слову С.Ф. Платонова, наступило «затишье».

Уже покинув университет, Бестужев-Рюмин старался поддерживать отношения с молодыми «русскими» историками, постоянно интересовался ходом их научных исследований, подготовкой диссертаций и т. п. Наталья Николаевна, жена С.Ф. Платонова, одна из учениц Бестужева-Рюмина по Высшим женским курсам, писала отдыхающему в Крыму ученому подробные отчеты о жизни молодых петербургских историков, коллег ее мужа. Письма А.Е. Преснякова к матери сохранили описания нескольких визитов начинающего историка

---

⁵³ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. Т. I. М., 2003. С. 13.

⁵⁴ Там же. С. 14.

к престарелому Бестужеву-Рюмину. «Бестужев говорит, что скучает без молодежи, а теперь у него никто из студентов не бывает. Нечего и говорить о том, какой он славный и интересный. Я просидел целый вечер, с 7 до 11. Сперва мы были вдвоем, говорили о моей работе. Но это такой непочатый край — эти московские летописи, что я тут тверже Бестужева! Он ничего не мог сказать интересного, а я не решился сказать ему на кое-какие замечания, что он прямо ошибается... Но вернемся к Бестужеву. У него премилая старушка жена, а потом пришел его родственник, учитель истории Белов. Странное впечатление производят люди, спокойно говорящие: а помните, когда мы в 47-м жили там-то, и т. п. Они все в воспоминаниях. Говорили о Грановском, Погодине, Мельникове-Печерском, Кудрявцеве и многих других. Всего не припомнишь, а что и помнишь, не перескажешь. Во всяком случае, было и приятно и интересно. Точно сам переносишься в историческое прошлое. Бестужев звал меня к себе, говоря, что он всегда дома, и на память подарил три своих брошюры. Какой он старенький и какой юный! Глаза такие живые, блестящие и умные. Говорит с увлечением и любит поговорить, но с большим тактом уклоняется от спора, хотя и правда — с Беловым нельзя спорить: это вечный спорщик, *bête noir* исторического общества. У Бестужева своеобразные симпатии — и я взвешивал, что сказать, чтобы не провратиться чем-ниб[удь] резким. Он не партиен, но друзья у него консервативные,

да еще подозрительные личности, вроде Мельникова и Иловайского, о которых он с уважением говорит. Зато москвичей не одобряет, хотя и прав в этом, считая, напр[имер] Милюкова увлекающимся до односторонности. Да, все-таки чувствуешь как-то, что это — прошлое, хорошее, славное прошлое, но не такое, чтобы сохранить влияние. Да влияния Бестужев особенно никогда не имел. И его ученики воспитывались не у него, а у Васильевского. Этот покрупнее калибром»⁵⁵.

Первое посещение Бестужева-Рюмина состоялось 14 января 1893 г., а 15 апреля А.Е. Пресняков вновь был у историка: «Вечером вчера я зашел к Бестужеву. Что за прелестный старик! Такая хорошая, разносторонняя, образованная интеллигентная сила. И такой добрый и простой. Мне с ним очень хорошо, несмотря на грустную ноту, которая как-то звучит в его живой речи. Он очень нездоров и слаб, и это — плюс какие-то тяжелые домашние обстоятельства — придает грустный тон его беседе; я сказал “несмотря”, а вернее, потому-то мне так и хорошо с ним. Мы много говорили о моих делах, а еще больше о живописи и смотрели вместе альбомы Иванова с их иллюстрациями к Евангелию. Я не знаю вещи более глубокой по настроению, это неотразимое, мягкое, религиозное, наивное настроение так и останется надолго после них. Я рад,

---

⁵⁵ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 77–78.

что Бестужев их любит. Их почти никто не знает, а это, может быть, лучшее в русском искусстве. Потом говорили обо мне. Я между 2-х огней. Платонов хочет, чтобы я писал что-нибудь более широкое и содержательное, а Бестужев, и это мне ближе, поддерживает мою мысль о широком изучении летописей, в которых моя работа заняла бы кусочек одной главы»⁵⁶.

Бестужев-Рюмин подталкивал А.Е. Преснякова к занятиям методологическими и философскими вопросами истории. Исследование источников должно сопровождаться более широким взглядом на историческую науку. «Бестужев хочет, — писал А.Е. Пресняков 10 ноября 1893 г. о новой встрече с Бестужевым-Рюминым, — чтобы я писал о летописях. Но он же указывал мне на необходимость именно теперь, на первых же порах, позаняться тем, чем я и без него занят, — языкознанием (он прямо Потребню назвал) и методологией. По его мнению, это и значит “взглянуть на свою работу серьезнее”, т. е. расширить ее за школьные рамки, поставив на сколько-ниб[удь] философскую почву. Принял он меня, как всегда, очень мило; поговорить с ним интересно, но слушаться его относительно летописей я, может быть, не найду возможным»⁵⁷. По просьбе В.Г. Васильевского Бестужев-Рюмин отрецензировал работу

---

⁵⁶ Там же. С. 100.

⁵⁷ Там же. С. 121–122.

А.Е. Преснякова о Царственной книге. «Рецензия Бестужева стоит медали», — так отреагировал на отзыв сам А.Е. Пресняков⁵⁸.

Какое-то время (1885–1887) Бестужев-Рюмин редактировал «Известия славянского благотворительного общества». 3 марта 1890 г. Академия наук избрала его своим действительным членом и это несколько оживило его деятельность, но не надолго: в ноябре того же года произошло кровоизлияние в мозг. Русское археологическое общество 15 декабря 1890 г. избрало Бестужева-Рюмина своим почетным членом. Скончался Константин Николаевич Бестужев-Рюмин 2 января 1897 г. от болезни легких, которая обострилась с весны 1896 г. По воспоминанию академика Л.Н. Майкова, «он учился беспрерывно и еще за два дня до кончины едва слышным голосом жаловался мне, что мало читает»⁵⁹. В письме к одному из корреспондентов, графе С.Д. Шереметьеву, С.Ф. Платонов отмечал личные и профессиональные качества скончавшегося ученого: «И я испытал на себе ту отзывчивость ко всякому ученому труду и ученому интересу, какая отмечена Вами в покойном Бестужеве: именно это качество доставляло Константину Николаевичу учеников и друзей. Как бы кто ни расходился с ним

---

⁵⁸ Там же. С. 101.

⁵⁹ *Майков Л.Н.* Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ч. СССІХ. Февраль. С. 159.

в наклонностях и взглядах, все-таки он мог рассчитывать на неизменное, беспристрастное внимание и на тонкую благожелательную оценку со стороны Бестужева во всяком деле на поприще всякого знания. Скромность его была также велика»⁶⁰. Похоронен Бестужев-Рюмин на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

Коллеги и ученики передали в воспоминаниях отдельные черты его характера и личности. «Много сделал Бестужев-Рюмин для развития русской исторической науки своими трудами; но едва ли не больше — для развития вообще русского общества своею личностью»⁶¹. Цитата взята из речи Н.Д. Чечулина, произнесенной на заседании издательского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III 11 февраля 1897 г. Деятельность Бестужева-Рюмина в Санкт-Петербургском университете, на Высших женских курсах и в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, действительно, имела не меньшее значение для русского общества, чем его научные и критические труды. Словесный портрет Бестужева-Рюмина, дошедший до нас благодаря современникам, рисует в целом обаятельный образ ученого и преподавателя. Большая

---

⁶⁰ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. Т. I. С. 48.

⁶¹ Чечулин Н. Памяти учителей: К.Н. Бестужев-Рюмин. В.Г. Васильевский. Л.Н. Майков. СПб., 1901. С. 7.

часть описаний относится уже к зрелым годам историка, когда болезнь легких сказалась на его облике. Практически все указывают на его тихий голос. «Этот болезненный человек с слабым голосом и худым смуглым лицом», — отмечал в некрологе С.Ф. Платонов⁶². Как писал тот же С.Ф. Платонов в воспоминаниях о студенческих годах, «черты благовоспитанности отличали и тонкую, хрупкую фигурку Бестужева, с его характерным смуглым, семитического типа, лицом и седеющими длинными кудрями»⁶³; Бестужева-Рюмина выделяла «явная печать светской благовоспитанности в речах и манерах»⁶⁴ и даже аристократизм. Как отмечала одна из слушательниц Высших женских курсов: «На лице К. Н., как и на речи его, лежал отпечаток изящества, духовного аристократизма, если можно так выразиться»⁶⁵. Его отличал «огромный запас терпения и природной доброты»⁶⁶.

«Константин Николаевич привлекал к себе всех и редкими качествами своего характера, приветливого, ровного и мягкого, в лучшем значении этого слова... его мягкость была только внешним

---

⁶² Платонов С.Ф. Статьи по русской истории С. 175.

⁶³ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 112.

⁶⁴ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 226.

⁶⁵ К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 5.

⁶⁶ Там же.

проявлением той высоко развитой гуманности, которая составляла одну из выдающихся сторон его нравственного типа»⁶⁷. Жанровые особенности некролога предполагают в хорошем смысле предвзятое мнение о человеке. Однако П.Н. Полевой едва ли в своей характеристике отошел от истины. Дружелюбие и мягкость — черты, отмечаемые всеми, писавшими о Бестужева-Рюмине. Л.Н. Майков в речи «Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина», произнесенной в Академии наук 11 января 1897 г., назвал его человеком «твердого долга и мирного благоволения»⁶⁸. Однако мягкость характера Бестужева-Рюмина порой оборачивалась неуверенностью и нерешительностью в поступках, невняtnостью и неопределенностью во взглядах. По словам Е.Ф. Шмурло, «вечно колеблющийся, нерешительный, всю жизнь проводит он в борьбе с обуревавшими сомнениями, с неверием в самого себя»⁶⁹. С.Ф. Платонов более определенно говорит о «замкнутости и уклончивости» своего учителя. «В широкой среде он был словоохотлив, — делился С.Ф. Платонов воспоминаниями по случаю 25-летия со дня кончины Бестужева-Рюмина, — но очень осмотрителен и внутренне сдержан, и узнать его

---

⁶⁷ Полевой П.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. LXVII. С. 606.

⁶⁸ Майков Л.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 159.

⁶⁹ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. I.

отношение к человеку или факту не всегда бывало возможно. Поэтому Бестужев казался натурою сложною, и подход к нему представлялся трудным»⁷⁰. В другой статье С.Ф. Платонов говорит о том, что характер Бестужева-Рюмина был «сложным, замкнутым, уклончивым, в одно и то же время сдержанным и раздражительным»⁷¹. Вместе с этим С.Ф. Платонов отмечал такие черты научного облика своего учителя, как «склонность и способность к синтезу»; «тонкая наблюдательность, — писал он, — соединялась в нем с сильною критическою способностью»⁷². А.Е. Пресняков, не испытавший заметного личного влияния Бестужева-Рюмина, уже пишет, что «твердой воли, цельной, определенной природы в нем не было; преобладала отзывчивость, наблюдательность, разносторонность восприятия»⁷³.

На историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета Бестужев-Рюмин внешне выделялся уже тем, что носил фрак, а не вицмундир и «носил его как “истый барин”, светский человек»⁷⁴. В отличие от противоречивого

---

⁷⁰ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 226.

⁷¹ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 124.

⁷² Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 226.

⁷³ Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 168.

⁷⁴ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 111.

описания его и в самом деле, по-видимому, противоречивого характера, современники на редкость единогласно передают лекторскую манеру Бестужева-Рюмина. Чтобы не симулировать личное впечатление от лекций историка, приведу их описания, оставленные Е.Ф. Шмурло, С.Ф. Платоновым и одной из слушательниц Высших женских курсов. До 1871 г. Бестужев-Рюмин один читал общий курс русской истории и специальные курсы, затем чередовал общий курс с Е.Е. Замысловским. Практических занятий Бестужев-Рюмин обычно не вел. «Он никогда не говорил спокойно, — указывал Е.Ф. Шмурло, — он ни к чему не относился индифферентно. В былые годы, едва появляясь в дверях аудитории, еще не дойдя до кафедры, он уже начинал свою лекцию»⁷⁵. «Его изложение, — писал Е.Ф. Шмурло уже в монографии, — обыкновенно неровное, нервное, всегда живое, полное огня, было не столько лекцией, сколько беседою... Манера говорить — начиная лекцию нередко еще на ходу, не усевшись в кресло, всегда на память, без тетрадок и конспектов, с нервной торопливостью человека, желающего поскорее поделиться своею мыслью; впалые, воспаленные глаза, худое изможденное лицо — все это также действовало возбуждающим образом и невольно приковывало слушателя»⁷⁶.

---

⁷⁵ Шмурло Е.Ф. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ч. СССІХ. Февраль. С. 181.

⁷⁶ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 137–138.

С.Ф. Платонов дает более развернутое описание лекций Бестужева-Рюмина и его образ как лектора. По его словам, «на историко-филологическом факультете 70-х годов Бестужев был не только лучшим, но и единственным в своем роде лектором. Никто так не знакомил студентов с состоянием своей науки, никто так не увлекал аудиторию прелестью ученого труда»⁷⁷; «редкий дар изложения, — писал он в другой статье, — делал его лекции одними из самых увлекательных»⁷⁸; «то, что я услышал на лекции К. Н-ча, не сразу стало понятным, но сразу пленило и увлекло. Перед нами был не лектор, не учитель, а собеседник, простой, изящный, остроумный и серьезный; он не “читал”, а просто разговаривал о своем деле, как говорят с равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую речь, с отступлениями от главной темы, с личными воспоминаниями, живыми характеристиками кружков и лиц, с меткими оценками трудов, о которых заходила речь, — надобно было некоторое напряжение и некоторая подготовленность; ее давала «Русская история», которая, в свою очередь, становилась доступнее после лекций... Это умение, даже, можно сказать, потребность К. Н-ча излагать каждый вопрос историографически, пользуясь при этом не одною книжною справкою, но и личными

---

⁷⁷ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 227.

⁷⁸ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории С. 174.

воспоминаниями, сочеталась с чрезвычайной живостью речи, блиставшей умом и в то же время изящною простотою, и производила тогда поистине огромное впечатление»⁷⁹. «Бестужев не был оратором, — вспоминал уже через сорок лет С.Ф. Платонов о лекциях Бестужева-Рюмина по русской историографии, — он не «читал», он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи. Беседа захватывала его самого настолько, что он забывал обстановку, привставал, иногда почти всем корпусом припадал к кафедре, занося ногу на кресло, иногда обходил кафедру кругом. Перед нами был человек широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного уmozрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики. Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими учеными интересами и жаждою народного самопознания. Работа на ученом поприще родной истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение. Какой-то поэзией ученого труда обвевала нас быстрая, воодушевленная, блиставшая остроумием речь Бестужева. И жаль было провожать его из аудитории, и приятно было ждать следующей пятницы...»⁸⁰

---

⁷⁹ Там же. С. 175.

⁸⁰ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 112.

Воспоминания курсистки повторяют основные черты преподавательского облика Бестужева-Рюмина: «К.Н. всегда начинал читать слабым голосом; даже на первых скамьях трудно было разобрать его слова; постепенно воодушевляясь, он говорил все громче и живее; глаза разгорались; он переходил с одной стороны кафедры на другую, спускался и поднимался по ступеням и, все более увлекаясь, увлекал за собою аудиторию. Иногда, бывало, войдет К.Н. усталый, начнет говорить тихо, напрягаешься изо всех сил, чтобы уловить его речь; но дошел до ученого имени, вызвавшего в нем живое воспоминание и спешит поделиться им с нами. Иной раз увлечется и далеко отступит от предмета лекции; мы особенно любили эти импровизации»⁸¹. Бестужев-Рюмин умел увлекать и волновать слушателей на лекциях и при этом избегал любых риторических украшений, «никогда не искал популярности и аплодисментов»⁸². Та же курсистка приводит и объяснение самого историка, почему он сторонился проявлений внешней благодарности к своим лекциям. «К. Н. часто рассказывал нам следующий эпизод из своей студенческой жизни. На первой лекции Шевырева он и его товарищ пришли в такое смешливое настроение от странного впечатления, которое произвел на них вид профессора, похожего

---

⁸¹ К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 7–8.

⁸² Там же. С. 14.

на “два сложенные арбуза” и гласящего сладким голосом, упиваясь собственным красноречием, что они решили скрыть его в аплодисментах. Шевыреву это понравилось, но у К. Н. с тех пор вкоренилось убеждение, что в аудитории аплодисменты не имеют значения»⁸³.

Как руководитель курсов Бестужев-Рюмин интересовался занятиями преподававших там профессоров, приходил на их лекции. «К. Н. зачастую посещал лекции других профессоров, по окончании которых мы окружали его в зале, смежной с аудиторией, и начинались беседы. Живо помню такую картину: К. Н. быстро ходит по залу своею обыкновенною походкой, нагнувшись вперед, заложив одну руку за спину, а другою поглаживая бороду, и оживленно говорит. Иной раз, подымаясь по лестнице, слышишь уже издали его громкий заразительный смех; подходишь и видишь: К. Н. в восторге от выслушанной остроты или какой-либо комической истории. Интересно бывало проследить, как К. Н. подойдет к группе слушательниц, подхватит чье-либо замечание и продолжает развивать на ту же тему, пересыпая разными воспоминаниями и анекдотами, которых у него было в запасе множество. Память его была колоссальная; он знал наизусть целые поэтические произведения, превосходно помнил все хронологические данные, а уж что касается до мелких воспоминаний из жизни, то на них

---

⁸³ Там же. С. 14. прим.

он был неистощим»⁸⁴. Записные книжки историка содержат следы его впечатлений от лекций других преподавателей: В.С. Соловьева, А.Д. Градовского и др. Судя по немногочисленным сохранившимся запискам, с А.Д. Градовским его связывали теплые дружеские отношения.

Еще одно краткое косвенное свидетельство аудиторных занятий Бестужева-Рюмина встречается в письме П.Л. Лаврова. «Поздравляю с началом лекций в университете, — писал он Бестужеву-Рюмину в конце сентября 1864 г., — в четверг ко мне... приходил один Ваш слушатель и говорил, что студенты чрезвычайно довольны...»⁸⁵ Наиболее запоминались студентам лекции, содержащие личные воспоминания Бестужева-Рюмина о деятелях русской историографии, с которыми он был знаком, хотя, конечно, его занятия не превращались в мемуары. «Лекции К. Н., — приведу еще одно свидетельство Е.Ф. Шмурло, — богатые разнообразным и внутренним содержанием, велись то в форме беседы, изобиловавшей тонкими характеристиками, остроумными сближениями, неожиданными отступлениями; то в форме тщательного анализа источников, ученых теорий»⁸⁶.

Как учитель, как руководитель студентов, однако, Бестужев-Рюмин вел себя пассивно, предоставлял

---

⁸⁴ Там же. С. 10–11.

⁸⁵ РО ИРЛИ РАН. 24873/CZXXX62. Л. 1.

⁸⁶ Там же. С. 201.

ученикам полную свободу научного развития, следуя, вероятно, врачебному принципу «не навреди». Согласно С.Ф. Платонову, Бестужев-Рюмин «никогда систематически не руководил и чувствовал, что к такому руководству не способен»⁸⁷. «На каждого из них, — писал С.Ф. Платонов об учениках Бестужева-Рюмина, — он смотрел, как на росток, у которого свой корень и которому надо только не мешать расти. Он не предлагал ему своей опеки и брал на себя роль критика лишь тогда, когда его о том просили»⁸⁸; «К. Н-ч действительно сообщивался с “симпатиями” учеников и полагал свой долг именно в том, чтобы создать юноше обстановку для работы, не стесняя его личных взглядов и способностей»⁸⁹. С.Ф. Платонов находил и объяснение такому самоотстранению Бестужева-Рюмина от учеников в особенностях научного развития самого Константина Николаевича. «Сам пройдя в юности чрез различные, совершенно разнородные влияния и не отдавшись слепо ни одному, он не заставлял своих учеников *jurare in verba magistri*, напротив, стремился охранить в каждом свободное развитие личности и никогда не делал вопроса из разницы личных взглядов»⁹⁰.

---

⁸⁷ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 227.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории С. 179–180.

⁹⁰ Там же. С. 179.

Е.Ф. Шмурло, менее склонный предъявлять претензии своему учителю, указывает на ту же отстраненную позицию Бестужева-Рюмина по отношению к студентам. «Бестужев, — пишет он, — силен был именно как лектор-собеседник, как проповедник известных идей, положений», но вот роль учителя, указывающего путь молодому исследователю, он брал на себя неохотно; «он не любил и не умел вводить студента в лабораторию исторической работы, руководить его занятиями... по отношению студентов-слушателей он ограничивался лишь общими указаниями, не вдаваясь в подробности и предоставляя разрешение их собственному чутью и пониманию работающего»⁹¹. Е.Ф. Шмурло приводит и признание самого Бестужева-Рюмина в письме от 27 марта 1884 г., т. е. когда Константин Николаевич уже окончательно оставил преподавание: «Я сам самоучка, а оттого и не умею готовить других»⁹².

После такой характеристики, какую Бестужева-Рюмину как научном руководителю дают Е.Ф. Шмурло и С.Ф. Платонов, вопрос о «школе Бестужева-Рюмина», кажется, отпадает сам собой. Деликатность и осторожность, а, порой, и неуверенность Бестужева-Рюмина часто приводили к тому, что он воздерживался от навязывания

---

⁹¹ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 157.

⁹² Цит. по: Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 158

своих взглядов ученикам. С такой позицией согласуется и методологическая сторона исследовательской установки историка, требовавшего сперва изучить источники, затем сформулировать свое впечатление, а уже потом делать обобщение. Руководство же предполагает заранее выбранную точку зрения, возведенное в ранг знания частное мнение. Однако для Бестужева-Рюмина любое мнение требует пристальной критической проверки, сравнения источников и установления их аутентичности факту. На основе же критического метода, действительно, сложно создать школу. «Современники Бестужева-Рюмина, — замечает А.Н. Цамутали, — особенно московские историки, критически относились к его школе»⁹³, т. е. к предпочтению критического анализа источников другим видам исторического исследования. «Бестужев-Рюмин был строже к себе; его «История» есть лишь репертуар фактов в связи с образом (обзором?) источников», — так аттестовал подход ученого П.Н. Милюков⁹⁴. От «критического отношения» не далеко было и до сомнения в существовании самой школы. Школа предполагает, как настаивал Е.Ф. Шмурло, односторонность взгляда и фанатизм следования

---

⁹³ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985. С. 80.

⁹⁴ *Милюков П.Н.* Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер) // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 489.

ему⁹⁵ — качества до отторжения не соответствующие натуре Бестужева-Рюмина. Если еще приехавший из Москвы П.Н. Милюков в общении с престарелым Бестужевым-Рюминым мог уловить отголоски былого лидера научной школы⁹⁶, то наследник ученого по кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов

---

⁹⁵ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 160–161.

⁹⁶ «Приехав в Петербург во второй половине 80-х годов для архивных занятий, — писал П.Н. Милюков о своей первой встрече с Бестужевым-Рюминым в 1888 г., — я еще застал в живых вождя петербургской школы в ее первоначальном виде К.Н. Бестужева-Рюмина (он умер в 1897 г.). Ближе всех к нему стоял старейший из его последователей, добрейший Е.Ф. Шмурло, через которого и состоялось мое знакомство с К.Н. Было что-то необыкновенно привлекательное в этом живом свидетеле прошлого нашей науки. Его личная беседа была интереснее, шире, оживленнее его печатных работ, и я проникся каким-то суеверным уважением к его благородным сединам и к возвышавшей его над всеми культурности» (*Милюков П.Н. Два русских историка*. С. 490). Правда, когда С.А. Венгеров обратился в 1890 г. к П.Н. Милюкову с просьбой написать для «Критико-библиографического словаря» статью о Бестужеве-Рюмине, тот отказался, сославшись, что «моя оценка личности К.Н., после личного с ним знакомства, оказывается значительно выше, чем оценка результатов его ученой деятельности, а характеристика его направления, даже самым объективным тоном написанная,... была бы в моих устах и Вашем словаре вместе и осуждением этого направления», «Я был бы в отчаянии, если бы мои печатные страницы причинили старику несколько неприятных минут» (Цит. по: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 47, 93.).

уже категорически отрицал возможность такой школы. Правда, в этом отрицании ощутим и личный мотив. Существой «школа Бестужева-Рюмина» на самом деле, она бы не ограничилась ролью одной из научных школ, а претендовала на признание в качестве ведущего направления «петербургской исторической школы» или, по крайней мере, «петербургской школы русской истории»⁹⁷. Реальность «школы» в науке — дело признания. Если уж ближайшие ученики Бестужева-Рюмина не признают такую школу, то ее, вероятно, и вправду нет. Другое дело, что Санкт-Петербургский университет конца

---

⁹⁷ В последние годы вопрос о «петербургской исторической школе» стал предметом оживленной дискуссии среди историков. См.: *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995; *Ананьич Б.В.* Петербургская историческая школа (1929–1931 гг.) // *Россия в XX в. Судьбы исторической науки.* М., 1996; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* К вопросу о петербургской исторической школе // *Консерватизм и современность.* Вып. 5. Пермь, 1998; *Ростовцев Е.А.* Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // *Петербургские чтения—1999.* СПб., 1999; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* О петербургской школе и ее судьбе // *Отечественная история.* 2000. № 5; *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Брачев В.С.* А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б. Свердлову // *Брачев В.С.* Русский историк А.Е. Пресняков (1870–1929). СПб., 2002; *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

ХІХ в. — слишком крупный научный центр, чтобы не иметь своей исторической школы и при наличии непрерывности исторического образования и педагогической преемственности (а такая непрерывность и преемственность в преподавании русской истории утвердилась именно с Бестужева-Рюмина) ни что не мешало С.Ф. Платонову «встать во главе» школы. Потомки отвели Бестужеву-Рюмину место посредника, связующего звена, на роль которого как раз больше годилась его фигура и личность, а не его ученые труды. «Но Бестужев-Рюмин был звеном в передаче традиции научной культуры, обогащая их критическим анализом от чрезмерной зависимости по отношению к завещанным догмам былых построений», — по интеллигентски деликатно доканывал историографический авторитет Бестужева-Рюмина А.Е. Пресняков⁹⁸. На вопрос о том, с какой традицией связывал Бестужев-Рюмин своих последователей, разные исследователи отвечают по-разному. Е.Ф. Шмурло обосновывал общую привязанность, а во многом и зависимость исторических представлений Бестужева-Рюмина от «школы С.М. Соловьева». Р.А. Киреева указывает на либеральную ориентацию исторических воззрений Бестужева-Рюмина и в этом смысле соглашается с Е.Ф. Шмурло. А.Е. Пресняков, упирая на критическую сторону исследовательской программы ученого, вписывает его в традицию А.Л. Шлецера

---

⁹⁸ Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 172.

и М.П. Погодина. «Бестужев явился, всего более, — писал он, — продолжателем традиции Шлецера и Погодина. Вслед за ними он изучает не столько «факты», сколько источники и их свидетельства о «фактах»; а с другой стороны Бестужев особое внимание отдавал развитию исторической науки в различных проявлениях историографии»⁹⁹. Его историческая концепция сложилась под воздействием противоположных умственных и философских течений в русском обществе 1840-х гг. А.Н. Цамутали более осмотрительно указывает на «сложность и противоречивость взглядов К.Н. Бестужева-Рюмина, испытавшего влияние как историков-охранителей, так и историков либерального направления»¹⁰⁰. С одной стороны, это был М.П. Погодин, а в литературном плане, Н.М. Карамзин, с другой, — К.Н. Кавелин и Т.Н. Грановский при общей привязанности к историческим построениям С.М. Соловьева. Это дало основание некоторым исследователям оценить исторические взгляды Бестужева-Рюмина как эклектические¹⁰¹.

В завершение приведу размещенный в примечании Е.Ф. Шмурло список учеников, оставленных при университете для приготовления к степени

---

⁹⁹ Там же. С. 170.

¹⁰⁰ *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977. С. 229.

¹⁰¹ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 411; *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. С. 4.

магистра русской истории за время профессорства Бестужева-Рюмина: 1871 — И. Галактионов и Ф. Успенский, 1872 — В. Семевский и А. Экземплярский, 1875 — М. Бережков, 1877 — И. Козеко, 1878 — П. Маравек и Е. Шмурло, 1879 — И. Филевич, 1882 — С. Платонов¹⁰². В этот список следует добавить В.С. Борзаковского и Н.П. Барсова, закончивших университет еще до прихода Бестужева-Рюмина, но под его руководством защищавших магистерские диссертации¹⁰³. Бестужев-Рюмин, возможно, примирился бы с приговором, вынесенным ему учениками. По крайней мере, цитируемое Е.Ф. Шмурло письмо Бестужева-Рюмина от 16 ноября 1883 г., в котором сквозит грустное мироощущение больного, стареющего человека, на это намекает: «Ученым я не был, хорошим администратором тоже; по лени я мягкий человек и более ничего; читал довольно, это правда, и знаю библиографию; но ни сам нового ничего не создал, ни учеников не образовал»¹⁰⁴.

---

¹⁰² Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 156 прим.

¹⁰³ Подробнее о некоторых учениках Бестужева-Рюмина см.: Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 38–50. Аналогично: Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 45–62.

¹⁰⁴ Цит. по: Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 302.

Отдельный вопрос представляют взаимоотношения Бестужева-Рюмина с А.С. Лаппо-Данилевским, фактически продолжившим в Санкт-Петербургском университете теоретико-методологические и философско-исторические поиски, интерес к которым, по воспоминаниям учеников, проявлял Бестужев-Рюмин. А.С. Лаппо-Данилевскому не довелось быть непосредственным учеником Бестужева-Рюмина. А.С. Лаппо-Данилевский поступил на историко-филологический факультет в 1882 г. и в этом же году Бестужев-Рюмин взял двухгодичный отпуск для лечения, окончательно оставив университет в 1884 г. Другое дело, что даже уйдя в отставку, историк продолжал интересоваться судьбой своих университетских питомцев и их приемников. Неудивительно, что его внимание привлек и А.С. Лаппо-Данилевский. «Вообще из историков старшего поколения, — пишет Е.А. Ростовцев, — у А.С. Лаппо-Данилевского наиболее близкие отношения действительно сложились именно с К.Н. Бестужевым-Рюминым, который, хотя и оставил кафедру русской истории в 1884 г. Е.Е. Замысловскому, не порывал связи с университетом. Судя по переписке А.С. Лаппо-Данилевского, с ним одним молодой ученый мог обсуждать вопросы теории истории, делиться своими планами. Следует подчеркнуть, что хотя К.Н. Бестужев-Рюмин живо интересовался вопросами философии истории (ему была близка историософия Н.Я. Данилевского), очевидным было отсутствие у него методологического

аппарата, который служил бы связующим звеном между его методическими и историко-теоретическими взглядами. Кажется не случайным, что К.Н. Бестужев-Рюмин возлагал надежду на разработку теоретических основ исторической науки на представителя следующего поколения школы — А.С. Лаппо-Данилевского»¹⁰⁵. Ростовцев приводит и соответствующую выдержку из письма А.С. Лаппо-Данилевского жене, датированную маем 1893 г.: Бестужев[-Рюмин], у которого я был недавно, говорит, что мое “призвание” состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно»¹⁰⁶. Избрание А.С. Лаппо-Данилевского в Академию наук, как известно, проходило, так сказать, с благословения В.Г. Васильевского, который, в свою очередь, ссылался на «предсмертный завет» Бестужева-Рюмина относительно молодого ученого. Одним из первых Бестужев-Рюмин оценил способности А.С. Лаппо-Данилевского как теоретика исторической науки, сравнивая его в этом отношении с Б.Н. Чичериным¹⁰⁷. Еще в 1895 г. он вел переговоры с Л.Н. Майковым о возможности избрания молодого ученого

---

¹⁰⁵ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 60.

¹⁰⁶ Там же. С. 85.

¹⁰⁷ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 112.

в Академию наук, упоминал о «высоких умственных качествах» А.С. Лаппо-Данилевского. Продолжая начатый накануне разговор, он писал Л.Н. Майковой 24 апреля 1895 г.: «...думаю, что (за исключением Васильевского, Виноградова и, думаю, Гревса) он стоит выше наших других историков, особенно русских. Я не исключаяю и Ключевского. Он очень умен, широко образован...»¹⁰⁸ Напоминая о конфиденциальности переговоров, Бестужев-Рюмин в конце письма приписал: «конечно, все, что я говорю, только в разговор, как говорили в Москве в старые годы». А.С. Лаппо-Данилевский обращался за советами, навещал Бестужева-Рюмина и беседовал с ним. Начиная собственную преподавательскую деятельность, он передавал Бестужеву-Рюмину для предварительного прочтения готовые тексты своих лекций. Как признавался А.С. Лаппо-Данилевский в одном из писем Бестужеву-Рюмину, «для меня это дело новое; при моих ничтожных знаниях, я, конечно, могу сделать очень много ошибок, но я надеюсь с течением времени хотя бы кое-что исправить благодаря Вашим добрым советам, которыми я очень дорожу»¹⁰⁹.

Интеллектуальный облик Бестужева-Рюмина будет неполным, если не упомянуть о журфисках, на которые к профессору собирались друзья и ученики. Таким днем у Бестужева-Рюмина был

---

¹⁰⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. Л. 170.

¹⁰⁹ РО ИРЛИ РАН. 24876. Л. 6.

вторник. Сохранилось не много свидетельств проходивших у него на квартире встреч, поэтому в качестве иллюстрации приведу обширную цитату из книги Е.Ф. Шмурло. Е.Ф. Шмурло описывает бестужевские «вторники», проходившие в 1870-е гг. «Здесь лилась обыкновенно непринужденная беседа; в былые годы О.Ф. Миллер громил здесь Екатерину II, а хозяин дома, не вступая в прямой спор, замечал: “Так-то так, но ведь умна-то была она очень”; здесь, наезжая в Петербург, блистал своим остроумием П.Н. Мельников, с добродушным юмором рисуя эпические картины раскольничьего быта, а Д.Н. Иловайский читал отрывки из своей “Истории России”: художественное описание Царьграда и первого нашествия на него Киевской Руси; здесь М.П. Соловьев показывал свои миниатюры к евангельской истории, к Данту и А. Толстому; здесь обсуждалась всякая интересная литературная новинка, толковали о славянском движении на Балканском полуострове, с живым интересом следили за ходом и переменами русско-турецкой войны, вели беседы на темы политические, о злобе дня, о всем, что способно было волновать и близко затронуть; здесь же, несколько позже, Аполлон Майков читал свои “Два мира”, “Княжну”, Достоевский — Фон-Визинского “Бригадира”, а Вл. Соловьев — отрывки из “Фауста” в переводе Фета»¹¹⁰. С.Ф. Платонов, посещавший «вторники»

---

¹¹⁰ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 164–165.

Бестужева-Рюмина, застал там уже засилье славянофильствующих националистов. Журфиксы историка были открыты и для многих слушательниц Высших женских курсов.

Последняя черта личности Бестужева-Рюмина, которую хочется упомянуть — это энциклопедичность интересов и эрудированность познаний. «Но постороннего ценителя, — признавался С.Ф. Платонов, — он поражал широтою своих познаний: все области гуманитарного знания были ему одинаково доступны и ведомы; его интерес простирался и на историю, и на литературу, и на поэзию, и на теологию. Библия и Шекспир, русские летописи и славянский вопрос, классический Рим и философия последнего времени — все одинаково влекло к себе внимание Бестужева»¹¹¹. Широта интересов объяснима не только увлекающейся натурой Бестужева-Рюмина, но и привычкой, выработанной журналистской работой. Интерес к истории понятен с профессиональной точки зрения. Но Бестужев-Рюмин был и большим знатоком поэзии; не только почитал А.С. Пушкина, но и постоянно цитировал стихи А.С. Хомякова, очень ценил польских поэтов, особенно П. Скаргу и А. Мицкевича. Однако наиболее сильна была его страсть к В. Шекспиру. Мало сказать, что он был любителем В. Шекспира и постоянно носил с собой миниатюрное издание английского поэта и драматурга.

---

¹¹¹ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 225.

Увлечение В. Шекспиром соперничало у Бестужева-Рюмина с профессиональными занятиями русской историей. П.Н. Полевой дает запоминающуюся зарисовку шекспиромании русского ученого: «Над простеньким, кожаным диванчиком, на котором он обычно любил прилечь в часы редкого досуга, у него была полка, сплошь уставленная всевозможными изданиями Шекспира и толкованиями его текста. Зная почти наизусть все его пьесы, К. Н. при колоссальной памяти был способен свободно цитировать большие отрывки из них со всеми комментариями и вариациями — и все же, почти каждый день, возвращался к своему любимцу и снимал с полки том за томом, перелистывал и пересматривал их с особенным чувством... “Он освежает меня”, — не раз говорил нам К.Н., — “я всегда нахожу в нем что-нибудь новое”...»¹¹² В записных книжках Бестужева-Рюмина с протокольным постоянством встречаются упоминания о проведенном за чтением В. Шекспира досуге: «Отдыхал за Шекспиром: читал *Twelfth night*» (13 марта 1875 г.)¹¹³; «сидел дома, читал “Гамлета” и о нем» (13 апреля 1875 г.)¹¹⁴ и др.

---

¹¹² Полевой П.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 611.

¹¹³ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р. I. Оп. 2. № 254. Л. 35.

¹¹⁴ Там же. Л. 46.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННОИКИ БЕСТУЖЕВА - РЮМИНА

В историческую науку Бестужев-Рюмин первоначально пришел как любитель, хотя в его увлечении русской историей можно было бы усмотреть и генеалогическую предрасположенность: словарь действительных членов Академии наук указывает на его родство со знаменитым историкографом XVIII в. кн. М.М. Щербатовым¹. В опубликованных академиком Л.Н. Майковым воспоминаниях Бестужева-Рюмина, он следующим образом разъяснял свои родственные связи: прапрадед историка Дмитрий Андреевич Бестужев-Рюмин был женат на княгине Марии Семеновне Солнцевой, сестра которой была женой Михаила Федоровича Щербатова — отца историкографа М.М. Щербатова; ее племянница вышла замуж за Сухово-Кобылина — прадеда графини Е.В. Сальяс.

Задавшись целью популяризировать исторические знания, Бестужев-Рюмин помещал в «Отечественных записках» подробные обзоры современной

---

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Ч. 1. А-Л. Пг., 1915.

исторической литературы. Как отмечал в некрологе С.Ф. Платонов: «К. Н-ч уже окончательно усвоил себе роль ученого критика, имевшего целью “сближение науки с обществом”... он популяризировал идеи и знания, возбуждал в обществе интерес к истории, в которой видел лучшее средство достигнуть “народного самосознания”»². В своих критических обзорах Бестужев-Рюмин старался с пониманием отнестись ко всем явлениям русской интеллектуальной жизни, пусть даже на современный взгляд и устаревшим. С традиционалистских позиций, признающих ценность и право на истину различных точек зрения, он выступил оппонентом радикальной критики 1850–1860-х гг. Эту увлеченность развитием русской науки и непосредственным переживанием и продумыванием всех ее наиболее существенных достижений Бестужев-Рюмин, судя по воспоминаниям П.Н. Милюкова, сохранил до конца своих дней³. Рецензии укрепили его научную репутацию и создали ученые связи, что позволило со временем войти и в специализированную ученую среду. В 1865 г. в качестве исправляющего должность доцента Бестужев-Рюмин был приглашен в Санкт-Петербургский университет на кафедру русской истории, с 1862 г. остававшуюся свободной после ухода из университета Н.И. Костомарова.

---

² Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. С. 171.

³ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 162.

Если исторические взгляды Бестужева-Рюмина сложились в пору обучения в Московском университете, то журналистская работа способствовала формированию более широкого, обобщающего подхода к историческим явлениям и в результате выработала у него вполне определенные философско-исторические представления. Такое движение из журналистики в философию было вовсе не случайно. После закрытия в 1850 г. кафедр философии в российских университетах, и до того заметно уступавших философское лидерство кружкам и салонам, центр философских дискуссий переместился в журналы, что надолго закрепило публицистический характер русской философии. Конечно, философско-исторические воззрения Бестужева-Рюмина были связаны с его историографическими предпочтениями; да и говорить о полнокровной философии истории Бестужева-Рюмина не приходится. Более того, в историографии сложилось мнение, что русский ученый был противником философского объяснения исторического процесса⁴, критическое порой отношение Бестужева-Рюмина к умозрительным построениям в истории, казалось бы, подтверждает эту точку зрения.

Однако многочисленные сочинения Бестужева-Рюмина показывают, что у него была собственная концепция русского исторического процесса,

---

⁴ См., напр., *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 121.

не возможная без вполне определенных философско-исторических представлений. Он постоянно интересовался философской литературой, следил за философским творчеством современников, прежде всего, В.С. Соловьева, настаивал на включении в систему образования философских дисциплин. «Теперь кажется, — приводит Е.Ф. Шмурло письмо своего учителя от 18 сентября 1883 г., — преподается опять логика. Надо усилить это преподавание в VIII-м классе и внести основы всех философских наук (энциклопедии или пропедевтику), где указаны были бы вопросы знания, бытия, нравственности и т. д.»⁵. Записные книжки позволяют проследить философскую составляющую круга чтения ученого. Чаще всего упоминаются историко-философские работы Куно Фишера, из которых историк ознакомился, в частности, с философской системой И. Канта. Приведу два характерных примера таких записей; «читал Исход, Фишера Канта: редкий дар так изящно проходить философию» (31 января 1879 г.)⁶; «читал Числа, Куно Фишера (что за громадный ум у Канта! Какая величавая этика!)»⁷. Чтение Библии и Куно Фишера иногда перемежалось с чтением работ В.С. Соловьева: «читал Левит, Куно Фишера, Соловьева “Критика отвл[еченных начал]”

---

⁵ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 193.

⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р. I. Оп. 2. № 254. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 19.

(о праве и государстве в “Русск[ом] вест[нике]”) что за глубина и широта!»⁸ Подчеркиваниями историк отмечал те книги, которые произвели на него наибольшее впечатление.

Интенсивное изучение Бестужевым-Рюминым современной научной исторической литературы началось в период его журналистской деятельности, и именно тогда в основных чертах сложились его общеисторические и теоретические взгляды. Историографический обзор Бестужева-Рюмина в «Московском обозрении», а также его статьи о славянофилах П.Н. Полевой сравнивал с лучшими эссе Т. Карлейля. В опубликованных в 1850-е — начале 1860-х гг. рецензиях Бестужев-Рюмин сформулировал основные положения своей будущей исследовательской программы, которую фактически осуществлял в течение последующих двадцати лет. Так, в разборе первых десяти томов «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, помещенном в «Отечественных записках» в 1860 г., он указывал на одну из задач, стоящих перед русской исторической наукой. Задача эта — выяснение состава русских летописей — была им реализована через восемь лет в диссертации. Вот как она виделась Бестужеву-Рюмину в 1860 г.: «Особенный характер наших летописей, которые все, более или менее представляют сходство между собою и в сущности суть ничто иное, как летописные сборники

---

⁸ Там же. Л. 18.

разных редакций, налагают на исследователей особую обязанность, которой еще до сих пор никто не исполнил, хотя начало и положено Погодиным. Эта работа, скучная и кропотливая, состоит в определении состава летописей и их взаимного отношения»⁹. В русской историографии, замечает Бестужев-Рюмин, мы имеем либо очень узкие работы, либо сочинения, в которых выражены предельно широкие взгляды. Отсюда вытекает еще одна задача — критический анализ существующих источников и историографии. «При таком состоянии науки, — писал он в той же статье, — всего полезнее было бы критическое изложение русской истории, то есть оценка всех известий летописных, всех оставшихся памятников, и наконец проверка всех ходячих мнений. Труд тяжелый, невидный и на первый взгляд неблагоприятный, может быть, даже превышающий силы одного человека, но труд положительно необходимый, без которого русская история созидается на песке»¹⁰. Труд, действительно, оказался неблагоприятным: потомки стали упрекать Бестужева-Рюмина в отсутствии собственного взгляда, в неоригинальности и т. п. и мало оценили его исследовательскую позицию.

---

⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. Т. I–IX. Москва, 1851–1859. Т. X. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXII. С. 14.*

¹⁰ Там же. С. 15.

Другую потребность русской исторической науки Бестужев-Рюмин сформулировал в еще одном разборе сочинения С.М. Соловьева, относящемся к 1858 г. Здесь еще шла речь о предпочтительном внимании при составлении русской истории к культурным процессам. По словам критика, «мы убеждены, что теперь и вперед никто не будет признаваться историком, если он не основывает своих выводов на точном понимании смысла памятников, если он не обращает преимущественное внимание на внутреннее состояние того общества, посреди которого происходят известные явления и не в нем ищет объяснения этих явлений»¹¹. Попыткой воплотить этот замысел стала его «Русская история». В литературе неоднократно указывалось на историко-культурную направленность этого незавершенного труда. «Этот многолетний труд К.Н., — отмечал А.Ф. Бычков, — является первою попыткою представить культурную историю России»¹². Не стесненный объемом академической записки, Е.Ф. Шмурло более подробно рассмотрел исследовательскую задачу, поставленную Бестужевым-Рюминым в «Русской истории». Он также отмечал, что эта книга — первая попытка

---

¹¹ Б. -Р. История. Русская историческая литература: История России с древнейших времен г. Соловьева. VIII-й том // Отечественные записки. 1858. Т. СХІХ. С. 55.

¹² Записка ординарного академика А.Ф. Бычкова... С. 54.

«изобразить культурную историю России»¹³. Более того, в «Русской истории» сходятся основные исследовательские приоритеты Бестужева-Рюмина: критика источников, историографический обзор наличной литературы и попытка написать культурную историю России. «Не трудно видеть, — делится Е.Ф. Шмурло своими наблюдениями, — что через всю книгу проходят три основных элемента, определяющих физиономию всего произведения: строгая, объективная критика, как главное средство подойти ближе к истине; *историографическое* знакомство с своей дисциплиной, как твердая база для этой объективной критики; и, наконец, возможно более полное и всестороннее изучение жизни *общества*, как единственно достойная жизни цель историка, причем, в последнем случае, *личности* отводится почетное место, однако не как сила, созидающей общество, а как одному из наиболее ярких выражений этого общества»¹⁴. В то же время Е.Ф. Шмурло говорит о принудительности работы Бестужева-Рюмина над «Русской историей». Ученый был вынужден писать ее, что, возможно, объясняет как длительность самой работы, так и ее незавершенность. «“Историю” Бестужев писал не по призванию, а по долгу. Эта книга в сущности всегда тяготила его. Кропотливая экзегетика была

---

¹³ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 155.

ему не по душе; мысленно он рисовал совсем иные планы своих работ; но он был глубоко убежден, что в данное время, такая “История”, как его, необходима, и этого для него было достаточно, чтобы приложить все усилия для ее осуществления. Это был его *долг профессора*, и он беспрекословно подчинился требованиям этого долга»¹⁵. «Русская история», по замыслу Бестужева-Рюмина, должна была дать общее представление о русском историческом процессе, включала в себя подборку основных фактов русской истории, критический анализ источников и обзор историографической литературы. В этом отношении она примыкала к его работе о составе русских летописей и дополняла источниковедческую сторону исследования критической и прагматической. Как признавался сам Бестужев-Рюмин, «изучая преимущественно летописи, а потом задавшись мыслью дать общее руководство, которого недоставало в том виде, какой рисовался передо мной, — писал свою Историю. Сначала масса занятий, а потом болезни и последовавшее за ними ослабление сил помешало мне кончить эту книгу»¹⁶.

Возможно, Бестужев-Рюмин, несмотря на самовнушаемое неприятие теоретических и предельно общих взглядов, тяготел к более пространному

---

¹⁵ Там же. С. 149.

¹⁶ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 11.

и обзорному построению русской истории. Требование доискиваться в фактах смысла — главное требование Бестужева-Рюмина ко всякому историку вообще. Написание компактного обзора основных событий русской истории, в котором бы фиксировались ее доминирующие смысловые узлы — задача, которую ученый полностью не сумел воплотить. Такая задача перекликается с требованием популяризации знаний. Одну из таких попыток Бестужев-Рюмин предпринял в статье «Чему учит русская история», опубликованной в 1877 г. в журнале «Древняя и новая Россия». Здесь ученый сосредоточился на выявлении основных этапов русской истории, которые репрезентируются яркими историческими событиями. Историческое событие в каком-то смысле согласовано с определенным этапом по логике «вызов — ответ». Так после похода русских на Царьград в 865 г., т. е. столкновения восточных славян с крупнейшим христианским государством, мы видим начало формирования самой русской государственности. Татарское иго со временем приводит к тому, что московские князья становятся царями всея Руси. Попытка поляков навязать Унию вызывает соединение Украины с Россией. Современный ему этап русской истории Бестужев-Рюмин называет «славянским делом», смысл которого в освобождении южных славян и последующем славянском союзе. По крайней мере, проходящая на Балканах борьба — не случайное событие и активность России в решении

восточного вопроса исторически оправдана, имеет исторический смысл.

Истриософскими предчувствиями нового исторического периода наполнены письма Бестужева-Рюмина 1876–1878 гг. Неясность очертаний грядущих исторических событий компенсировалась для него провиденциальной предопределенностью исторического смысла. «Начинается такое время, — писал историк матери 8 августа 1876 г., — которому не видать ни конца, ни края. Предложений, планов бездна: все говорят и судят; а Бог устроит так, как никому и не снилось. Великое и страшное время!»¹⁷. Рецензируя в 1876 г. посмертно изданный сборник политических статей М.П. Погодина, Бестужев-Рюмин отмечал начинающийся в русском обществе национальный подъем. Сомнения постепенно сменялись ожиданием грандиозных исторических событий и перемен в судьбе русского народа и славянства. «“Мы смело повторяем замечание одного английского мыслителя, говорит автор в конце статьи, — цитировал критик цитирующего М.П. Погодина, — что душа убывает на Западе. Душа убывает на Западе, а прибывает ли она на Востоке? Подай Господи!” Кажется, теперь мы можем сказать, что Бог внял этой молитве!»¹⁸. Начало войны, казалось,

---

¹⁷ РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 62.

¹⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* [Рец.] М.П. Погодин. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. СПб., 1876. С. 5.

конкретизировало смысловой облик наступающей эпохи. С явным воодушевлением Бестужев-Рюмин писал матери из Санкт-Петербурга 16 апреля 1877 г.: «Наконец-то война, которой так долго ожидали, объявлена. Здесь она принята очень хорошо; в Москве, говорят, еще лучше. Нам, которые лучше других знали в чем дело: сидя в комитете много слышался и много навидался, известие это было в высшей степени приятно. Вы знаете из моей статьи в “Древней и новой России”, которую я прислал Вам, что войны мне давно хотелось»¹⁹. Завершение войны и особенно ее пересмотренные итоги многих в России разочаровали. Мотив растерянности и новой неопределенности звучит и в письмах историка. «Тяжело что-то на душе: ни войны, ни мира. Что-то будет? А будет что-то великое», — писал он 19 апреля 1878 г.

Новая историческая эпоха, началом которой виделась война 1877–1878 гг. требовала и нового осмысления последних событий. В «Речи о Ф.М. Достоевском», произнесенной 14 февраля

Приведу еще одно погодинское выражение, использованное Бестужевым-Рюминым. В письме 11 декабря 1875 г. Историк упоминал о смерти М.П. Погодина, а через неделю в другом письме писал:

«Chéré Maman!

Я — слава Богу — здоров. Холода у нас стоят страшные, а над Университетом все тот же Домоклов меч — пересмотр устава. Зачем это нужно? Неизвестно. Впрочем, своя гроза пройдет мимо. Погодин уверял, что в русской печке все переварится к лучшему. Хорошо бы» (РО ИРЛИ РАН. 24659.).

¹⁹ РО ИРЛИ РАН. 24659. Л. 37.

1881 г., Бестужев-Рюмин пытался связать деятельность возглавляемого им Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и завершившейся войны с предвидениями первых славянофилов. «Мы всегда верили в то, — выражал Бестужев-Рюмин настроение своих единомышленников, — что лишь народная правда, вековая историческая правда есть настоящая полная правда; но вера наша была какою-то отвлеченною верою. Созданная уединенною деятельностью кружка мыслителей, философов и богословов, поддержанная историками и этнографами, провозглашенная вещими поэтами в глубоких, о не всем ясных образах, идея эта нашла себе орудие в нашем славянском обществе (говорю и о Москве и о Петербурге — общество, как вы знаете, было одно) и на короткое мгновение слилась с памятным для всех подъемом народного духа, подъемом, историческое значение которого будет становиться все яснее и яснее, подъемом, который я позволил себе когда-то сравнить с первым появлением русского народа на историческую сцену, — свершилась вековая эпопея, свидетельствующая о том, что во всем русском народе жив дух творчества, что жизнь его, его мировая жизнь, только начинается»²⁰. Новая историческая эпоха, таким образом, осознавалась Бестужевым-Рюминым как реализация предчувствий ранних славянофилов, как историческое воплощение их философских умозрений.

---

²⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Речь о Ф.М. Достоевском. СПб., 1881. С. 1–2.

Из других тем — более подробно исследователь останавливался в «Русской истории» на влиянии татарского наследия в русском государственном строе. Преемственные черты он видел в московской административной и финансовой системе, частично — в военной организации. Касался историк вопроса и о византийском наследстве в русской истории. Много внимания Бестужев-Рюмин уделял истории Литовского государства и Западной Руси, что до него было разработано недостаточно.

В статье «Чему учит русская история» Бестужев-Рюмин делает любопытное наблюдение, которое он называет «историческим законом». Вот как его формулирует сам историк: «Повинуясь великому историческому закону, объединение пошло от племени самого младшего и более смешанного: объединение Греции, хотя и неполное, совершила полуварварская, полугреческая Македония; объединение древней Италии шло из города, населенного выходцами всех италийских племен; новая Италия объединена не чисто итальянским Пьемонтом; Германия — немецкою украинною в землях, некогда славянских. Объединительное движение, начавшееся в таких пунктах находит себе опору и в других областях, принимает к себе другие элементы и, видоизменяясь, становится общим делом. Так было и с сусальским движением: оно стало общерусским»²¹.

---

²¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 11.

Популяризация знаний, сопровождающая подобный смысловой очерк русской истории переплетается еще с одной задачей, стоящей перед русской историографией, — задачей художественного изложения. Согласно Бестужеву-Рюмину, историография проявляет себя с двух сторон: как наука и как искусство. В себе ученый не ощущал достаточно сил и способностей для ее осуществления. Недостижимым идеалом для него в этом отношении оставался труд Н.М. Карамзина. «У меня культ Карамзина», — писал он незадолго до смерти²². Возможно отчасти, художественную сторону изложения Бестужев-Рюмин пытался реализовать в своих лекциях, отличавшихся живостью, изяществом, остроумием и глубиной. Но вот литературные способности ученого были недостаточны для того, чтобы в полной мере выразить эстетическую составляющую исторического труда. На этот счет сохранились любопытные замечания Е.Ф. Шмурло. «Литературный язык Бестужева, — писал он, — обыкновенно лишен той образности и яркости, каким, наоборот, обилвала его ученая беседа. Строгие рамки, в какие обыкновенно укладывал он свою мысль, ее философский, обобщительный характер подчас делал литературные работы Бестужева сухими, холодными»²³.

---

²² Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 69.

²³ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 167.

Особый вопрос составляет отношение Бестужева-Рюмина к историческим работам С.М. Соловьева, которое не было однозначным, менялось со временем; он регулярно рецензировал и пристрастно критиковал выходящие тома соловьевской «Истории России с древнейших времен», но все же считал этот труд самым значительным достижением русской историографии как со строго научной, так и философской точек зрения. «Не забудьте, — писал он о С.М. Соловьеве в одном из писем 2 февраля 1883 г., — что этот человек первый понял Русскую историю в связи. Он умнее даже Карамзина, который был не философ, а художник и ученый. Соловьев первый внес взгляд философа в Русскую историю»²⁴. Неслучайно и направление в изучении русской истории, заданное С.М. Соловьевым, или «школу Соловьева» он называл «школой философской необходимости», в другом варианте — «школой родового быта». Вскрывая генеалогию этой школы, Бестужев-Рюмин в одной из статей отмечал, что из нее выросла «школа народного прогресса»²⁵. Лекции С.М. Соловьева Бестужеву-Рюмину довелось слушать еще в пору обучения в Московском университете, но тогда они не произвели на него впечатления. «Русскую историю, — вспоминал

---

²⁴ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 175.

²⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина // Отечественные записки. 1860. Т. СХХІХ. С. 75.

он, — читал Соловьев. В наше время лекции его не были те блистательные очерки общего хода, которые слушали последующие поколения... После лекций Кавелина тогдашние лекции Соловьева производили мало действия, и уважая его знания, мы хотя и знакомы были с его диссертациями, мало ценили его талант»²⁶. Возможно, отчасти и поэтому Бестужев-Рюмин в рецензии-обзоре, посвященной 10-летию начала выхода «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, признавался в не любви к московскому историку. «Еще не приступая к изложению нашего мнения, — писал он в начале статьи, — считаем необходимым сделать одну оговорку: мы не принадлежим к числу почитателей г. Соловьева... но охотно признаем все достоинства почтенного московского профессора: его обширную эрудицию, его знакомство с европейскою историческою наукою, его замечательный критический талант»²⁷.

Приступая к анализу сочинений С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин старался отрешиться от личных симпатий или неприязни к автору исторического труда. Он искренне был убежден, что беспристрастно судит творение С.М. Соловьева и оценивает его, по возможности, объективно. Об этом критик писал К.Д. Кавелину: «Принимаясь за работу, я имел

---

²⁶ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 24.

²⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 2.

ввиду определить научное значение книги Соловьева и ее отношение к другим трудам, как предшествовавшим, так и современным. После Вашей статьи о первом томе России, я не знаю ничего достойного, написанного по поводу этой книги. Моей статьей я вовсе не думал решить вопрос (претензия была бы слишком печальна!), а только указать на него. Кажется мне, что во все продолжение статьи я сохранил беспристрастный, приличный тон»²⁸. Желание выдержать объективность суждения сочеталось или даже подкреплялось у Бестужева-Рюмина критической направленностью его рецензии. Поясняя свою позицию по отношению к труду С.М. Соловьева, он писал матери: «Пора однако сказать хоть что-нибудь о значении книги такого объема, такого содержания, имеющей при всех своих достоинствах много неоспоримых недостатков»²⁹.

Первый подробный разбор «Истории России с древнейших времен» Бестужев-Рюмин предпринял в 1858 г. в статье «Современное состояние русской истории как науки», опубликованной в «Московском обозрении». Большая часть критических работ Бестужева-Рюмина, посвященных С.М. Соловьеву, приходится на конец 1850-х — начало 1860-х гг. Много позже, имея в виду свою статью в «Московском обозрении», историк признавался: «Вообще значение Соловьева я ясно понял

---

²⁸ РО ИРЛИ РАН. 20361/СХХІХL6.2. Л. 1.

²⁹ РО ИРЛИ РАН. 25163/СХХХL6.23. Л. 1.

позднее»³⁰ и тут же добавлял, что их личные отношения улучшились лишь в последние годы жизни С.М. Соловьева. Во время тяжело протекавшего воспаления легких, чуть не стоившего Бестужеву-Рюмину жизни, его навестил С.М. Соловьев. Это была последняя встреча двух историков. Немного оправившись от болезни, Бестужев-Рюмин 30 апреля отметил этот визит в записной книжке: «На Фоминой [неделе] был С.М. Соловьев (уже совсем больной); долго сидел; разговаривал о том, что пересмотрел путешествие по внутр[енней] Африке и нашел мало о человеке; заметил, что посылка молод[ых] людей в Германию одна из причин нигилизма; прощаясь перекрестил»³¹.

Однако С.М. Соловьев интересен не только своей оригинальной концепцией русской истории, но и как представитель и даже глава целой исторической школы. Школа, конечно, растворяет оригинальность концепции в многочисленных перетолкованиях ее основных положений. Идеи С.М. Соловьева в собственном переложении растиражировали К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин. Рецензируя в «Отечественных записках» четырехтомные «Сочинения» К.Д. Кавелина, Бестужев-Рюмин прослеживал и происхождение новой в ту пору еще школы. «Тем не менее, — подводил он итог современному состоянию русской историографии, —

---

³⁰ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 57.

³¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р. I. Оп. 2. № 254. Л. 48.

огромное количество накопившихся материалов, ближайшее знакомство с иностранною историческою литературою, толчок, данный русской мысли Белинским, Грановским и их фалангою, вызывали новое теоретическое движение в русской истории. Деятели откликнулись на этот призыв: с половины 40-х годов начали писать г. Соловьев и Кавелин»³². В первой статье о славянофилах — противниках школы С.М. Соловьева — Бестужев-Рюмин называл подход московских историков еще и «отрицательным направлением», тем самым как бы проводя параллель между школой С.М. Соловьева и радикальной публицистикой 1860-х гг. «Теоретическая история, — характеризовал он своих оппонентов, — начавшаяся под знаменем родового быта, перерождалась мало-помалу в так называемое отрицательное направление, главными представителями которого стали гг. Соловьев и Чичерин. Отличительная сторона этого направления — приписывание всего правительственной инициативе, восхваление начала централизации и реформы Петра»³³. К С.М. Соловьеву Бестужев-Рюмин подходил более строго и требовательно, поскольку видел в нем и большую научную силу. Бестужев-Рюмин неоднократно предпринимал попытку исчислить как

---

³² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 82.

³³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // Отечественные записки. 1862. № 2. Т. CXL. С. 682.

достоинства, так и недостатки соловьевского подхода. В рецензии на VIII том «Истории России с древнейших времен» он писал: «г. Соловьев первый приложил приемы и требования европейской науки не к одному какому-нибудь отдельному вопросу, а к целому ходу истории. Немудрено, что многое осталось недосказанным, неопределенным... он осветил, осмыслил общий ход русской истории, он поставил ясно и просто главные вопросы, указал единственно приложимый к историческим исследованиям метод, ввел в область русской истории явления, которые прежде в нее не входили, и тем бросил неожиданный свет на то, что все знали»³⁴.

Школа С.М. Соловьева внесла философский или теоретический взгляд на русский исторический процесс. Бестужев-Рюмин говорит о фатализме новой школы. Согласно критике, «основное убеждение» «школы в философско-необходимой последовательности явлений»³⁵. Бестужев-Рюмин отмечает еще ряд базовых положений новой школы: подход к историческим явлениям с органической точки зрения; понимание истории как науки самопознания; родовая концепция. «Органический взгляд на историческое развитие, провозглашение

---

³⁴ Б. -Р. История. Русская историческая литература: История России с древнейших времен г. Соловьева. VIII-й том. С. 54.

³⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 10.

истории «народным самопознанием» — вот знамя новой школы», — писал он в 1860 г.³⁶ Именно С.М. Соловьев, настаивал критик, начал рассматривать русскую историю как непрерывное развитие. В итоговой, хотя и не в пример краткой, статье, посвященной 25-летию главного исторического труда С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин вновь перечислял основоположения исследовательского подхода С.М. Соловьева. «Точку опоры умственное развитие находит в теориях. Теорию принесла школа, одним из главных представителей которой был С.М. Соловьев. Школа эта внесла с собой понятие о развитии, о постепенной смене умственных и нравственных понятий, о постепенном росте народном. Народы — по учению школы — постепенно переходят от рода к государству. Эту теорию дана была точка опоры сознанию; стало ясным, что переменяются не только костюмы и обычаи, но изменяются воззрения, основа всякого общественного состояния»³⁷. Однако Бестужева-Рюмина не удовлетворяла утвердившееся в «школе философской необходимости» точка зрения на русскую историю. «Он понял, — писал критик о С.М. Соловьеве, — движение русской жизни — и успокоился в своем понимании, как факир в созерцании Браммы... для нас результаты «новой исторической

---

³⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 82.

³⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851–1876 // Русская старина. 1876. Т. XV. Январь, февраль, март, апрель. С. 682.

школы» далеко неудовлетворительны... за школою философскою мы не признаем другого значения, кроме исторического»³⁸. Сравнение С.М. Соловьева в приведенной цитате с факиром, созерцающим Брамму, не случайно. Бестужев-Рюмин не ради яркого образа или красивого выражения обратился к аналогии с индийским мирозерцанием. Сравнение здесь — ответ-рикошет на знаменитое обвинение С.М. Соловьевым славянофилов в «историческом буддизме».

Однако больше всего возражений Бестужева-Рюмина вызывает государственная точка зрения новой школы. Он выступает против представления о благотельном влиянии на русскую жизнь московской централизации. Даже если в истории действует строгая логическая необходимость, то она редко бывает справедливой. На самом деле, настаивает Бестужев-Рюмин, «нередко торжествует в мире грубая сила, что историческая Немезида является иногда слишком поздно»³⁹. Слепая необходимость, действующая в истории, способна обесмыслить саму историю. Выдвинутому историками-философами представлению Бестужев-Рюмин готов противопоставить позицию Ф. Буслаева и Н. Костомарова. Критикуемый тезис государственной школы историк формулирует,

---

³⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 6.

³⁹ Там же. С. 10.

попутно обозначая свои возражения, следующим образом: «...оно оценивает все явления русской жизни по тому отношению, в которое каждое из них становится к Московскому Государству. Такое понятие прямо вытекает из взгляда на историю, как на логическое развитие, при котором каждый последующий шаг есть непременно движение вперед. Наше понятие о Московском Государстве совершенно иное: прежде всего, мы убеждены в том, что Московия никогда не развилась в собственном смысле того понятия, которое, строго говоря, называется государством: государство в европейском смысле слова, предполагает строгий порядок, замещение между сословиями и общественными элементами; предполагает известные уступки с той стороны и с другой, известное искусственное, если можно так выразиться, научное построение. Ничего подобного не видим в Московском Государстве: насилие, произвол и случайность связывают между собою его части. Главный интерес, преобладающий в нем, казенный, фискальный; все остальное поставлено в служебные отношения к этому интересу»⁴⁰. Причина успеха объединительных усилий Москвы в преобладании того слоя, который стремится к материальному благополучию. Свое заключение Бестужев-Рюмин строит на не менее теоретических, в данном случае социологических и психологических,

---

⁴⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 12.

предпосылках. «Страх революции, — обобщает он, — вот единственное политическое чувство этой массы. Заключать от того, что делала эта масса в минуту страха к тому, будто “матушка Москва-белокаменная” действительная политическая Мекка русского народа — было бы делом неумным. “Москва на крови строена” говорит пословица; с понятием о Москве слилось в народном предании представление о грозном царе, близь которого — близь смерти. Это ли доказательства особенной нежности к Москве в русском народе?»⁴¹. «Полагаем только, — продолжал Бестужев-Рюмин, — что видеть в централизации московских собирателей русской земли творческую силу народа несколько преждевременно»⁴².

Бестужев-Рюмин, конечно, не собирался рассматривать русскую историографию в черно-белом цвете. И в «школе Соловьева» есть свои сильные и слабые стороны. К сильным сторонам можно отнести взгляд на историю как народное самосознание или органическую точку зрения на русский исторический процесс. «...она, — писал о рассматриваемой школе Бестужев-Рюмин, — принесла пользу положительную тем, что до очевидности доказала органический рост русского народа, поставила явления русской истории в надлежащую перспективу, наконец указала на широкое развитие

---

⁴¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 7.

⁴² Там же. С. 8.

вотчинного начала в древней Руси; отрицательная же польза для будущих исследований, а с тем вместе вред для большинства настоящего, она принесла своим слишком преувеличенным представлением о родовом быте в начале, а государстве — в конце русской истории»⁴³.

Другой недостаток соловьевской доктрины — игнорирование культурной стороны исторического процесса или, по крайней мере, неудовлетворительное его изложение. Постепенно упреки Бестужева-Рюмина перерастают в формулирование собственной концепции. «Это книга умная, — начал он свой приговор “Истории России с древнейших времен”, — добросовестная, свидетельствующая о трудолюбии, знании и серьезной подготовке своего автора; но это не история. Автор, со своей стороны, сделал все, чтобы придать ей этот характер: он построил ее на одной мысли, свел в одно целое все стороны жизни; передал все, что нашел в источниках о древней Руси. Казалось бы чего более? но на деле вышло, что недостает самого существенного: не видать жизни и духа народного. Этот недостаток не изглаживается никакою ученостью, никакими стремлениями. Отвлеченное представление борьбы разных начал не заменит изображение живых элементов, взаимодействие которых образует народную жизнь»⁴⁴. Государство — важная, но не

---

⁴³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 83.

⁴⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 16.

единственная составляющая народной жизни, равно как и не единственный фактор исторического существования. Жизнь сложнее и многообразнее любой теории, в том числе и государственной. Задача же историка состоит в том, чтобы не ограничивать перспективы исторического изучения, а вскрыть полноту исторической жизни. «В этой-то абстрактной схеме, — продолжал Бестужев-Рюмин свою критику, — в прославлении государственно-го начала, как оно является в “московских единодержавцах”, а не в преобладании политического элемента мы упрекаем их. Кто не знает, что политические формы тесно вязаны с бытом и невозможно понять общество, не объяснив себе его отношения к политическим формам? Дело в том только, что предшествующие историки видят в этих формах результат необходимых условий, единственный выход для русского общества, а мы — одно из явлений общественной физиологии. Их цель — логически оправдать, а наша — практически понять»⁴⁵.

Другие недостатки, подмеченные Бестужевым-Рюминым, сводятся к мелочности изложения С.М. Соловьева в ущерб художественности; догматичности⁴⁶; произвольной группировке фактов; излишней систематичности в построении глав.

---

⁴⁵ Там же. С. 22.

⁴⁶ «Слишком догматическое изложение вопросов, в высшей степени трудных и спорных — вот один из главных недостатков книги г. Соловьева» (*Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 77.*).

*Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20.
Здание Александровской женской гимназии.
В ней первые годы располагались Высшие женские курсы,
директором которых в 1878–1882 гг. был
К.Н. Бестужев-Рюмин*

По ходу критики государственной школы Бестужев-Рюмин формулирует основные положения историзма. Отказ от предвзятого теоретизирования в истории, от переноса заранее подготовленных философских схем на прошлое предполагает уважительное отношение к минувшим событиям, попытку понять их из них самих, из заключенного в них смысла. Прошлое, безусловно, связано с современностью. Более того, мы способны понимать прошлое, только исходя из настоящего. Но смысловая модернизация не должна идти в ущерб истории. Следует доискиваться аутентичных смыслов самого прошлого в самом прошлом, а не превращать историю в смысловую проекцию современности. Развивая свою мысль, Бестужев-Рюмин писал, что «смотря на причины с точки зрения результата, мы невольно, бессознательно переносим на эти причины несвойственный им характер: мы смотрим на них как на средство и не понимаем того, что предки наши жили для себя, а не для нас, и что преднамеренного плана никто не задает истории. Все, что мы говорим теперь, давно уже отзывается общим местом, и в теории никто не наносил этому учению таких ударов, как та школа, о которой мы говорим, а на деле сама послужила тому же... Пора нам, наконец, понять, что не за что ни ссориться, ни дружиться с отдаленною стариною; а что надо понять ее и что такое полное понимание полезно и для настоящего. Нам незачем более вырабатывать общие нравственные понятия, незачем биться

из-за того, что добро и что зло, особенно в ущерб истории»⁴⁷.

С годами Бестужев-Рюмин стал более терпимо относиться к достижениям государственной школы, ценить колоссальный труд С.М. Соловьева. Возможно, на этом сказались не только наладившиеся личные отношения и поубавившийся с возрастом критический азарт, но и опыт собственной преподавательской и исследовательской работы. Если, как признавался Бестужев-Рюмин, критик-журналист не обязан в замен отвергаемой теории предлагать равноценную концепцию, то университетское положение обязывало переводить критику в аргументы и более определенно противопоставлять собственную точку зрения. В одной из поздних статей, написанных уже после смерти С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин вновь вернулся к оценке его главного исторического труда. «Воззрения С.М. Соловьева, — писал он, — принадлежат к числу самых целостных воззрений и имеют все достоинства и недостатки таковых. Достоинства состоят в его последовательности и вытекающей отсюда вере самого автора в его непоколебимость, а следовательно, и того воодушевления, с которым оно передается и в силу которого оно и воспринимается. Недостатки легко объясняются тем, что если и вообще недоступно человеку вполне обнять предмет,

---

⁴⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 21.

то даже и приближение к такой полноте становится трудным при отсутствии частной обработки»⁴⁸.

Схожую критическую позицию Бестужев-Рюмин занимал и по отношению к Б.Н. Чичерину — другому представителю государственной школы в русской историографии. Правда, работы Б.Н. Чичерина не удостоились со стороны Бестужева-Рюмина столь подробного и дотошного разбора, как «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Основные претензии, предъявляемые Б.Н. Чичерину таковы же, что и к «философской школе» в целом: засилье теории в ущерб реальной исторической жизни. Рецензируя вступительную лекцию Б.Н. Чичерина в курс государственного права в Московском университете, Бестужев-Рюмин вновь указывал на родовой порок государственной школы: основу подхода Б.Н. Чичерина составляет теория государственной централизации. «Построить из истории подмостки для своей теории — дело очень легкое и, вместе с тем, ненадежное: под видимым беспристрастием здесь скрывается обыкновенно величайшая гордость исключительной теории», — возмущался Бестужев-Рюмин схематизмом Б.Н. Чичерина⁴⁹. «Словом, — подытоживал

---

⁴⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 129–130.

⁴⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. (По поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московском университете) // Отечественные записки. 1861. ноябрь. С. 3.

он свой анализ, — под оболочкою историко-практического понимания скрывается механический взгляд, осмысленный немецкою философиєю»⁵⁰. Следивший за журнальной перепалкой молодой В.О. Ключевский, писал своему корреспонденту: «Громека и Бестужев-Рюмин стреляют в него (Б.Н. Чичерина — А.М.) из “Отеч[ественных] зап[исок]” здоровенными залпами»⁵¹.

«...слишком он хороший диалектик», «аристократ в английском смысле», — отзывался Бестужев-Рюмин о Б.Н. Чичерине в письме Л.Н. Майкову 11 мая 1890 г. И продолжал: «Его политический идеал — Англия, юридический — полная собственность, дипломатический — конституция, философский — Гегель (с некоторыми поправками и предпочтением религии, что впрочем не чуждо и Гегелю)... Его упрекают, что он высокомерен, но это результат убеждений в правильности своих воззрений. Так было у Соловьева и (*lip venin vorbi*) у Карамзина»⁵². Недовольство гегельянством Б.Н. Чичерина осталось даже когда почти четверть века спустя Бестужев-Рюмин более благосклонно отзывался о трудах историка и политического мыслителя. Подход Б.Н. Чичерина он по прежнему не принимал, хотя и уважительно высказывался о фактологической

---

⁵⁰ Там же. С. 8.

⁵¹ *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. С. 210.

⁵² РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 170.

стороне исследований историка. В целом же поздняя оценка, данная Бестужевым-Рюминым разнообразным трудам Б.Н. Чичерина, вполне дружелюбна. «Глубокие философские знания Б.Н. Чичерина, — писал он, — не должны бы тоже оставаться забытыми: он первый познакомил нашу публику с историей развития государственных знаний, он представил обзор понятий о представительном правлении, который есть противовес ходячему восхищению правительством; в трактате “Наука и религия” он представил много веского в опровержение ходячему материализму. Только с почтением можно говорить о таких людях»⁵³.

От эклектического переплетения противоборствующих, хотя, надо признать, и не во всем взаимоисключающих точек зрения, Бестужева-Рюмина уберегло все более ясно определявшееся с годами предпочтение славянофильского философско-исторического подхода, противопоставляющего одностороннему схематизму либерально-западной историографии идею множественности путей исторического развития. Отсюда, в сущности, проистекала и «широта понимания» различных точек зрения, отмеченная С.Ф. Платоновым: «К. Н-ч остался между двумя влияниями на средней дороге и брал от каждой стороны то, что считал ее правдой. Два мирозерцания, делившие людей

---

⁵³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 133.

сороковых годов на кружки и лагеря, разумеется, очень знакомы были К. Н-чу, но можно думать, что они отражались в его сознании скорее в виде научных направлений, чем в качестве практических программ, и от того он мог отнестись к ним спокойно, без предвзятости, так сказать, со стороны, и мог своим сильным критическим умом поймать положительные черты обоих направлений. Всю жизнь отличала его широта понимания, это умение уразуметь и истолковать самые разнообразные точки зрения, умение найти зерно истины и в том, что, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно»⁵⁴. Это же отмечал и другой близкий к Бестужеву-Рюмину ученик, Е.Ф. Шмурло: «Высшую справедливость, истинно научное понимание он видел в признании за каждым искренно и серьезно продуманным взглядом известной доли истины»⁵⁵. Современники отмечали, что ученая беспристрастность обнаруживает в Бестужеве-Рюмине приверженца принципов научности и объективности⁵⁶, побуждает его к строгому следованию фактам и осторожности в обобщениях и выводах.

---

⁵⁴ *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. С. 169.

⁵⁵ *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 135.

⁵⁶ *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 504.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В отличие от историографических, историософские взгляды Бестужева-Рюмина практически не привлекали внимание исследователей. Как теоретик и философ истории Бестужев-Рюмин до сих пор не оценен. Между тем понять ученую деятельность Бестужева-Рюмина без выявления его философско-исторических предпочтений невозможно. Философско-исторические взгляды Бестужева-Рюмина могут быть реконструированы со всей определенностью если и не законченной системы, то, по крайней мере, ясного и четкого мировоззрения. По своим философским убеждениям он призывал к поздним славянофилам, активно пропагандировал теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, покровительствовал В.С. Соловьеву (Бестужев-Рюмин гордился, что смог привлечь В.С. Соловьева к преподаванию философии на Высших женских курсах, позднее он с интересом следил за историософской публицистикой В.С. Соловьева, что нашло отражение в его письмах, приводимых Е.Ф. Шмурло в своей книге), а немногим позже и А.И. Введенскому (заступничество Бестужева-Рюмина и М.И. Владиславлева помогло вызвать из-под ареста студента А.И. Введенского и спасти его от ссылки в Сибирь; Бестужев-Рюмин

был инициатором оставления А.И. Введенского в университете для подготовки к профессорскому званию, А.И. Введенский, правда, выбрал специализацию по истории философии у М.И. Владиславлева). В 1880 г. историк (вместе с В.С. Соловьевым, Э.Л. Радловым, М.И. Каринским, Н.Н. Страховым, А.А. Киреевым, А.Е. Светиным и Ф.Г. Тернером) стал одним из членов-учредителей «Общества любителей философских знаний» (Общество не было разрешено министром внутренних дел). Для русской философии 60–70-х гг. XIX в. фигура Бестужева-Рюмина очень показательна. В нем отражаются основные течения русской мысли пореформенной России: славянофильство и западничество, ранний русский позитивизм (Бестужев-Рюмин, в частности, перевел «Историю цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля) и увлечение религиозной философией. Более того, хотя Бестужев-Рюмин и не создал самостоятельной философско-исторической концепции, но в своих трудах ясно выразил ту потребность в методологическом и теоретическом обосновании исторической науки, которая реализовалась в работах философствующих историков следующего поколения. Исследования Бестужева-Рюмина были непосредственно связаны с его преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, и это во многом объясняет направленность его философско-исторических поисков и их незавершенность, но в то же время итоги его научной работы позволяют понять, почему философия

и методология истории не могла не появиться у историков ближайших за ним поколений. В Петербургском университете это были Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.П. Карсавин.

Чтобы лучше представить ситуацию с преподаванием философско-исторических дисциплин в Санкт-Петербургском университете к приходу Бестужева-Рюмина, позволю небольшое отступление. Первый опыт философско-исторического построения принадлежал, по-видимому, А.И. Галичу, написавшему работу под названием «Философия истории человечества», которая не была опубликована и ее рукопись не сохранилась. Известно, что курс «Введение в науку истории» вел в Санкт-Петербургском университете М.С. Куторга¹. Как можно судить по некоторым его статьям, по всей вероятности, связанным с читаемыми лекциями, курс был посвящен анализу методологических и критических сторон исторического исследования². Один из учеников М.С. Куторги М.М. Стасюлевич, защитив в 1849 г. в Санкт-Петербургском университете

---

¹ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 11.

² Куторга М.С. Историческое развитие понятия истории от начала XVI ст. до нашего времени // Московские университетские известия. 1870. № 3; *Он же*. Очерк новейших историков Западной Европы. Леопольд Ранке // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Ч. 2; *Он же*. О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. Т. 104. Март.

магистерскую диссертацию «Афинская гегемония», напечатал в следующем году в журнале «Москвитянин» критическую рецензию на докторскую диссертацию Т.Н. Грановского «Аббат Сугерий»³. Рецензия М.М. Стасюлевича спровоцировала полемику между петербургскими и московскими учеными, в основе которой лежало расхождение в понимании задач и специфики истории как науки. На защиту Т.Н. Грановского встали его ученики И.К. Бабст⁴ и П.Н. Леонтьев⁵. М.М. Стасюлевич был вынужден отвечать им уже на критику в свой адрес⁶. В Санкт-Петербургском университете М.М. Стасюлевич преподавал историю средних веков, а в 1860–1861 гг. читал философско-исторический курс «Историомантия в ее связи с общим развитием цивилизации», но в 1861 г. вместе с профессорами К.Д. Кавелиным, А.Н. Пыпиным, В.Д. Спасовичем и Б.Н. Утиным он покинул университет в знак протеста против ареста полицией трехсот студентов, возмущавшихся новыми «временными правилами» министра Е.В. Путьягина. Последующая

---

³ Москвитянин. 1850. № 12. Июнь. Кн. 2. Ч. III. Отд. IV.

⁴ Бабст И.К. Несколько замечаний по поводу критики г. Стасюлевича на книгу «Аббат Сугерий. Историческое рассуждение Т. Грановского» // Отечественные записки. 1850. Т. 71. Отд. III.

⁵ Москвитянин. 1850. № 12. Июнь. Кн. 2. Ч. III. Отд. IV; Москвитянин. 1850. № 20. Октябрь. Кн. 2.

⁶ Москвитянин. 1851. № 18. Сентябрь. Кн. 2. Ч. V. Отд. IV; Москвитянин. 1851. № 11. Июнь. Кн. 1. Ч. III.

деятельность М.М. Стасюлевича носила не столько ученый, сколько общественный характер, связанный с изданием и редактированием им «Вестника Европы». Правда в 1866 г. он опубликовал свою работу «Опыт исторического обзора главных систем философии истории», а в 1902 и 1908 г. переиздал ее под названием «Философия истории в ее главнейших системах», но на университетском преподавании это практически не отразилось. Традиция преподавания философии истории в бытность Бестужева-Рюмина в Санкт-Петербургском университете еще только складывалась, но в его работах уже четко просматривается потребность в философском взгляде на историю, что ближайшим образом проявилось в разработке теоретико-методологических проблем исторической науки. Сошлюсь здесь на авторитетное мнение Н.И. Кареева, отмечавшего, что интерес к «теории исторического знания в философском освещении» обозначился в России только к концу XIX в.⁷

Философии истории Бестужев-Рюмин отводил место одной из «форм исторического изложения». Ситуация рисуется ему следующим образом: «Одни историки имеют целью просто воспроизвести в живом образе то, что было, это — *история художественная, или повествовательная, исторический рассказ*; другие хотят судить деятелей прошедшего,

---

⁷ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 153 – 154.

это — история *субъективная*; третьи — желают понять прошедшее в нем самом, это — *история научная*; четвертые ищут общего начала, из которого исходит вся деятельность рода человеческого, и этим началом объясняют исторические события, это — *история философская или философия истории*»⁸. Философия истории видится Бестужеву-Рюмину как отвлеченная схематизация не только упрощенно подчиняющая конкретные события прошлого «безусловным формулам», но и набрасывающая перспективы будущего исторического развития. «ЗаклЮчить все движение историческое в немногие формулы, — развивает он свою мысль, — найти верховное начало, из которого истекали бы эти формулы, заранее определить все будущее развитие — такова горделивая задача философии истории»⁹. Философский подход к истории очень часто носит произвольный и внешний характер, мало согласуясь со спецификой исторического процесса. Удаленность философии от жизни, ее крайняя абстрагированность — главный недостаток, усматриваемый Бестужевым-Рюминым в философии истории. Напротив, задача истории — установление фактов, их осмысление, а через это и постижение самой жизни. Самый общий принцип, которым должна

---

⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории, читанная в Санкт-Петербургском университете 2 сентября 1865 г. // Отечественные записки. 1865. Т. CLXII. С. 248.

⁹ Там же. С. 250.

руководствоваться философией истории и который ученый периодически рекомендует в различных своих работах — наполнение эмпирии смыслом. Установление фактов неотделимо от их понимания¹⁰. «Такие продукты чистого мышления, — писал он об отвлеченном схематизме философии, — были не раз в ходу у наших историков; но ими удовлетворяться нельзя в настоящее время, ибо, прикладываемые к жизни извне, они останутся какими-то нашивками, ярлыками, и несколько не выражают самой жизни»¹¹. Традиционная философия истории, строящаяся на умозрительных и метафизических принципах, не удовлетворяет ученого. Он неоднократно критиковал ее в различных своих произведениях за искусственность¹², незнание «азбучных понятий»¹³. «Бывают, впрочем, и такие случаи, — отмечал историк во вступительной лекции, — когда историческое сочинение остается только памятником эпохи, его вызвавшей, завоевывает себе место в истории общества, и остается совершенно бесплодным в истории науки... Таковы большею частию все, так называемые,

---

¹⁰ «странно отделять знание фактов от их понимания» ([*Бестужев-Рюмин К.Н.*] Нечто о профессорах // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXIX. № 4. С. 666–667.)

¹¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 5.

¹² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 714.

¹³ Там же. С. 715.

философии истории»¹⁴. Более того философия истории порой не только бесполезна для исторической науки, но и способна затруднить само историческое исследование. Так, она может, руководствуясь инородными для самой истории идеями и смыслами, придавать неоправданно большое значение одним событиям и незаслуженно принижать другие. «Желание все вывести из одних непреложных, строго логических законов, — по его словам, — заставляет нас часто не признавать истинного значения великих событий, которые мешают нашему воззрению развиваться в полной чистоте»¹⁵. Конечно, то, о чем говорит здесь Бестужев-Рюмин, относится не только и даже не столько к философии истории, сколько к идеологии. Но опасность чрезмерной идеологизации исторического знания, нагруженности его посторонними смыслами, остается. На это и указывает Бестужев-Рюмин. Однако постоянные попытки построить философию истории заставляют признать, что «видно, сильна потребность в философии истории»¹⁶. Только строить ее надо с опорой на данные конкретных наук. Все обобщения философии истории должны быть индуктивными или «отвлеченно-реалистическими».

---

¹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 244.

¹⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 7.

¹⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 251.

Как писал Бестужев-Рюмин, не противоречащая принципам научности философия истории должна возникнуть «не на отвлеченно-идеалистическом начале, а на таком же отвлеченно-реалистическом»¹⁷.

Негативное отношение к неумеренному философскому вмешательству в историческое познание у Бестужева-Рюмина сложилось в пору пристального и даже придиричвого анализа учения государственной школы, прежде всего «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Даже используемое им переименование государственной школы в «школу философской необходимости» должно, по его мнению, несколько принизить значимость этой школы. Третирование философии в ее метафизическом варианте — излюбленное занятие позитивистски ориентированного мышления. Задача всякой науки, стремящейся укрепить свою научность, состоит в том, чтобы держаться тех способов и методов познания, которые распространены в естественных науках. Беря естествознание в качестве образца, история оказывается более способна постигать природу в ее общественном проявлении. Философия же, по классификационным меркам позитивизма, тяготеет к предрасудкам и тяготеет к заблуждениям. Такая участь постигла и государственную школу, слишком увлекшуюся наложением философских схем на русский исторический процесс. «Жаль только, — сетовал

---

¹⁷ Там же.

Бестужев-Рюмин, — что эта игра в философию поддерживает у нас много застарелых мыслей и понятий, рожденных в московских приказах, подкрепленных в свое время застенком и дыбою, а теперь философскими построениями...»¹⁸ Подобное теоретизирование по меньшей мере преждевременно, а неоправданное философствование на темы русской истории и вовсе ошибочно. «В водовороте частных, отдельных, дробных мыслей, — рассуждал историк, — есть общие начала, как есть общие начала в жизни природы физической. Быть может, в последнем анализе мы придем к тому мнению, что те и другие начала в сущности тождественны; но пока еще мы не знаем этих начал и потому недоверчиво смотрим на отвлечения от действительности, на схемы, в которых, по мнению историков-философов, выражается народная жизнь»¹⁹.

Характерный для С.М. Соловьева и всего репрезентируемого им направления исторический фатализм также вытекает из теоретического подхода к истории. Философское знание отождествляется Бестужевым-Рюминым с обобщенным, логическим, необходимым. Детерминирующая оптика философского построения истории заметно упрощает жизнь. Теоретическая дальнорочность упускает из виду множество наполняющих жизнь

---

¹⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 3.

¹⁹ Там же.

мелочей, деталей, частных и вовсе устраняет из исторической жизни случайность. «Всякое общее положение, — предупреждал Бестужев-Рюмин, — должно быть применимо к действительности весьма осторожно; никогда не следует упускать из виду, что общие начала переплетаются в жизни и от их взаимодействия происходят совершенно неожиданные результаты; к тому же действительность допускает столько случайного, дает столько простора временным, мимолетным впечатлениям, что подвести ее под безусловные, непогрешимые общие начала решительно невозможно»²⁰. Если уж теория не способна в полном объеме отразить жизнь, то, по крайней мере, ее ограниченные возможности не стоит абсолютизировать, совершенно исключая из жизни случайность. «Надо же дать в истории места случайности, — настаивал исследователь, — или таким обстоятельствам, объяснения которых не по силам науке в ее современном состоянии»²¹.

Однако есть такая область исторического знания, которая не может обойтись без философии. Это методология истории. В специализированных исторических трудах вопросы методологии, как

---

²⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 18; см. дословно: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 120.

²¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 20.

правило, рассматриваются во введениях. «Такое введение, — пояснял Бестужев-Рюмин, — требует особенного занятия философией, ибо тот или другой взгляд на общий ход истории находится в тесной связи с тою или другою системой метафизики и этики»²². Надо заметить, что выбор ученым философских дисциплин (метафизика и этика) выглядит несколько странным, поскольку задача методологии истории — обоснование специфики исторического познания. Впрочем, многогранность термина «метафизика» может при желании включать в себя и гносеологическую проблематику. Увлечение позитивизмом, да и вообще некоторая полемическая заносчивость ранней публицистики Бестужева-Рюмина, часто приводили к категоричному неприятию любых философских обобщений в истории. В статьях, написанных в последний период жизни, т. е. после ухода из университета, Бестужев-Рюмин уже с большим вниманием подходил к возможности философского взгляда на историю. В рецензии на работу Э.А. Фримана «Методы исторических занятий» он фактически оправдывал приложение философии к истории, видя в философии истории разновидность научной формы истории. «Характер науки, — писал он, — получает та форма истории, которую мы позволим себе по-старому назвать

---

²² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Методы исторических занятий // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Ч. ССXLIX. Февраль. С. 293.

философией истории, ибо такое название исключает крайности и социологии, и политики, и хотя допускает разнообразие взглядов, происходящее от различия метафизических и этических систем, но дает возможность шире поставить вопросы. От влияния метафизических и этических воззрений не свободны ни социология, ни политика, в особенности первая. Механическое мировоззрение есть метафизическое учение: материализм, а утилитаризм (с его видоизменением альтруизма) — тоже учение этическое. От метафизики и этики некуда уйти человеку, и отказываясь от них, он все же ими занимается: как мольеровский герой, не зная того, что говорит прозой, все же говорит прозой»²³. В 1893 г. лекции Э. Фримана вышли в Москве в русском переводе.

Признав неустранимость философской точки зрения из исторического познания, Бестужев-Рюмин переносит свою критику на социологию.

---

²³ Там же. С. 308. В 1884 г. Э. Фриман посетил другой русский историк, П.Г. Виноградов, оставивший любопытную характеристику своего английского коллеги. «Фриман, у которого я гостил четыре дня в Сомерсетшире, — писал П.Г. Виноградов из Оксфорда 17 мая 1884 г. В.И. Герье, — уморительный, неуклюжий медведь, в сущности добряк, человек очень одностороннего, «наглядного» ума, кот[орый] многих вещей никогда понимать не будет. Энергия страшная — работает над историей южно-итальянских норманов и над историей Рима (разрезает Моммзена!!)». (Из писем П.Г. Виноградова. Публикация и примечания К.А. Майковой // Средние века. 1961. Вып. XXII. С. 287.).

Подобная переакцентировка показательно в том отношении, насколько изменились под влиянием славянофильского учения и обострения религиозного чувства взгляды историка. Теперь под критический удар попала самая позитивная (до буквальности) наука — социология. Бестужев-Рюмин, правда, смягчает свой критический тон до сомнения в научном всесилиии новой о ту пору дисциплины. «Современные социологические построения, — пояснял он свое отношение к позитивной науке об обществе, — грешат главным образом преобладанием естественнонаучной и экономической точки зрения. Эти точки зрения тесно связаны между собою: современное естествознание (в большинстве своих представителей) ставит главной своею целью *механически* объяснить мир, удалив все, как ныне любят выражаться, теологические и метафизические объяснения. Материальное благосостояние ставится вследствие того целью человеческого развития. Оттого и современные социологи, и подчиняющиеся их влиянию исследователи исторические заняты главным образом экономическими отношениями и ими объясняют развитие общества. С этой точки зрения единственным мерилom умственного развития служит развитие естествознания, а при том характере, который оно получило с конца XVIII в. — развитие материализма»²⁴. «Современная социология, — продолжал историк

---

²⁴ Там же. С. 307.

свою мысль, — стремясь стать наукою естественною, желает принять точный характер науки о природе и подобно астрономии, химии, частью метеорологии имеет возможность предсказывать явления»²⁵. Ретроспективный ракурс истории, конечно, ничего не может противопоставить прогностической функции социологии. И только философия истории, раскрывающая перед исторической наукой всемирно-исторические перспективы, способна поддержать ее научный статус.

Упрек, высказываемый Бестужеву-Рюмину в недооценке экономического фактора в истории, вполне справедлив. Прекрасно разбираясь в тенденциях современной науки, ученый понимал, что внимание к материально-хозяйственной стороне в ущерб другим составляющим истории, характерно для текущего периода развития историографии. «Определить законное место явлениям экономического порядка, — писал он, — в ряду явлений исторической жизни — одна из самых настоятельных задач. XIX век слишком горд своим материальным прогрессом и слишком склонен видеть в нем венец развития человеческого»²⁶. Однако историк осознанно отказывался от абсолютизации материальных отношений в жизни и истории, противопоставляя им отношения религиозно-нравственные. Согласно Бестужеву-Рюмину, если уж и выбирать

---

²⁵ Там же. С. 308.

²⁶ Там же. С. 303.

различные акценты и предпочтения в истории, а такой выбор неизбежен, то преимущество следует отдать духовному началу. Более того, в предпочтении нравственных и религиозных основ жизни он видел особенность русской историографии или, по крайней мере, желал видеть ее в качестве основы последующих исследований. Определяя специфику национальных школ в историографии, он писал: «Из трех намеченных нами точек зрения: политико-общественной английской, культурно-общественной немецкой (сюда, кажется, следует отнести и новых французов) и нарождающейся духовной русской, имеющей поставить во главу угла не материальную только и не политическую, а цельную духовно-нравственную культуру — из трех этих воззрений мы, конечно, отдаем преимущество последнему, ибо хотя политическая форма есть видимое выражение общественного строя, а строй общественный обуславливается главным образом нравственно-религиозными основами, дающими ему тот или другой культурный характер»²⁷. Е.Ф. Шмурло объяснял подобные исследовательские предпочтения своего учителя особенностями его исторического образования. В ту пору, когда формировались исторические и научные взгляды Бестужева-Рюмина, экономические интересы на получили в русском обществе того господствующего положения, которое они заняли несколько

---

²⁷ Там же. С. 299.

десятилетий спустя. «Воспитание Бестужева-Рюмина, — писал он, — совпало с той порою, когда в науке преобладали интересы культурные и политические, что до известной степени обусловило его отношение к позднейшим течениям в русской историографии»²⁸.

Современники по-разному воспринимали мысли, высказываемые Бестужевым-Рюминым о философии истории. Однако практически все признавали, что, несмотря на выступления против засилья философских точек зрения в истории, сам ученый явно тяготел к двум вариантам философского отношения к истории. С одной стороны, он мечтал выявить основные смысловые моменты русской истории и тем самым задать философский масштаб ее понимания. С другой стороны, Бестужев-Рюмин осознавал необходимость разработки источниковедческих и критических основ исторического исследования, которые в совокупности могли бы составить костяк методологии истории. «Но философское воззрение на смысл исторических явлений, — истолковывал подход своего коллеги Л.Н. Майков, — никогда не отвлекало его от строгого и точного изучения фактов, какой бы стороне народной жизни, материальной или духовной, они не принадлежали. Напротив того, он был в высшей степени осторожен в своих исторических обобщениях; он высоко ценил дело исторической критики

---

²⁸ Шмурло Е.Ф. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 179.

и постоянно настаивал на внимательном изучении и разборе источников»²⁹. Опора на факты, считал Бестужев-Рюмин, должна стать не только исходным пунктом исторического исследования, но и основой любого философско-исторического обобщения. Более того, в согласии с требованиями позитивизма, исследователь полагал, что сама философия факты не добывает, а может лишь заимствовать их у других наук и соответственно опираться уже на обобщения, сделанные в этих дисциплинах. «Иные требования от философского толкования истории, — уточнял он свою мысль, — предъявляет наше время: только многостороннее обследование разных сторон жизни, только сопоставление множества одинаковых, нередко самых мелких фактов дает право историку на общие выводы. Заметим притом, что этим общим вводам должны предшествовать частные, второстепенные выводы по каждой из сфер жизни в отдельности»³⁰. Ограничивая возможности философского вмешательства в работу историка, он уточнял, что «философская деятельность может ограничиваться только частными результатами или полемическим отношением к существующим мнениям»³¹. Близко знавший Бестужева-Рюмина Е.Ф. Шмурло отмечал у своего учителя

---

²⁹ Майков Л.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 159–160.

³⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 5.

³¹ Там же. С. 6.

постоянный философский интерес к истории. «Философская мысль, — обозначал он направленность научных поисков Бестужева-Рюмина, — всегда преобладала в его работах, даже исключительно исторических. Пишущий эти строки помнит, как часто покойный Бестужев-Рюмин возвращался к мысли о том, чтобы со временем написать такую книгу, где бы в сжатой и доступной форме изложены были основные начала истории России, и была бы дана руководящая нить в понимании прошлого во всем его целом»³².

Субъективной истории Бестужев-Рюмин уделял мало внимания и подробно ее не пояснял. Согласно его формулировке, «история субъективная или скорее нравоучительная»³³ принадлежит в большей мере прошедшему и пройденному этапу развития историографии, хотя некоторые элементы субъективизма, безусловно, остались. Субъективизм в науке компенсируется полнотой знания. «Хотя — прибавим еще — без мысли, без суждения, стало быть, без бóльшей или меньшей субъективности нет человека, если порыться хорошенько, то полной объективности нигде в действительности не окажется. Судит каждый, конечно, по своему разумению, но прежде, чем судить, надо знать», — полагал

---

³² Шмурло Е.Ф. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 178.

³³ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

ученый³⁴. Знать для Бестужева-Рюмина означает прежде всего быть сведущим в существующей исследовательской литературе. Разъясняя свою точку зрения, он отмечал, что «в науке вообще дорога такая субъективность, которая, богатая внутренним содержанием, обогатилась и развилась еще объективным знанием. Другие же субъективности сильно напоминают лирических поэтов...»³⁵.

В каком-то смысле допущение в историческое исследование субъективного элемента позволяет историку — а для Бестужева-Рюмина и обязывает — обратить внимание на художественную сторону исследования. Бестужев-Рюмин не случайно подчеркивал две стороны исторического труда: научную и художественную. История как искусство дополняет и даже венчает историю как науку. Целью исторических разысканий должно быть не установление частных фактов и локальных взаимосвязей. Сплетение многообразия фактов в единое целое, панорамный обзор прошлых судеб человечества требует и доступного, по-художественному яркого, в чем-то образного изложения. Художественность подразумевает популярность и изящество в передаче фактов. «Имея постоянно в виду результат, — писал Бестужев-Рюмин, — историк не может беспристрастно отнестись к явлению; он не может любить

---

³⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 99.

³⁵ Там же. С. 100.

этого явления для него самого; он торопится к выводу; а каждое явление (мы говорим не о личностях и не о случайностях) не может быть постигаемо иначе, как любовью. Историк-исследователь родня художнику и должен вносить в свое изображение не вражду, не борьбу, а художественное примирение»³⁶. Художественность исторического повествования, таким образом, имеет и методическое значение. Прошлое познается любовью, переживается как личное сопричастие минувшим событиям. Любовь подразумевает смысловое постижение прошлого посредством его художественной артикуляции. Бестужев-Рюмин неоднократно писал о том, что «историк должен быть художником», что история пишется не для узкого круга специалистов. «Художественность в истории состоит в умении представить эпоху живо и образно...», — кратко растолковывал он свою позицию³⁷. В другой статье, имея в виду Н.М. Карамзина, Бестужев-Рюмин уточнял свою мысль. Согласно критике, «главная задача истории — представить в ярких образах человека в его высших и низших проявлениях — человеческие страсти стояли на первом плане для историка»³⁸.

---

³⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 22.

³⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 9.

³⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 680.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина была для Бестужева-Рюмина образцом художественного осмысления русской истории. Желая польстить исследователю, М.О. Коялович усматривал в исторических работах Бестужева-Рюмина восстановление «лучших приемов Карамзина»³⁹. Бестужев-Рюмин еще в детстве познакомился с «Историей государства Российского». Он вспоминал, что отец дважды читал ему карамзинскую историю целиком⁴⁰. Бестужев-Рюмин на всю жизнь остался поклонником таланта Н.М. Карамзина-историка и писателя, считая его труд непревзойденным шедевром русской историографии. На первой странице своей диссертации он ссылался на научный авторитет историографа, поскольку «в “Истории государства Российского” Карамзина... можно найти в зародыше все, что развивается наукою нашего времени»⁴¹. В отдельном же очерке о Н.М. Карамзине Бестужев-Рюмин давал следующее определение заслуг историка: «Проверяя Карамзина по источникам, каждый убеждался в том, что если теперь есть успех в занятиях русской историей, то самый успех этот зиждется, как на твердом основании, на великом творении Карамзина; каждая новая попытка воссоздать в целом

---

³⁹ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 504.

⁴⁰ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 9.

⁴¹ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XV века. СПб., 1868. С. I.

прошедшую судьбу Русского народа была только новым доказательством недостижимого величия “Истории государства Российского” — этой единственной истории в полном смысле слова, каковую только имеет Русская земля»⁴². После такой оценки понятна и рекомендация Бестужева-Рюмина: «...книга эта (“История государства Российского”. — А.М.) должна быть настольною книгою каждого, занимающегося русскою историею»⁴³. В то же время Бестужев-Рюмин понимал, что при всех достоинствах труд Н.М. Карамзина принадлежит ушедшей эпохе, хотя, конечно, его историографическая и методологическая ценность сохраняются. По словам исследователя, «нравственная проповедь в образах художественных — вот смысл и значение истории Карамзина, которая теперь, сверх своих неумирающих достоинств художественных и ученых, приобрела еще для нас значение важного памятника эпохи Александра I»⁴⁴.

Рассматривая философско-исторические взгляды Бестужева-Рюмина невозможно обойти вопрос о его отношении к Владимиру Соловьеву. Историк внимательно следил за творчеством В.С. Соловьева, высоко его ценил и старался всячески поддержать

---

⁴² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 172.

⁴³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 2.

⁴⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 681.

молодого мыслителя. Как известно, В.С. Соловьев защищал в Санкт-Петербургском университете диссертации, магистерскую и докторскую, был принят в университет приват-доцентом, но вот получить возможность читать лекции по философии смог только по протекции Бестужева-Рюмина на Высший женских курсах. «Вместе с нами, — вспоминала бывшая слушательница Высших женских курсов, — с юношеским увлечением следил он за философскими лекциями Вл.С. Соловьева, помогал нам, многое разъяснял. Он стремился привлечь лучших профессоров и возможно более приблизить наш курс к университетскому»⁴⁵. Биограф В.С. Соловьева С.М. Лукьянов приводит письмо Бестужева-Рюмина к вдове своего друга С.В. Ешевского о защите В.С. Соловьевым магистерской диссертации: «Дорогая моя Юлия Петровна! Был вчера диспут вашего любимца Соловьева. Знаю, что он интересуется вами, и потому спешу написать вам несколько строк. Такого диспута я не помню, и никогда мне не случилось встречать такую умственную силу лицом к лицу. Необыкновенная вера в то, что он говорит, необыкновенная находчивость, какое-то уверенное спокойствие — все это признаки высокого ума. Внешней манерой он много напоминает отца, даже в складе ума есть сходство; но мне кажется, что этот пойдет дальше. В нашем кругу осталось какое-то

---

⁴⁵ К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 12.

обаятельное впечатление; Замысловский, выходя с диспута сказал: “он стоит как пророк”. И действительно, было что-то вдохновенное. Оппонентов было много из публики, спор был оживленный; публика разделилась на две партии; одни хлопали Соловьеву, другие — его противникам. Если будущая деятельность оправдает надежды, возбужденные этим днем, *Россию можно поздравить с гениальным человеком...*»⁴⁶. Письмо Бестужева-Рюмина носит несколько приподнятый характер, но таково, видимо, было впечатление от магистерского диспута. В записи от 6 апреля Бестужев-Рюмин отмечал диспут В.С. Соловьева и в своей записной книжке⁴⁷, а затем неоднократно помещал свои отзывы о лекциях философа, которые регулярно посещал. Например: «Лекция Соловьева в Университете — успех полный» (20 января 1880 г.)⁴⁸; «Соловьев порчет блистательную речь» (14 марта 1881 г.)⁴⁹ и др. Высоко отзывался о В.С. Соловьеве Бестужев-Рюмин в письме к И.С. Аксакову 9 декабря 1881 г.⁵⁰ Историк очень волновался за судьбу В.С. Соловьева, когда узнал о его выступлении с призывом к Александру III помиловать убийц его отца и с тревогой

---

⁴⁶ Цит. по: *Лукьянов С.М.* О Владимире Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга первая. Пг., 1916. С. 415–416.

⁴⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р I. Оп. 2. № 254. Л. 43

⁴⁸ Там же. Л. 129.

⁴⁹ Там же. Л. 32.

⁵⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 47.

отписывал об этом в записной книжке⁵¹. Бестужев-Рюмин, вероятно, разделял это требование. По крайней мере, когда Л.Н. Толстой написал императору письмо с призывом амнистировать царевубийц, именно Бестужев-Рюмин через вел. кн. Сергея Александровича передал это письмо государю, после того как друг Л.Н. Толстого Н.Н. Страхов, также входящий в императорскую семью, не решился этого сделать.

Касаясь взаимоотношений Бестужева-Рюмина и В.С. Соловьева, Е.Ф. Шмурло писал: «Вл. Соловьева Бестужев-Рюмин ставил, особенно в эту пору (1883 г. — А.М.), очень высоко. Он гордился тем, что ему удалось такой выдающийся талант, человека с таким обширным и глубоким образованием привлечь на Высшие женские курсы и убедить его читать там лекции по философии; с полным сочувствием следил он за развитием его дарований и возлагал на него большие надежды»⁵². И тут же Е.Ф. Шмурло приводил цитату из письма Бестужева-Рюмина от 12 мая 1883 г.: «Вспомните, что в числе профессоров (В.Ж. Курсов) был человек, которому я не *в версту* (говоря языком местничества), которому, вероятно, суждено иметь еще огромное влияние, а, может быть, если он не собьется,

---

⁵¹ Там же. Л. 37.

⁵² Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 233.

историческое значение»⁵³. Е.Ф. Шмурло в своей книге приводит ряд писем Бестужева-Рюмина из Рима, относящихся к 1883 и началу 1884 г., посвященных историософским статьям В.С. Соловьева. Бестужев-Рюмин сопоставляет В.С. Соловьева с А.С. Хомяковым по силе и таланту, видит в нем продолжателя дела лидера славянофилов (недаром и в В.С. Соловьеве, и в славянофилах он замечал веру в то, что они говорят), но сокрушался об отступничестве В.С. Соловьева в католицизм. Поэтому в полемике между В.С. Соловьевым и Н.Н. Страховым Бестужев-Рюмин был на стороне Н.Н. Стрхова.

В письмах Бестужев-Рюмин высказывался о В.С. Соловьеве в таких выражениях, как «Талант изумительный», «эстетика за ним»⁵⁴. «Да, — сетовал он, — в Русской земле великие люди или рано умирают, или сами себя хоронят. Впрочем из великих очень этот был бы первый, авось-либо с ним этого не случиться»⁵⁵. Здесь же Бестужев-Рюмин касался философско-исторических вопросов, которые не решался, по-видимому, обсуждать в статьях и специальных работах. Неофициальный характер писем делал его более свободным в суждениях. «Всечеловечество, — писал он по поводу

---

⁵³ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 233.

⁵⁴ Там же. С. 235.

⁵⁵ Там же.

статьи В.С. Соловьева «Великий спор и христианская политика», — возможно только в будущем мире, т. е. уже неземном, а здесь необходимо разнообразие, а при разнообразии неизбежна борьба. В ней до сих пор состояла история. Может измениться форма борьбы, но борьба останется. Бóльшая или меньшая примесь зла к добру есть необходимое следствие несовершенства и необходимое побуждение к развитию, совершенствованию. Я верю, что наступающий исторический период наш; но не думаю, чтобы им завершилась история. Нами должно только кончиться преобладание арийского племени. Не думаю, чтобы все другие племена созданы были служить только этнографическим материалом»⁵⁶. Эсхатологические ожидания Бестужев-Рюмин связывал не со славянством, а с Китаем. Разделяя представления В.С. Соловьева о «желтой угрозе», он считал, что господство Китая будет означать предвещенную Евангелием временную победу зла над добром в конце времен. «Мне всегда казалось, что этому народу, — писал историк в январе 1883 г. о китайцах, — когда он познакомится с технической стороною цивилизации европейской, принадлежит страшная роль в будущем. Он народ материалист, народ без веры и без совести. Мне чудится в нем войско Антихриста. Впрочем, это опять область гаданий»⁵⁷. «Если есть

---

⁵⁶ Там же. С. 233–234.

⁵⁷ Там же. С. 234.

в желтой расе отдельные лица, — продолжал он в другом письме, — принимающие христианство, то едва ли вся раса когда-либо примет его. Если семитизм выродился в рационализм монотеистический (в еврействе последней формации и мухамеданстве), то рационализм позитивистический есть, кажется, последнее слово монгольской расы. В Евангелии говорится о проповеди Евангелия по всему миру, но нигде не говорится о всеобщем его принятии. Зло и неправда должны сохраниться до «исполнения времен», как плеве-лы, о которых говорит притча Христова, до времени жатвы. Вы знаете, что перед самым концом зло должно временно восторжествовать. Я глубоко верю тому, что за преобладанием истины, которая представляется мне в виде торжества славянской идеи в ее чистом виде, т. е. православия, — ибо мне думается, что только в славянском мире явится во всей своей чистоте православие, как оно чутся нашим великим учителям Хомякову, Самарину, Достоевскому, Соловьеву (заблуждения этого временное дело, а в сущности он должен стать наряду с величайшим учителем, т. е. Хомяковым, и продолжать его дело), за преобладанием истины, говорю я, должно последовать преобладание лжи — китайский позитивизм, царство Антихриста, — и тогда наступит кончина мира. Может быть, вы скажете, что я слишком мрачно смотрю на китайцев; но так мне кажется, насколько я знаю Китай — по трудам русских синологов и по рассказам о китайцах

в Калифорнии (Брет-Гарта). Это народ выносливый, трудолюбивый, но лишенный и идеала и внутреннего нравственного чувства; их нравственность, как и их ученость, — внешняя. Вспомните сочувствие XVIII в. к Китаю: оно плод не знания, как думают, но сродства: энциклопедисты инстинктивно почувствовали родственное себе начало в этом далеком народе; мандаринский взгляд на жизнь, наследие Вольтера, жив еще до сих пор в мечтах Ренана об ученых, которые практическими изобретениями будут господствовать в мире. Это не философы Платона и не теократия Соловьева, это просто мандарины. Если этот взгляд пробивает себе дорогу теперь (его не чужд Конт) в конце романо-германской цивилизации, то еще с большей силою он выступает тогда, когда новое начало, в силу закона брэнности и несовершенства проявления в человечестве божественного, дойдет до конца. Таково мое убеждение: я не могу думать, чтобы в человечестве в его земном поприще что-нибудь было вечно и потому я повторю с Карамзиным: «пусть она (Россия) живет долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой». Верю, что нам придется жить долго: до сих пор мы только готовились к жизни, ибо жизнь великого народа есть исполнение его всемирно-исторического призвания. Призвание наше — соединить Восток и Запад в высшем начале — православии, в проведении этого высшего начала во все сферы жизни. Но дело наше, благословенное

(я верю в это) Богом, все-таки дело человеческое, и св. Писание нас учит тому, что в конце мира, хотя и не надолго, но всюду восторжествует зло и только тогда, но уже без действия человеческого погибнет и на веки»⁵⁸.

Помимо В.С. Соловьева в философское окружение Бестужева-Рюмина входил Федор Федорович Сидонский (1805–1873), преподававший после восстановления кафедры философии на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета логику, психологию и историю философии. Из сочинений и, вероятно, бесед с Ф.Ф. Сидонским Бестужев-Рюмин воспринял идею необходимости дополнять опыт и знание верой. Письма историка лишь отчасти приоткрывают характер его взаимоотношений с Ф.Ф. Сидонским. Так в письмах к матери он дважды упоминал о смерти философа: «На днях похоронили отличного человека, которого я очень любил и уважал: священника Сидонского, который был у нас профессором. Умер вдруг от удара. Конечно он пожил: ему было 76 лет, а все жаль»; «зимой умер старик Сидонский, — писал он 20 марта 1874 г., — один из самых умных людей, которого я очень почитал»⁵⁹.

Философская установка при изучении истории задавалась Бестужевым-Рюминым с позиции,

---

⁵⁸ Там же. С. 238–239.

⁵⁹ РО ИРЛИ РАН. 24659.

примиряющей крайности славянофильского и либерально-западнического подходов. Большая склонность Бестужева-Рюмина к славянофильству иллюстрируется не столько его научно-преподавательской деятельностью (по воспоминаниям учеников, славянофильские пристрастия никак не сказывались в лекциях Бестужева-Рюмина), сколько личной близостью к некоторым славянофилам (прежде всего, дружба с А.Ф. Гильфердингом⁶⁰) и работой в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, активным участником которого Бестужев-Рюмин стал с момента его основания в 1868 г., а с февраля 1880 до осени 1882 г. даже занимал пост председателя. В большей степени славянофильские настроения Бестужева-Рюмина раскрывались вне университета. Критически относящийся к славянофильским взглядам своего учителя, С.Ф. Платонов приписывал их скорее влиянию окружения, чем проявлению внутренней потребности и убеждений историка. Следует добавить, что общение С.Ф. Платонова с Бестужевым-Рюминым пришлось на тот период, когда славянофильство ученого обозначилось вполне определенно и даже резко. Не скрывая своего неприятия того, с чем он сталкивался дома у Бестужева-Рюмина, и даже с возмущением, С.Ф. Платонов

---

⁶⁰ После избрания в Академию наук, Бестужев-Рюмин по поручению историко-филологического отделения приступил к подготовке издания «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга.

писал много позже в воспоминаниях: «На кафедре он был блестящим преподавателем исторической науки, широко образованным европейцем, для которого одинаково были понятны и близки вопросы человечества и народности. О том, что он тогда заметно шел в сторону славянофильства, в аудитории знать было нельзя: настолько Бестужев был широк и объективен. Когда же я начал видеть Бестужева в его домашнем окружении, я был удивлен тем, что к нему стянулись и за него цеплялись люди, резко окрашенные славянофильскими и националистическими цветами. Они гораздо громче, чем он сам, исповедовали свои мысли в расчете на его сочувствие и одобрение. У него, по-видимому, не хватало силы и характера поставить их на должное место, прекратить ту лесть, с какою они к нему лично обращались, и выбиться из того круга поклонников и поклонниц, которые его просто компрометировали своим ничтожеством и политическим кликушеством»⁶¹. Другой петербургский историк, ученик С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Пресняков, представитель того поколения, которому уже не довелось обучаться у Бестужева-Рюмина, отмечал, возможно со слов своего учителя, что «западником он не сделался»⁶². «И однако, — продолжал он далее, — Бестужев

---

⁶¹ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 123–124.

⁶² Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 167.

не был “националистом” в специфическом значении термина; чуждый нетерпимости и фатализма, он был для этого человек слишком широких культурных симпатий»⁶³.

По верному замечанию Е.Ф. Шмурло, «“славянофильство” Бестужева требует больших оговорок»⁶⁴. Русский ученый критиковал представление об однонаправленности прогресса в истории, считал, правда, с оговорками, православие отличительной чертой русской народности, верил в грядущее величие славянства и его вклад во всечеловеческую культуру, мечтал о федеративном устройстве славянского союза во главе с Россией, и в то же время положительно оценивал реформы Петра I, полагая их неизбежными, признавал, что научно-техническое, культурное и умственное развитие России было вызвано влиянием Запада. «К славянству, — пишет Е.Ф. Шмурло, — Бестужев подошел *рассудком*, и рассудком же осветил и оценил его положения; он воспринял данную теорию, потому что *убедился* в ее справедливости... Между тем черты, сближавшие его с западниками, были в нем *воспитаны* всем его прошлым; он подошел к ним *не умственно*, а *бессознательно*, самую жизнь, всем существом своим... Поэтому-то, сторонник теории Данилевского, он никогда в сущности не переставал

---

⁶³ Там же. С. 168.

⁶⁴ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 239.

быть учеником Грановского и Белинского, поклонником их просветительских идей»⁶⁵. Именно предпочтением «западной партии», по мнению Р.А. Киреевой, был продиктован переход в 1847 г. Бестужева-Рюмина с философского факультета на юридический⁶⁶. «Таким образом, — заключает исследовательница, — и линия поведения Бестужева-Рюмина в студенческие годы, и круг лиц, с которыми он контактировал, свидетельствуют о его причастности к кругам либеральной оппозиции западнического направления. Никаких следов влияния на него славянофилов в те годы мы не обнаруживаем»⁶⁷. Отрицательное отношение к славянофильству в начале, а затем постепенное признание правоты их учения также объясняются Р.А. Киреевой не чертами характера Бестужева-Рюмина или спецификой его исторических изысканий, а общим ходом интеллектуального развития в России второй половины XIX в. «В историографической оценке Бестужевым-Рюминым славянофилов и западников, — продолжает она, — отчетливо отразилась эволюция либерального западничества»⁶⁸. К сказанному добавим оговорку самого Бестужева-Рюмина, сделанную им в рецензии на книгу

---

⁶⁵ Там же. С. 243.

⁶⁶ *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. С. 30.

⁶⁷ Там же. С. 42.

⁶⁸ Там же. С. 190.

М.О. Кояловича. «Уж не раз было замечено, — писал историк, — что русский человек редко остается последовательным западником»⁶⁹. Славянофильские симпатии ученого, ставшие заметными с начала 1860-х гг., не меняют итоговую оценку исследовательницы: «Несмотря на все сложные переплетения, Бестужев-Рюмин оставался в целом в русле русской либеральной исторической науки»⁷⁰.

Беспартийность ученых взглядов Бестужева-Рюмина, не желавшего замыкаться в крайностях одностороннего подхода, могла восприниматься как некоторая аморфность научного облика или даже отсутствие собственной позиции, что, отчасти, объясняет историко-философское игнорирование его наследия. Интеллигентная деликатность его натуры, усиленная научно понятием стремлением с объективности, заставляла воздерживаться от собственных суждений там, где они совпадали с уже высказанным мнением. Личные убеждения скрывались за ученой эрудированностью, за библиографической полнотой, систематичностью и фактографической точностью изложения. В результате работы Бестужева-Рюмина давали «образец

---

⁶⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 124.

⁷⁰ *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. С. 238.

строго научного метода исследования»⁷¹. Собственно говоря, ни славянофильство, ни западничество никогда не были для Бестужева-Рюмина исходной точкой партийно-пристрастного взгляда или априорной схемой научного построения, но только результатом анализа фактического материала. Приведу еще одно ценное в этом отношении свидетельство современника. «Бестужев-Рюмин, — писал Д. Корсаков в словарной статье, — вместе с славянофилами исповедует культурное различие двух миров — романо-германского и греко-славянского и особенности культурной и политической самобытности русского народа; но он далеко не разделяет крайностей их воззрения на общение наше с Западом; высказываясь за усвоение нами истинного европейского просвещения, он высоко чтит европейскую науку и, придавая громадное значение реформе Петра Великого, порицает лишь безусловное *преклонение* перед Западной Европой, *легкомысленную веру* в безупречность и универсальность ее цивилизации и не признает отождествления общечеловеческого с западно-европейским. Но такая на первый взгляд двойственность его воззрений объясняется не отсутствием у него определенного исторического мифосозерцания — а, наоборот, есть плод серьезного

---

⁷¹ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 197.

самостоятельного изучения русской истории»⁷². Бестужев-Рюмин сам охотно соглашался со славянофильской атрибуцией своих воззрений. Более того, в развитии славянофильских идей он видел залог будущего интеллектуального превосходства славян. Однако объективность требовала и критической оценки славянофильского учения. Ни одна теория, считал Бестужев-Рюмин в духе позитивистской критики абсолютных точек зрения, не обладает всей полнотой истины. В развернутой рецензии на книгу М.О. Кояловича «История русского самосознания», как всегда у него перераставшей и объем и жанр обычной рецензии и фактически превращавшейся в самостоятельное исследование, он писал: «Согласно с М.О. Кояловичем, мы признаем также преимущество идей славянофильских перед другими направлениями, господствующими в русской исторической науке, ибо видим в них смелую попытку привести к сознанию то, что бессознательно живет в народном духе и с большею или меньшею ясностью выражается в истории. Мы идем даже далее этого: мы убеждены, что направление, выраженное такими мощными мыслителями, как Хомяков, Киреевский, Самарин, уясняясь и распространяясь, должно будет дать когда-нибудь нашему племени преобладание в умственном мире. Это то слово, которое племя наше, по всем человеческим вероятиям, призвано сказать миру.

---

⁷² Там же. С. 195–196.

Ж. Бестужевъ - Рюминъ

БИБЛИОТЕКА
ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

I

Изданіе А. Я. Кожанчикова

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографіи А. Граншеля, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45

1872

Но и это направление мы не считаем полной истиной: история учит нас тому, что под влиянием новых отношений, при содействии новых людей, сами идеи видоизменяются, и даже чем более воплощается идея, переходя в сознание большего количества людей, тем более утрачивает она с одной стороны, хотя и приобретает с другой»⁷³.

У Бестужева-Рюмина не вызвала сомнений необходимость в знакомстве с достижениями западноевропейской истории и науки, он лишь подчеркивал, что нельзя на этом останавливаться и только этим ограничиваться. «Рабское подчинение западной науке, как всякому чужому влиянию, конечно, не хорошо, но знакомство с западной наукою вполне обязательно», — писал историк⁷⁴. В то же время неумеренное увлечение чужими теориями препятствует научному развитию, тормозит выработку собственных представлений, заменяя их готовыми формулами, отучающими мыслить и прививающими отвращение к собственному народу и истории. Примером научных полуфабрикатов подобного рода может служить западническая историография или «отрицательное направление», представленное в частности, школой С.М. Соловьева. Подразумевая именно это направление, Бестужев-Рюмин писал, что «многие убеждены, что

---

⁷³ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 97.

⁷⁴ Там же. С. 124.

девственная почва нашей страны самое лучшее место для приложения заграничных теорий. Историки русские тоже недалеко ушли от этого убеждения и разрисовывают приятными красками стремления к уничтожению местных различий и характерных явлений, возникших из отдельного быта времен прошлых»⁷⁵. Вспоминая о С.В. Ешевском, своем друге и шурине, рано ушедшем из жизни историке, Бестужев-Рюмин несколько с сожалением отмечал, что все научные поиски С.В. Ешевского следовали тем путям, которые были проложены западной наукой, и что мечта Т.Н. Грановского о русском ученом, который бы внес «в европейскую науку свой русский вклад» так и не воплотился и, возможно, «принадлежит будущему времени»⁷⁶.

Разбору славянофильской концепции Бестужев-Рюмин посвятил небольшой цикл статей «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе», напечатанный в 1862 г. в «Отечественных записках». Давая общую оценку славянофильской концепции, он, в частности, писал: «Мы глубоко уважаем славянофилов именно за то, что они признают верховное значение сознания и первым условием поступательного движения ставят свободу слова, вследствие чего и восстают против всякого

---

⁷⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 21.

⁷⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 298.

насилия, откуда бы оно ни шло; но торжество сознания медленно: вот где подводный камень учения об единогласии, одного из основных начал славянофильской доктрины... Вообще воззрение славянофильское слишком целостно, слишком идеально и потому вполне верно только в крупных чертах: история для них является едва ли не чем-то внешним; внутренняя же сущность остается неизменной»⁷⁷. До этой работы Бестужева-Рюмина ни в русской науке, ни в русской публицистике не было столь обстоятельного и спокойного анализа основных положений славянофильской доктрины, ее сильных и слабых сторон. Исследователь недаром называет славянофилов «первыми носителями настоящего русского сознания»; они — провозвестники периода самосознания в русской истории, т. е. периода, приходящего на смену эпохе чувства. Однако эпоха самосознания не сводится к критике русской и западной жизни, ее задача — нащупать основы национальной жизни. Славянофилы по преимуществу останавливаются на ступени сомнений и критики. Впрочем, Бестужев-Рюмин понимает, что не имеет еще возможности оценить славянофильское учение в целом; не все произведения ранних славянофилов опубликованы, не все высказанные ими идеи стали достоянием образованной части общества, не завершен еще и сам

---

⁷⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 690.

славянофильский проект. В письме Бестужеву-Рюмину 18 августа 1875 г. И.С. Аксаков давал следующую краткую характеристику первых деятелей славянофильского направления: «...Славяне, да еще Русские, да еще дворяне, они не были тружениками науки и постоянно подвергались упреку в бездействии и лени; но они безостановочно проповедовали словами и раздавали направо и налево сокровища своего творчества. Говорю именно: творчества, в противоположность труженническому процессу в науке»⁷⁸. Славянофилы по существу заложили философскую основу учения и задали общее направление последующего развития мысли, но мало останавливались на подробностях и деталях. Задача ранних славянофилов была по преимуществу философская и критическая. По словам Бестужева-Рюмина, «только широкое философское образование первых деятелей славянофильской партии (Киреевского (вспомним *Европейца*), Хомякова, Самарина, К.С. Аксакова) дало им возможность создать полную, логическую теорию и обосновать ее на ясных и отдельных понятиях. В трудах славянофилов первой эпохи преимущественно поражает стройность мысли, проникновение в самую сущность. Подробная разработка идет уже затем»⁷⁹.

---

⁷⁸ РО ИРЛИ РАН. 24872/CZXXX6.2. Л. 2.

⁷⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 126.

Учение славянофилов с опаской было встречено современным им русским обществом и мало кем было усвоено и понято. «Между тем, — писал Бестужев-Рюмин о 1840-х гг., — в Москве возник тесный кружок уединенных мыслителей, которые искали в славянском мире не только археологических и филологических тонкостей, но которые допытывались духа; перед их мысленными взорами стал величавый образ иного грядущего мира, зачатки которого видели они в основных чертах славянской народности; чужды всем были эти мыслители: общество, воспитанное по-европейски, смотрело на них как на фанатиков-ретроградов; серьезные ученые, по большей части, сторонились от них, как от мечтателей, начальство смотрело на них с недоумением, думая, не затевают ли они что-нибудь худого»⁸⁰. И только после Крымской войны, когда со славянофильских изданий сняли ряд цензурных запретов, а также когда началось освобождение крестьян, в котором славянофилы приняли деятельное участие, отношение общества к ним стало меняться, «и тут-то впервые заметили с изумлением, что мрачные фанатики славянофильства, в сущности, апостолы разума и народного сознания»⁸¹.

Общие контуры славянофильского учения создавались несколькими основными представителями этого направления; однако каждый из них был

---

⁸⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 25.

⁸¹ Там же.

занят разработкой своей стороны общего учения. Для того, чтобы оценить результат совместной работы, надо, по возможности, взглянуть на него со стороны. Поэтому свои статьи историк оценивал как заявку на осмысление славянофильской доктрины, как первый опыт ее комплексного исследования. Поэтому же он вынужден оговариваться, что «мы хотели понять учение славянофилов из сочинений писателей этой школы, уловить те начала, которые общи всем им, и те особенности, которые принадлежат каждому в отдельности. Это собственно черновая, подготовительная работа, которую впоследствии воспользуется будущий историк общества»⁸². При этом Бестужев-Рюмин оказывается в сложном положении, сталкиваясь с неизбежным противоречием между научной осторожностью суждений и актуальностью темы. По его собственному признанию, рассуждая о славянофилах, трудно «удержаться в пределах беспристрастной объективности»⁸³, ввиду насущности затронутых ими проблем.

Помимо исследовательской, статьи Бестужева-Рюмина преследуют и злободневную цель. В них историк выступает оппонентом демократической критики «Современника» в лице Н.Г. Чернышевского и «Русского слова» в лице Д.И. Писарева.

---

⁸² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая // Отечественные записки. 1862. № 3. Т. CXLI. С. 27.

⁸³ Там же.

Как славянофилы выступили в свое время против западной партии⁸⁴, так и Бестужев-Рюмин в новых условиях выступил против радикальных и прогрессистских настроений в русском обществе. Прежде всего его возмущает не просто неприятие, а осмеяние чужих взглядов под лозунгами прогресса, глумливое нежелание прислушаться к чужому мнению. Нежелание воспринимать иную точку зрения приводит к взаимному непониманию даже внутри лагеря прогрессистов. Так, не могут договориться, например, принадлежащие к разным поколениям К.Д. Кавелин и Н.А. Добролюбов. Непонимание среди единомышленников не случайно. Оно вызвано нарочитым отторжением, а порой и презрением к русской жизни, к почве. «Оттого только у нас, — заключает Бестужев-Рюмин, — возможна насмешка над самым словом «почва». Глумление над этим понятием, начинающим проникать в массы, мы считаем одним из важнейших признаков бесплодия и пустоты нашего прогресса»⁸⁵. Упоминание «почвы» в статьях Бестужева-Рюмина не случайно. Они писались во время наибольшей популярности почвеннических журналов братьев Достоевских «Время»

---

⁸⁴ «Славянофильство вышло готовым в отпор сложившейся западной доктрине, высказанной Чаадаевым в его знаменитом письме в смысле католическом и выраженной в смысле новейших систем преимущественно в кружках» (*Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 127*).

⁸⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 29.*

и «Эпоха», в которых сотрудничали А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов. В начале 1860-х гг. журналы Достоевских успешно конкурировали с «Отечественными записками», в котором работал Бестужев-Рюмин и сравнивались с ним по количеству подписчиков. Сам Бестужев-Рюмин очень высоко ценил романы Ф.М. Достоевского, часто их перечитывая. Два десятилетия спустя по инициативе председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества Бестужева-Рюмина Ф.М. Достоевский был делегирован в Москву на пушкинский праздник, где писатель произнес свою знаменитую «Пушкинскую речь». После скорой смерти Ф.М. Достоевского уже Бестужев-Рюмин выступил в Обществе с речью, посвященной его памяти. В ней он подчеркивал, что «только на мысли о нравственном усовершенствовании, на требовании возведения в сознание бессознательно живущей в народе правды, основано было учение Достоевского»⁸⁶.

Однако отрицательное отношение Ф.М. Достоевского к славянофилам исключало возможность публикации материалов о «московском направлении» в почвеннических изданиях. Это же обстоятельство, в частности, служило одной из причин периодических конфликтов между Ф.М. Достоевским и Аполлоном Григорьевым⁸⁷. В сложившейся

---

⁸⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Речь о Ф.М. Достоевском. С. 3.

⁸⁷ О близости исторических взглядов А. Григорьева и Бестужева-Рюмина см.: Носов С.Н. Аполлон Григорьев об «Истории

ситуации статьи Бестужева-Рюмина фактически компенсировали образовавшийся пробел, благо и повод подвернулся достойный: выход в свет первых томов сочинений И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Заимствуя понятие «почва», и без того довольно пространное и неопределенное у самих почвенников, Бестужев-Рюмин также не стремился к его уточнению. Общие смысловые коннотации, используемые им, лишь немного проясняют суть дела. Так, Бестужев-Рюмин сопоставляет почву с такими понятиями, как «сущность», «основа». Эссенциально-субстанциалистские оттенки «почвы» согласуются у него с идеей многофакторности исторического развития и, соответственно, с представлением о многогранности самой исторической жизни. Многообразие исторических явлений не исключает вполне определенное их смысловое единство. «Почва» и есть эйдетический образ исторического события. Уяснить «почву» буквально означает докопаться до основы явления. Но основа эта идеальная, смысловая. «Почва», таким образом, есть результат исторического расследования, или, если угодно, расслаивания исторического явления. Как писал Бестужев-Рюмин в полемической статье против «школы С.М. Соловьева», «только тщательное всестороннее изучение условий жизни разных исторических

России» С.М. Соловьева // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 232–233.

эпох приведет нас к пониманию того, в каком отношении почва находится к явлению»⁸⁸. Другая смысловая подсказка, встречающаяся в этой статье, связывает «почву» с народом. «Знание почвы, — утверждает Бестужев-Рюмин, — необходимо прежде всего и более всего; ибо известно, даже из прописей, что не народ существует для учреждений, а учреждения для народа»⁸⁹. Здесь уже на «почву» распространяются все те семантические значения, которые можно получить из отсылки к составу и характеру населения, образу народной жизни и народному мировоззрению. При таком понимании «почва» обнаруживает свое родство с нечуждым и славянофильству романтическим «народным духом» и вновь привлекает внимание к своему идеальному, эйдетическому характеру. В этом отношении «почва», несмотря на свое, казалось бы, буквально намекающее приложение к реальности, заземление в быте, остается смысловой конструкцией, теоретическим построением, пусть и не лишенным некоторой доли интуитивного постижения, без которого невозможно познание конкретных исторических фактов. «Почва» — необходимая опора исторического объяснения; без нее любые утверждения будут безосновными. Столь часто встречающееся в радикальной

---

⁸⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 8.

⁸⁹ Там же. С. 16.

публицистике воззвания к «гражданственности» также повисают в воздухе. «А гражданин, — продолжает историк, — немислим в среде отвлеченной, без “почвы”; гражданин-вообще гораздо смешнее, чем человек-вообще. Все это рухлядь из кладовой XVIII века. Только на почве бывают граждане, ибо они знают где, когда и что делалось... Разгадка вся в том, что славянофилы — граждане своей страны, а прогрессисты — граждане вообще, что, разумеется, легче»⁹⁰.

Беда в том, что прогрессисты выражают преобладающее настроение русской интеллигенции, или образованного слоя. Согласно Бестужеву-Рюмину, русская интеллигенция постепенно развилась из европеизированного дворянства. Поворот к национальным истокам наметился уже у Н.М. Карамзина и в неловкой форме начался после 1825 г. Однако русская интеллигенция до сих пор враждебно воспринимает мысль о «возможности самодетальной русской или, скорее, всеславянской культуры»⁹¹. В результате русское общество оказалось расколотым, а взаимное непонимание разных слоев стало неизбежным. Необходимо восстановить единство русской народности, возбудить

---

⁹⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 29.

⁹¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 432.

в образованной половине русского общества эту народность. Такую задачу поставили перед собой славянофилы. Славянофилы пошли на сближение с народом; «они чувствуют, что лишь в общении со всем народом единый человек находит дополнение того, что безобразно или неясно выражается в его частной единичной жизни»⁹². И далее Бестужев-Рюмин разъясняет: «Мы воспитаны неправильно, и потому нам следует перевоспитаться. Вот главный смысл толков о почве и прочем. Вот почему славянофилы — теоретики, и их теории принадлежит будущность, и принадлежит именно потому, что теория, по самой своей сущности, требует сближения с народом, то есть изучения его, а изучение само поправляет те выводы, которые были неправильны, лишь бы только люди изучали добросовестно; добросовестность же славянофилов несомненна»⁹³. Сильную сторону любой теории, в том числе и исторической концепции, Бестужев-Рюмин видел в ее связи с действительностью, в переключке с современностью. Так, в начале своего разбора славянофильской доктрины он писал: «Заметим предварительно, что учение в его настоящем виде мы вовсе не считаем ни идеально-полным, ни идеально-верным; но думаем только, что никто еще ближе славянофилов не подходил к русской

---

⁹² Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 32.

⁹³ Там же. С. 32 — 33.

действительности, несмотря на то, что в их учении есть стороны, далеко не удовлетворяющие мыслящего человека нашего времени»⁹⁴.

Со своей же стороны русский историк подходил к славянофильскому учению достаточно избирательно и заимствовал лишь то, в чем видел положительный смысл. «На деле, — уточнял Е.Ф. Шмурло подход своего учителя, — “славянофильство” Бестужева нисколько не мешало ему признавать необходимость и пользу Петровской реформы. От Хомякова и Аксакова он берет не их нападки на Запад, а призывы к духовной самостоятельности, к внутренней самобытности и оригинальности»⁹⁵. С особой почитательностью и даже благоговением относился Бестужев-Рюмин к А.С. Хомякову, стихи которого он часто цитировал. Приводимые Е.Ф. Шмурло письма дают красноречивое представление о том значении, какое ученый отводил А.С. Хомякову в русской науке и культуре. Приведу две небольшие выдержки.

15 сентября 1883 г. Бестужев-Рюмин пишет письмо, в котором упоминает о И.С. Тургеневе, провозглашенном после смерти некоторыми своими почитателями «учителем». «Какой он учитель? Вот учитель — Хомяков, этот, по слову Самарина “отец

---

⁹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 682 — 683.

⁹⁵ *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 135.

церкви”; учитель — Достоевский, а остальные могут называться только в субъективном смысле, как я говорю: “мой учитель П.Н. Мельников”, а какой же он учитель?.. Хомяков же учитель в высшем и серьезном смысле этого слова»⁹⁶. Несколько резкое и хотя, возможно и допустимое в частном письме, противопоставление И.С. Тургеневу А.С. Хомякова и Ф.М. Достоевского объясняется взаимной личной неприязнью Бестужева-Рюмина и А.И. Тургенева. Они встречались несколько раз, впервые еще в пору обучения Бестужева-Рюмина в Московском университете у его родственницы графини Е.В. Сальяс (урожденной Сухово-Кобылиной). Уже тогда отношения Бестужева-Рюмина с А.И. Тургеневым не сложились. «Мы взаимно не нравились друг другу: Тургенев казался мне фатом, а я ему — сухим педантом», — писал историк в мемуарах⁹⁷. Через несколько месяцев в другом письме, посвященном уже историософским статьям В.С. Соловьева, Бестужев-Рюмин вновь возвращается к образу А.С. Хомякова. «Хомяков! — пишет он 26 января 1884 г. — Да знаете ли вы, что стыд и срам Русской земле, что до сих пор в Москве Собачья Площадка не зовется Хомяковской, и не стоит на ней его статуя. Хомяков! Да у нас в умственной сфере равны с ним только

---

⁹⁶ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 282.

⁹⁷ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 33.

Ломоносов и Пушкин!»⁹⁸ Во второй из статей о судьбах славянофильского учения, посвященной в основном разбору взглядов А.С. Хомякова, Бестужев-Рюмин отмечал оригинальность его идей. «Главная черта, отличавшая всю литературную деятельность Хомякова — своеобразие», — писал он⁹⁹. Мысли А.С. Хомякова имели в основном философско-богословскую направленность. В другой своей работе исследователь подчеркивал, что «Киреевский, хотя и мало спускается с философских высот, Хомяков тоже обращает преимущественное внимание на общую сторону вопроса»¹⁰⁰. При этом в своих построениях «он далеко не чужд парадокса»¹⁰¹, поэтому Бестужев-Рюмин говорит о сомнительности многих утверждений А.С. Хомякова. «Тем не менее, — замечает исследователь, — на пути к своим не всегда точным выводам он успевал сделать столько точных замечаний, привести столько неожиданных аналогий, что даже с ошибками своими приносит более пользы, чем иные ученые своими непогрешимыми истинами»¹⁰². Широта научных

---

⁹⁸ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 235.

⁹⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 33.

¹⁰⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 128.

¹⁰¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 33.

¹⁰² Там же. С. 33 — 34.

интересов А.С. Хомякова особенно импонирует Бестужеву-Рюмину, всегда считавшему бесплодной узкую специализацию в науке. Историк даже сравнивает А.С. Хомякова с Г.Т. Боклем. Но русский мыслитель оправдывает разнообразие поисков требованием цельного мировоззрения. «Стремясь к последовательности, — заключает Бестужев-Рюмин, — Хомяков, как и Киреевский, ставит цельность не только идеалом для жизни, но и главным требованием от философского мышления»¹⁰³.

Усматривая в исследовательских предпочтениях славянофилов определенную логику, Бестужев-Рюмин отмечал, что «всех отвлеченнее Киреевский, знавший преимущественно только православие и немогший освободиться от романтической точки зрения, соединенной с шеллинговой философией; Хомяков составляет переход к историко-бытовому воззрению Аксакова»¹⁰⁴. Среди всех славянофилов И.В. Киреевский был «теоретик по преимуществу». Но в этом кроется и основная слабость воззрений И.В. Киреевского, постоянно отдалявшегося от жизни: «Киреевский создавал свою философию, по германскому образцу; русскую жизнь и русскую историю он подводил под свой идеал. Несомненная заслуга его состоит в том, что он чувствовал в русской жизни какую-то особенность; но эту

---

¹⁰³ Там же. С. 43.

¹⁰⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 691.

особенность ему, теоретическому философу, не удалось уловить. Если мы посмотрим на него, как на писателя, мы будем поражены необыкновенною ясностью изложения предметов самых сложных»¹⁰⁵. Реальную ценность умозрительным построениям И.В. Киреевского придает то практическое применение их, которое было сделано его единомышленниками. Рассуждения А.С. Хомякова и К.С. Аксакова как бы дополняют философские схемы И.В. Киреевского, прилагая их к действительности. «Киреевский, — писал Бестужев-Рюмин во второй статье о славянофилах, — не покидал своей философской высоты, не вступал почти в полемику словом и пером, которой была посвящена вся жизнь Хомякова, вошедшего таким образом в мир подробностей, в самую жизнь; не отдавался той кропотливой добросовестной работе над летописями и актами, которая дала К. Аксакову возможность понять так многое в русской истории. Поэтому воззрения Киреевского являются нам более стройными, более целостными, более художественными; но, выигрывая в целостности, они теряют в практичности, и из-под них почва как бы ускользает, и только связь их с воззрениями других вождей школы притягивает их к почве»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Там же. С. 719.

¹⁰⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 30–31.

Спокойный тон статей не мешает историку ненавязчиво вплестать в свое изложение критику славянофильских воззрений. Больше всего поводов для критики как раз дает умозрительная концепция И.В. Киреевского, в частности, отстаиваемое им цельное мировоззрение и мистические экспликации его, подмеченные Бестужевым-Рюминым. Согласно историку, «и мистическое созерцание имеет свои громадные недостатки: оно нередко ставит поэзию на место философии и постоянно идет синтетическим, а не аналитическим путем, который, при всей своей оригинальности и конечности, не удовлетворяя, может быть, вполне настоящему, обещает великие результаты в будущем, не надо только принимать временные этапы философской мысли за нечто постоянное. Высшее же его значение состоит в его способности развиваться, тогда как “цельное созерцание”, “unmittelbares Wissen”, по существу своему не подлежит развитию. Впрочем, мы не имеем в виду философского обсуждения мыслей Киреевского, а только хотим познакомить с их ходом»¹⁰⁷.

В противоположность И.В. Киреевскому, взгляды К.С. Аксакова отличались конкретностью и фактологической основательностью. «Первая ее выгода в том уже, — писал Бестужев-Рюмин о теории К.С. Аксакова, — что она имеет опору в действительности, что ее отрицательно поддерживают многие

---

¹⁰⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 716.

факты и нерусской жизни. Сущность ее состоит в различии правды внутренней, от правды внешней, юридической, государственной. Правда внутренняя коренится в совести, основывается на сознании; правда внешняя держится договором, внешним законом. Представителем первой служит общество; представителем второй — государство»¹⁰⁸. Однако в разделении К.С. Аксаковым «Земства» и «Государства» Бестужев-Рюмин все же видит «непрактичность», т. е. излишнюю идеальность, удаленность от реалий жизни. «Критика славянофилов (Бестужев-Рюмин имеет в виду критику славянофилами исторической концепции своих противников. — А.М.), особенно г. Аксакова в статье “О древнем быте у славян вообще и у русских в частности”, очень хороша, но часть догматическая исполнена увлечений»¹⁰⁹. «Земство» и «Государство», о которых говорит К.С. Аксаков, суть теоретические конструкты или, по терминологии Бестужева-Рюмина, «начала», которые и могут быть признаны только как результат обобщения, а не наблюдения над жизнью. Обособление «Земства» и «Государства» возможно лишь с теоретической точки зрения. Жизнь сложнее теории, в ней эти начала переплетены, взаимодействуют друг с другом. Как писал критик, «совершенная свобода одного начала от другого

---

¹⁰⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя // Отечественные записки. 1862. № 5. Т. СХLII. С. 15.

¹⁰⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 97.

может существовать только в логическом отвлечении и то лишь для лучшего изучения предмета; в жизни же мы видим не начала, а явления; постигнуть же эти явления мы можем, когда узнаем сначала начала, а потом формулу соединения этих начал. Вот этой-то формулы не хотят знать славянофилы»¹¹⁰.

В своих статьях о славянофилах Бестужев-Рюмин не касался ни личности, ни учения Ю.Ф. Самарина, единственного здравствовавшего в то время представителя ранних славянофилов. Молчание Бестужева-Рюмина понятно: его статьи, несмотря на концептуальную и фактологическую обстоятельность, писались все же как рецензии на первые тома сочинений И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Учитывая подход Бестужева-Рюмина и тональность его статей можно предположить, что Ю.Ф. Самарин мог вызвать у критика только симпатию. Сам практический характер деятельности Ю.Ф. Самарина и конкретность его воззрений вполне соответствовали тому идеалу мыслителя, который рисовался Бестужеву-Рюмину. Спустя два с лишним десятилетия, когда Ю.Ф. Самарина уже не было в живых, Бестужев-Рюмин кратко коснулся его образа в одной из рецензий. В Ю.Ф. Самарине, писал историк, «изумительным образом соединился теоретик с практическим

---

¹¹⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя. С. 19–20.

деятелем, возбуждавшим в себе сочувствие и внимание от разных лиц»¹¹¹.

Бестужев-Рюмин далек от того, чтобы идеализировать славянофильское учение. Он подмечает незавершенность теоретических построений славянофилов, недоговоренность многих их положений. Поэтому историк признается, что «на торжество их учения в том виде, в каком они его излагают, и надеяться нельзя: ибо все, что они говорят — только намеки, нередко не совсем отделенные от разных исторических явлений»¹¹². Славянофилы, по-видимому, и не стремились к выработке законченного мировоззрения, к догматизации своей теории, а в основном полемически реагировали на «ситуацию». Критическая сторона славянофильской концепции явно преобладает над положительным изложением учения. «Мы убеждены, — признается Бестужев-Рюмин, — что философские попытки Киреевского и Хомякова не есть что-нибудь окончательное: на них слишком заметна печать «злобы дня»; они далеко не чужды поспешности, вызываемой тем, что являлось неотразимую потребностью и полемическим отношением к учениям уже существующим. Для своей цели они старались воспользоваться данными, очистив их всем

---

¹¹¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 128.

¹¹² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 56–57.

тем, что сделано западной наукой после отделения Запада от Востока»¹¹³. Впрочем, с годами Бестужев-Рюмин готов был примириться и со злободневностью в исторических и философских взглядах. Так, в популярном очерке «Чему учит русская история» он, снисходя к мировоззренческим слабостям Екатерины II, делал следующую оговорку: «...у каждого дня есть своя злоба и никому из людей не дано миновать ее вполне»¹¹⁴. Злободневность славянофильской философии, отмеченная Бестужевым-Рюминым, другой своей стороной прикреплает размышления славянофилов к действительности или «почве». «Правда их в том, — пишет историк, — что всякое учение крепко почвою, на которой оно стоит; правда и то, что отвлеченный разум приводит к таким крайностям, от которых страдают самые начала общества и нравственности; что только нормальное развитие духа есть спасение от этих крайностей; но состоит ли это нормальное развитие в принятии данной пережитой формы, или в вечном создании таких форм, в которых было бы не тесно ни уму, ни чувству? Вот вопрос, решением которого славянофилы слишком поторопились»¹¹⁵.

К другим недостаткам славянофильских воззрений Бестужев-Рюмин относил преувеличенное значение охранительных, консервативных элементов

---

¹¹³ Там же. С. 55–56.

¹¹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 23.

¹¹⁵ Там же. С. 57.

в истории и недооценку элементов, связанных с отказом от старых форм жизни, с приспособлением к изменяющимся условиям. Согласно ученому, «историческое развитие состоит вместе с хранением и в отрицании. Этой силы отрицания не понимают славянофилы и не дают надлежащего места в общем развитии»¹¹⁶. Аналогичное замечание, если можно так выразиться, историк делает Петру I, презревшему историческую традицию, что привело к худшим последствиям беспочвенного реформаторства.

Отдельно Бестужев-Рюмин подвергал критике взгляд славянофилов на религию, считая, в частности, неверным мнение о православии как основе народности. «Здесь мы никак не можем согласиться с их мнением, — пишет историк об отождествлении русского народа с народом православным, — православие как религия заимствованная, не может служить отличительным признаком народа»¹¹⁷. Более того, «привилегии на исключительную нравственность не имеет ни один народ», — добавляет он¹¹⁸. И тут же деликатно замечает, «что напрасно славянофилы слишком напирают на мирное принятие христианства»¹¹⁹.

---

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 684–685.

¹¹⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя. С. 4.

¹¹⁹ Там же.

Не согласные с точкой зрения славянофилов соображения Бестужев-Рюмин высказывал и о деятельности Петра I. Следует заметить, что историк не касался личности первого российского императора, а только оценивал его реформы и характеризовал заданное им направление исторического развития. «Мы даже не считаем возможным, — признался он, — прямое возвращение к началам Руси допетровской; мы думаем, что эти полтора столетия не даром прошли для России, что они создали новое положение и указали новые потребности»¹²⁰. Бестужев-Рюмин довольно критично оценивает петровские начинания, но сам процесс европеизации признает необходимым и полезным. «Мы охотно верим, — уточняет он, — что петровская реформа была во многих отношениях отклонением от правильного пути развития; но это отклонение началось не с Петра и не бесследно прошло для русского общества; мы даже думаем, что и не бесполезно; конечно, главная польза отрицательная: мы знаем, каким путем общество не должно идти, чего именно надо избегать. Но между плодами петровской реформы не все и горькие: европейское просвещение принесло нам гуманность, принесло опыт тысячелетней жизни, который служит лучшей опорой нашего собственного опыта»¹²¹. Петровские преобразования в определенном смысле были

---

¹²⁰ Там же. С. 12.

¹²¹ Там же. С. 13.

неизбежны. Приобщение к европейской цивилизации, научно-техническая модернизация России была исторически необходима. Если бы Россия не ответила на этот вызов истории, то могла бы и прекратить свое историческое существование. «Нам нужно было познакомиться с европейской наукой и воспитаться в ее школе. Но это было, так сказать, последствием Петровской реформы, а ее задача состояла не в том: Петру нужна была материальная цивилизация, за нею он отправился в Европу, ей посылал он учиться русских, ее он налагал нетерпеливо»¹²². Однако Петр I нарушил соотношение исторических сил, сложившееся в России, отдал предпочтение «отрицательной», реформационной стороне исторического процесса и пренебрег стабилизирующими, традиционными элементами общества. Поэтому и опыт петровской реформы был негативным, или, по слову Бестужева-Рюмина, «горьким». «В каждой исторической эпохе, — констатировал исследователь, — есть отрицательная сторона, относящаяся к прошлому, и положительная, обращенная к будущему. Дорого платит иногда общество за отрицание полное, но до сих пор еще не найдено средства избежать этого недостатка, особенно в эпохи с преобладающим преобразовательным характером. Конечно, наученные горькими опытами люди начинают

---

¹²² Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 108.

сознавать, что дело тем прочнее, чем лучше согласуется с существующими уже в обществе силами. Такого сознания не было в эпоху Петра, и жаль, что его не было»¹²³. Горечь петровских преобразований в том и состоит, что реформатор больше боролся с прошлым и искал сиюминутных выгод, чем думал о будущем России или хотя бы пытался представить перспективы ее исторического развития.

Справедливости ради стоит привести еще одну характеристику, данную Бестужевым-Рюминым преобразовательной деятельности Петра I в уже упоминавшейся статье «Чему учит русская история». «Образ царя, вечно “в работе пребывающего”, — писал историк, — честь и гордость русского народа, слава его перед всеми народами мира, и по праву рождения, и по праву гения; он видит ясно цель, угадывает людей, способных служить ей, отыскивает средства к ее достижению. Это не теоретик-идеалист, служащий идее, это величайший реалист. Практик, сын великого практического народа, он знает, что нужно времени, и бесплодно не тратит силы на недостижимое. Если что-нибудь из затеянного им и не привилось, то это, по большей части, что-нибудь второстепенное для его цели, и не исполнялось оно как-будто для того, чтобы показать, что и гениальные люди не всемогущи и не вездесущи»¹²⁴. Контраст в оценке очевиден.

---

¹²³ Там же. С. 131.

¹²⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 20.

Трудно признать данную Петру I характеристику произошедшим с годами изменениями во взглядах Бестужева-Рюмина, поскольку приведенные выше цитаты взяты из работ, написанных как до, так и после этой статьи. Чтобы не ломать голову о причинах столь апологетической оценки, отмечу лишь, что статья «Чему учит русская история» открывала первый номер популярного иллюстрированного исторического журнала «Древняя и новая Россия».

Из критикуемых Бестужевым-Рюминым положений славянофильской доктрины следует также назвать представление о чисто нравственном значении общества и о его единогласии с государством. Тем не менее, ученый никогда не отрицал значения нравственных убеждений в истории. только преследующий высокие нравственные цели народ способен занять достойное место в истории. Национальный эгоизм, конечно, часто более эффективен, чем нравственный поступок, он приносит скорые выгоды и материальные дивиденды. Однако все же не им измеряется и оценивается историческое значение народа. «Да, — наставлял Бестужев-Рюмин в письме свою слушательницу, — только нравственным началом и сильны народы, только им они завоевывают себе место во всемирной истории...»¹²⁵ Далеко не все положения славянофильского учения находят подтверждение в реальной жизни.

---

¹²⁵ Цит. по: К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 22.

Славянофилы во многих аспектах своего учения «вдались в идеализацию»¹²⁶, т. е. остались только теоретиками.

Однако Бестужев-Рюмин не взялся бы за обзор славянофильской концепции, если бы видел в ней одни недостатки. Славянофильство в целом оценивается им как положительное направление, черпающее содержание своего учения из многообразия народной жизни, из почвы, настаивающее на необходимости самостоятельного развития. Во все не случайно увлечение славянофильством сочеталось у Бестужева-Рюмина с историографическими исследованиями и исторической критикой. Критика — необходимое условие формирования самостоятельного мышления. В пору Бестужева-Рюмина именно славянофилы ставили задачу выработки самобытного любомудрия, чему как нельзя лучше способствовало представление об истории как науке самопознания. Собственно говоря, славянофилы провозгласили принцип самостоятельности. Таково, прежде всего, мышление. Затянувшееся ученичество приводит к рабству, в начале духовному, а затем и более ощутительному. Историография дает не только знание сложившихся в науке концепций, но и приучает смотреть на них критически, а, значит, в конце концов, и мыслить самостоятельно. «Рабство, — писал Бестужев-Рюмин

---

¹²⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя. С. 22.

о неумеренных заимствованиях, да и вообще о теоретической зависимости, — всегда возможно при отсутствии самостоятельного философского взгляда, при отсутствии критического отношения к теориям и фактам»¹²⁷.

Статьи Бестужева-Рюмина о славянофилах — по жанру рецензия, а по существу — попытка если и не систематического, то последовательного изложения их взглядов, концептуализация славянофильского учения, сопровождаемая в общем-то доброжелательной критикой. Надо заметить, что критика Бестужева-Рюмина всегда выходила доброжелательной, т. е. понимающей. Он никогда не стремился унижить или высмеять рассматриваемую книгу или теорию. Это относится не только к славянофилам, но и ко всем, о ком писал историк. Понимающее отношение требовало уважения к рецензируемым текстам. Отсюда обилие больших цитат, приводимых Бестужевым-Рюминым, стремление высказать мысль словами самого автора, а уже затем дать комментарий и критику. Отсюда же и разрастание объема бестужевских рецензий, часто превращавшихся в целые историографические исследования. Некоторые его рецензии и обзоры воспринимались как микромонографии. Такова, например, знаменитая статья в «Московском обозрении» «Современное состояние русской истории

---

¹²⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 138.

как науки». Невозможно не упомянуть и о благородном тоне журналистских статей Бестужева-Рюмина, резко отличавшихся от фельетонизма радикальной публицистики. Уважительное и вдумчивое отношение критика к чужому мнению находило созвучие в славянофильском требовании права на самостоятельное развитие и свободу слова. «Главная и основная их заслуга в том, — писал историк о «московском направлении», — что они отстаивали права жизни от всякой регламентации, права народа на своеобразное развитие; они первые у нас заговорили о том, что каждый народ имеет право по-своему развивать и учреждения и даже науку»¹²⁸. Вместе с вольным самоопределением народа славянофилы провозглашают и вольное выражение мыслей, отстаивают свободу слова. В области философии славянофилы развивают идею «цельного знания», опорой которого служит «цельная личность». Бестужев-Рюмин по существу соглашается со славянофильским пониманием личности как формируемой обществом сущности. Для результативности познания, полагают славянофилы, необходимо сосредоточить в одно направление и ум, и волю, и чувства. «Цельность созерцания и истекающая из нее целостность разумения суть, по нашему мнению, отличительные черты каждого учения, которое имеет практическую почву и может принести какой-либо

---

¹²⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя. С. 22.

плод... философская мысль, созданная одним холодным разумом, также бесплодна, как и наивное, лишенное света разума представление», — пояснял Бестужев-Рюмин¹²⁹. Особенную силу и живучесть убеждениям славянофилов придают любовь и вера, с которой они высказываются. Славянофилы действительно верят в то, о чем говорят. В отличие от своих оппонентов, прежде всего от «прогрессистов», славянофилы «в теории признают именно то, что отрицается так упорно другими теориями», поэтому, настаивает Бестужев-Рюмин, «славянофилам принадлежит будущность»¹³⁰. «Будущее принадлежит не теоретикам — будущее принадлежит “космической силе”, а мы все работники на нее», — заключает он¹³¹.

Славянофильские убеждения Бестужева-Рюмина складывались постепенно. Их отзвуки можно обнаружить даже в далеко не славянофильской атмосфере Московского университета 1840-х гг. Так из лекций М.Н. Каткова по истории философии, посвященных системе мифологии Шеллинга, Бестужев-Рюмин воспринял историософскую идею исторической роли религии, предопределяющей как историческую физиономию народа, так и направление самого всемирно-исторического процесса.

---

¹²⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая. С. 31.

¹³⁰ Там же. С. 30.

¹³¹ Там же.

«Из этих лекций, — писал он в очерке о С.В. Ешевском, — вынесли мы сознание исторического значения религиозного процесса, его влияния на судьбу и развитие человечества, его первостепенной важности исторической. Здесь преимущественно научились мы понимать, как стройно все связано в поступательном движении; от системы можно отказаться, можно понимать так или иначе это движение; но отрицать его уже нельзя»¹³². Шеллингианство, вероятно, наиболее усвоенная Бестужевым-Рюминым философская система, по крайней мере, наиболее ему знакомая. В мемуарах он указывал на еще один источник приобщения к идеям немецкого мыслителя — записи П.Н. Кудрявцева. «Тогда же, — вспоминал Бестужев-Рюмин о студенческих годах, — по запискам Кудрявцева, слушавшего Шеллинга в Берлине, познакомился я со старою философией Шеллинга; “Систему трансцендентального идеализма» читал я на Выксе”¹³³. Знакомство, правда, не переросло в увлечение, но, возможно, подготовило почву для позднейшего принятия славянофильской философии, так же во многом исходившей из шеллингианства. Вторая половина 1840-х гг. стала для Бестужева-Рюмина и временем религиозных сомнений, вызванных, отчасти, чтением Ж. Санд. В эти же

---

¹³² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 251.

¹³³ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 32.

годы он, пожалуй, наиболее открыто высказал свои религиозные настроения. «Религиозное чувство, — писал историк в “Воспоминаниях”, — сказалось в моей статье о Гоголе и даже в сочинении на вступительном экзамене, где толковалось о православии, как стихии русской жизни. Разговоры товарищей отвлекли меня от чистой детской веры, но нового ничего не дали: материалистом я не сделался, но долго (до 60-х годов) оставался беспочвенным идеалистом»¹³⁴. В последующие годы свои религиозные взгляды Бестужев-Рюмин уже редко выражал столь прямо, маскируя их в лучшем случае за, казалось бы, конфессионально индифферентным фасадом своих научных работ. Другое дело письма; они дают несравнимо больше иллюстраций его религиозных переживаний, которые, правда, подстраиваясь под диктуемый логосом порядок, не лишены рефлексивного момента. Отголоски московских споров 1840-х гг. звучат и в поздних рассуждениях о соотношении философии и веры. Понимая под философией способ рационального постижения мира, он писал своему адресату в октябре 1882 г.: «Вы напрасно думаете, что единственный путь к вере есть философия: едва ли это так. Философия может и должна привести к идеализму, ибо только идеализм есть настоящая философия. Материализм и спиритизм слишком односторонни, а позитивизм — совсем не философия;

---

¹³⁴ Там же. С. 22.

но и от идеализма до веры еще далеко. Вспомните, что и Ренан идеалист. Конечно, есть природы, которые доходят до веры разумом, признав непрочность всех других начал, кроме Бога; но это только начало религиозного процесса, совершавшегося в душе, и притом весьма исключительное. Большинство же или сохраняет наивную веру детства, или возвращается к вере через чувство. Философия необходима, как ограждение от односторонности учений, как орудие против материализма и позитивизма, но она может быть опасна, когда, не дойдя до конца рассуждения, ум успокаивается на промежуточных ступенях и скептически относится к тому, что еще не понял»¹³⁵. Наставлением о необходимости веры для жизни и знания Бестужев-Рюмин напутствовал первый выпуск Высших женских курсов. А в письме к одной из слушательниц прямо сопоставлял веру с ходом исторического процесса: «Я глубоко убежден в том, что без веры ничего в мире не совершается благого, и в том, что горе постигает то общество, от которого Бог в гневе отводит свою охраняющую десницу»¹³⁶.

Религиозное начало Бестужев-Рюмин считал доминирующим моментом славянской идеи. Внимание к славянству для него было не только данью

---

¹³⁵ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 287.

¹³⁶ Цит. по: К.Н. Бестужев-Рюмин (из воспоминаний бывшей слушательницы). С. 21.

изменчивой политической ситуации и общественных настроений, но и осознанием потребностей исторической науки. «Только теперь, — писал он в статье, посвященной двадцатипятилетию «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, — является возможность ввести историю славянского племени вообще, и русского в особенности, во всеобщую историю»¹³⁷. Намеренно или нет, но в своих научных работах Бестужев-Рюмин отдельно не высказывался по проблемам славянства. Напротив, в беседах и публичных выступлениях он часто затрагивал эту тему. Да и его многолетняя работа в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе — лучшее подтверждение устойчивого интереса к славянству. Другое дело, что историческим и теоретическим разработкам в этой области он предпочитал практическую заботу и просвещение. Протоколы Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества сохранили речь Бестужева-Рюмина, в ту пору его председателя, «Славянская идея и задачи, которые должно преследовать славянское общество», произнесенную на заседании общества 11 мая 1878 г. Существо славянской идеи, утверждал историк, заключено в православии. Протокол передает эту мысль выступающего следующим образом: «Я не вдруг пришел к этому заключению, заметил

---

¹³⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 681.

он. Как человеку воспитанному по-Европейски, мне долго приходилось бороться с собою, пока я убедился, что основа нашей истории — в православии. Православие, как понимает его наш народ, это отсутствие духовного единовластительства, полная веротерпимость, соединенная с уважением к чужой вере. Как такое, православие не только не могло служить к разобщению между отдельными Славянскими племенами, но даже облегчает их объединение. Характер нашего православия состоит в полной гармонии с другими основами Русской истории. Эти основы в области политической жизни — бессословность, в области хозяйственной — общинность, и, главным образом, общинное землевладение»¹³⁸. В терпимости православия Бестужев-Рюмин видит залог объединения славян, а в славянском единстве — смысл славянской идеи. Православие в сочетании с бессословностью и общинностью он привечает как основы русской жизни и русской истории, которые наиболее резко проявились в XVI в., а уже от особенностей русской истории заключает о славянской идее в целом: «Эти-то начала составляют сущность и содержание Славянской идеи».¹³⁹ В другой своей речи

---

¹³⁸ Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве). По протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868–1883 гг. СПб., 1883. С. 475.

¹³⁹ Там же.

«По поводу чествования памяти св. Кирилла и Мефодия», произнесенной в заседании того же общества 11 мая 1881 г., он вновь говорил об определяющем значении религии для русского народа. Согласно историцистским убеждениям Бестужева-Рюмина, только исходя из мировоззрения, сформированного на основе православного вероучения можно адекватно понять русскую историю, особенно, средневековую. В православии сосредоточены идеалы и ценности, которые реализуются в исторической жизни русского народа. «Я согласен с Вами, — писал об этом Бестужев-Рюмин С.Д. Шереметьеву, — что не следует судить по нашей мерке, но все-таки остается мерка того времени (Смутного времени. — А.М.): мерка эта — православие»¹⁴⁰. Бестужев-Рюмин по существу понимал русский народ как народ православный, за что сам в 1860-е гг. упрекал славянофилов. Славянофилы впервые прямо соединили славянскую идею с православной и дали им универалистское истолкование. «Главная задача славянофилов — указать мировое значение и Славянского племени, и православной церкви, которой это племя (в преобладающей своей части) является главным представителем», — отмечал Бестужев-Рюмин в рецензии на книгу М.О. Кояловича¹⁴¹. Особо важным он считал принятие славянами

---

¹⁴⁰ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 9.

¹⁴¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 127.

христианской веры на родном языке. «Благодаря этой то доступности православной веры в Русском народе так много христианских начал», — констатировал историк¹⁴². Принятие христианства и просвещения на родном языке Бестужев-Рюмин считал преимуществом связи славян с Византией, а не с католическим Западом. Поясняя свою мысль, он писал, что «слово могущественное орудие; называя своим старым словом новое чужое понятие, народ тем самым придает этому чужому понятию свой народный оттенок»¹⁴³.

В преобладании религиозного начала в русской жизни, в единстве русского народа и церкви Бестужев-Рюмин усматривал как силу русского народа, так и его историческую перспективу. О нарушении соотношения исторических сил в России писал еще К.С. Аксаков, выводивший в качестве таких сил Земство и Государство. Бестужев-Рюмин усиливает этот дисбаланс, указывая на разрыв между церковью и народом. В России, вопреки исторической потребности, сложилось единство государства и церкви, а не народа и церкви. «Можно стоять на высоте науки, — развивал свою мысль историк, — но черпать нравственные начала из религии, отрывая от которой народ не следует. В народе сохранилось много начал, которые

---

¹⁴² Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. С. 685.

¹⁴³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 8.

мы понимаем неясно, потому что поддаемся отвлеченности. Россия должна быть Русскою и непременно будет Русскою. Нам надо стараться возратить существовавшую в древней России связь между церковью и народом»¹⁴⁴. Но Бестужев-Рюмин не ограничивался констатацией такого разрыва, он говорил о предчувствии новой исторической эпохи. От того, в каком отношении стоит православная церковь и русский народ, во многом будет зависеть духовный облик этой новой эпохи. «Мир славянский сохранил в себе зерно будущего»¹⁴⁵. Историк отмечает и признаки ожидаемого обновления человечества: отживающий рационализм и тоска по Богу. «Обновление это должно идти от православия и, следовательно, от Русского народа», — провозглашает он¹⁴⁶.

Трудно сказать, когда наступит новая историческая эпоха, но, по крайней мере, можно указать на новый этап русской истории, который, как полагает Бестужев-Рюмин, начинается в его время. Это славянский этап русской истории, или «славянское дело», реальность которого подтверждается борьбой южных славян за свое освобождение и деятельной помощью им со стороны России,

---

¹⁴⁴ Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. С. 685.

¹⁴⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 21.

¹⁴⁶ Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. С. 685.

укрепляющей свое ведущее положение в славянском мире. Ощущением этого нового этапа проникнута статья «Чему учит русская история». Свою точку зрения историк выражал в образной форме: «Заря новой исторической эры занимается, пред-рассветный туман еще покрывает землю; работники выходят в поле, до полдня далеко; ждут их, быть может, и грозы, и дожди, а быть может, и град, но мы верим, что как грозы минувшего не только не повредили русской земли, но еще послужили ей в пользу, так и в будущем после каждой грозы славянство будет вставать еще могущественнее и сильнее»¹⁴⁷. Рассуждая о будущем русского народа, предчувствуя грядущее величие славянства, Бестужев-Рюмин покидает устойчивую почву истории и невольно поддается провиденциалистским настроениям. В результате русская история выстраивается у него на тех же принципах исторического фатализма, который ранее он столь темпераментно критиковал. Продолжая свои рассуждения о новом историческом этапе, он пишет, что «в том, что совершается на наших глазах, мы видим не дело рук человеческих, не результат чьей-нибудь агитации, а проявление глубокого, хотя еще и недостигшего полного самосознания чувства, чувства, которое сильно по самой своей инстинктивности, ибо только инстинктивное чувство способно творить великие дела; оно есть признак непечатых сил,

---

¹⁴⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 5.

откровение того, что дотоле таилось; рефлексия же в значительной степени ослабляет деятельность инстинкта: уму человеческому не дано обнять во всей полноте того, что заключено в глубине человеческого духа; он судит только по проявившемуся; оттого суд его односторонен, приговор его может быть лишь приблизительно верен»¹⁴⁸.

В большинстве работ Бестужева-Рюмина звучит предостережение от односторонности и моноличности в науке. Еще в пору обучения в Московском университете его «мысль привыкала к работе, смотрела с разных сторон на одно и то же явление, и вырабатывалось убеждение в том, что только разностороннее воззрение может привести к истине»¹⁴⁹. Созвучие своим настроениям, а в какой-то степени их воплощение, историк встретил в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» — этой, по его словам, «замечательнейшей из всех русских книг последнего времени, а может быть, даже и не одного последнего»¹⁵⁰. В некрологе Н.Н. Страхова Бестужев-Рюмин утверждал, что «Россия и Европа» должна стать «настолюною книгою всякого русского человека»¹⁵¹.

---

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 252.

¹⁵⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 461.

¹⁵¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Н.Н. Страхов [Некролог] // Журнал министерства народного просвещения. 1896. № 2. С. 117.

Бестужев-Рюмин отдает отчет, что мысли, изложенные Н.Я. Данилевским, высказывались и другими авторами (Вико, Рюккерт, Фриман), но только Н.Я. Данилевский развил их «полно, обстоятельно и широко»¹⁵². Да и сам ученый ранее неоднократно высказывал схожие убеждения. Так в 1859 г. в обстоятельном историографическом обзоре «Современное состояние русской истории как науки», посвященном разбору первых восьми томов «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, он рассуждал о народе «как о живом развивающемся организме»¹⁵³, а имея в виду специфику периодизации истории вполне в духе биологизма «естественной системы истории» Н.Я. Данилевского, отмечал, что «периоды суть органические ступени развития и более ничего»¹⁵⁴. Рассматривая в той же статье «отличительные черты русской истории», Бестужев-Рюмин указывал на «невоинственный, а мирный» характер русской колонизации¹⁵⁵. Во вступительной лекции в курс русской истории, с которого началась преподавательская деятельность Бестужева-Рюмина в Санкт-Петербургском университете, он приходил к мысли о непередаваемости начал

---

¹⁵² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 462.

¹⁵³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 1.

¹⁵⁴ Там же. С. 60.

¹⁵⁵ Там же. С. 122.

исторической жизни, в частности о непрочности пересаженных учреждений, и о необходимости терпимо относиться к различным формам и направлениям исторического развития, воспринимать в них не только дурное, но и хорошее¹⁵⁶. В рецензии на книгу М.О. Кояловича «История русского самосознания» Бестужев-Рюмин высказывался еще более определенно. Заимствования неизбежны на ранних этапах общественной жизни, так сказать, в пору юности исторического организма. Он писал, что «умственная жизнь каждого молодого народа находится во внешней зависимости от жизни народов, которые старше его образованием; от них берет он в свои учебные годы внешние приемы, как ученик берет их от учителя»¹⁵⁷. Однако постепенное взросление народа, формирование его исторической индивидуальности делает менее необходимым дальнейшие культурные дотации. Признаком исторически состоявшегося народа является «почва» как своеобразная упругая эйдетическая среда, противостоящая прививкам иных смыслов. Крепость почвы, плотность смыслового слоя — показатель культурного здоровья народа и его исторической зрелости. Определенные дозы заимствований, конечно, необходимы, но лишь в качестве средства

---

¹⁵⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 245–246.

¹⁵⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 105.

поддержания сопротивляемости исторического организма. Как сказал бы Н.С. Трубецкой, между собственными, автохтонными ценностями и заимствованными происходит «борьба за признание», и успех ее, добавим за Бестужева-Рюмина, зависит от ценностного иммунитета народа, от ассимилирующих возможностей почвы. По словам Бестужева-Рюмина, «но воззрений вполне пересадить нельзя: их перерабатывает почва. Если даже в известную эпоху какое-либо очень сильное логически или своею видимою ясностью и согласием со страстями человеческими нравящееся чужое воззрение и торжествует, то в живом организме оно должно встретить отпор; самое многообразие нахлынувших воззрений представляет известное обеспечение от односторонности. Борьба воззрений бывает иногда продолжительна и может получить болезненный характер; но кому болезнь к смерти, а кому к росту»¹⁵⁸. Вторя этому утверждению, Бестужев-Рюмин полагал, что «народы исторические умеют постепенно отделяться от язв и зол, оставляемых предшествовавшими эпохами и составляющими необходимую принадлежность всякого развития»¹⁵⁹. Признаком исторического народа — выработка самобытной культуры. Отсюда и главная задача, стоящая перед русским народом — интенсификация самостоятельного культурного творчества, а задача

---

¹⁵⁸ Там же. С. 107.

¹⁵⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 24.

русской историографии — акцентация культурного элемента в историческом процессе. Попыткой рассмотреть русскую историю с культурной стороны и стала «Русская история» Бестужева-Рюмина. «Русской земле, — истолковывал он взгляды Н.Я. Данилевского, — подлежала и подлежит громадная и трудная задача: сознать основы своего бытия, отделив их от всей своей многовековой истории, и на них воздвигнуть новое здание своей цивилизации»¹⁶⁰. Но активная культурная деятельность не означает самоизоляцию. Знакомство с иными культурами, обучение у других народов помогают осознать цивилизационные основы собственной жизни. Однако необходимо, чтобы период ученичества не затягивался слишком долго. «Каждый великий исторический мир, — констатировал историк, — приносит с собою свое животворящее начало и им растет и движется. Учиться у других должно...»¹⁶¹ Еще один пункт, разделяемый Бестужевым-Рюминым вместе с Н.Я. Данилевским, — отношение народности и государства. «Итак, говорим мы, охрана народности — цель государства», — писал он в одном из критических разборов концепции С.М. Соловьева¹⁶². Основа единогласия в данном

---

¹⁶⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов. С. 433.

¹⁶¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 7.

¹⁶² Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 9.

вопросе — учение славянофилов. Главной и более всего плодотворной мыслью Н.Я. Данилевского Бестужев-Рюмин считал представление о прогрессе в истории как о многонаправленном движении.

Рассматривая основные событийно-смысловые моменты русской истории, Бестужев-Рюмин не мог обойти стороной вопрос о взаимоотношениях России и славянства с Западом. И здесь он признавал вслед за Н.Я. Данилевским принципиальные культурные расхождения этих двух исторических деятелей. Базовые принципы западной жизни в интерпретации историка — сила, авторитет, личность. Но в этих основах кроется и главное противоречие западноевропейской истории, изъясняемое как борьба между личной свободой и принуждающим авторитетом власти. Излагая свои представления, Бестужев-Рюмин писал, что «сила внешняя есть начало и конец для мира романо-германского, наследника Рима, воспитанного двойными преданиями авторитета, цезарским и папским; авторитету Запад может противопоставить только личность и в гражданской и в духовной сфере (личное землевладение, сословные корпорации и протестантизм и т. д.). Вопрос о примирении свободы с авторитетом не разрешим на почве западной»¹⁶³. Безболезненно принять общество, сложившееся на принципах силы и авторитета, славянство не может. Там же, где это произошло, и произошло, как правило,

---

¹⁶³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 21.

посредством насилия, славянство утратило изначальные черты. «Принятие славянами идеалов романо-германских, — полагал Бестужев-Рюмин, — вело только ко вреду славянству... Основы западного мира положительно противоположны основам славянским»¹⁶⁴. Исторические судьбы западных славян были искажены влиянием германства и католичества.

Критика и неприятие исторических основ западного мира, однако, не предполагает отказ от принципа личности, точно так же как и особенности национальной культуры не исключают единство общечеловеческого культурного развития. В истории, таким образом, мы видим взаимодействие этих трех элементов. Поясняя свою мысль, Бестужев-Рюмин писал, что «общечеловеческое, народное и личное — три составные элемента всякой истории. Взаимодействие этих трех элементов, во всей их полноте, нам еще неведомой, а не какой-то высший закон, как бы он ни назывался, управляет историей»¹⁶⁵.

Помимо идеи многонаправленности прогресса в истории русский ученый ценит в Н.Я. Данилевском то, что «в науку историческую он вносит метод и объективность естествознания»¹⁶⁶. Сам

---

¹⁶⁴ Там же. С. 7.

¹⁶⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 5.

¹⁶⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 435.

стремясь обосновать и утвердить историю как науку и по-позитивистски видя путь к этому в сближении истории с другими науками — и прежде всего — с естественными, Бестужев-Рюмин остерегается от увлечения произвольными обобщениями, ведь обобщение — всего лишь «удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов»¹⁶⁷. Обобщение должно быть следствием индуктивной обработки фактов, и только. «Конечно, — пишет он, — чем большее число фактов разнородных принято во внимание при обобщении, чем строже обобщающая мысль держалась выводов, прямо из нее истекающих, тем более способствует оно дальнейшему движению науки, ибо возможность и необходимость этого движения не должна ни на минуту быть упускаема из виду, под страхом счесть неполную и относительную истину за полную и абсолютную, Немцев — за все человечество, цивилизацию XIX в. — за нормальную цивилизацию»¹⁶⁸. Именно такой фактографически обоснованный подход к истории Бестужев-Рюмин видит в книге Н.Я. Данилевского.

Увлечение идеями Н.Я. Данилевского сочетается у него с чисто позитивистской критикой абсолютных форм знания. Претензия на единственность общечеловеческой цивилизации, облеченной

---

¹⁶⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 5.

¹⁶⁸ Там же.

в исторически и культурно конкретную форму, воспринимается Бестужевым-Рюминым как претензия на абсолютность одной определенной культуры, в данном случае, романо-германской. Но ни в исторической науке, ни в жизни нет ничего абсолютно-го. «Абсолютные мерки, как и абсолютные истины, давно пора сдать в архив», — предлагает историк¹⁶⁹. Лидерство или господство одного народа, одной культуры, как показывает история, временно, универсальность цивилизационных стандартов относительна, исторически ограничена в своей эффективности. «Так, строго говоря, — подчеркивал он, — нет ни одной теории, которая могла бы объявить себя окончательно торжествующей... приговор, произнесенный историей, можно считать окончательным только в известное время, никак не далее»¹⁷⁰. Субъективизм не устраним из взгляда на историю. И Бестужев-Рюмин специально выделяет особый вид истории — историю субъективную. Субъективизм может быть как личным, так и коллективным, но он неизбежен. Борющийся с сущностями позитивизм здесь находит неожиданного союзника в консервативной идее, высказанной в России еще П.Я. Чаадаевым и подхваченной славянофилами, что все в человеческом сознании

---

¹⁶⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 17.

¹⁷⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 3.

вырастает общественно. Коллективистские истоки индивидуального сознания не позволяют возобладать абсолютной объективности во взгляде на мир и в его познании. «Полной объективности, — признавал Бестужев-Рюмин, — нельзя достигнуть человеку по ограниченности его природы: каждый смотрит на мир под влиянием семьи и школы, в которых он вырос, книг, которые он читал, общества, в котором он жил. Из всех этих стихий, создается мирозерцание каждого и приводится в больший или меньший порядок, смотря по темпераменту, степени ума и даровитости самого человека. Этот порядок умственный и образует умственную личность»¹⁷¹.

Симпатией к идеям Н.Я. Данилевского проникнуты рассуждения Бестужева-Рюмина о том, что историческая жизнь разных народов как бы дополняет одна другую, проявляясь в различных национальных историях разными сторонами. Не согласен он и с делением народов на исторические и неисторические, предложенным «учителями нашими Немцами»¹⁷². В том же ключе формулирует он и идею всеобщей истории: «Всеобщая история только тогда станет в полном смысле всеобщей, когда она будет обнимать все народы, не пренебрегая и теми, которые почему-либо не успели

---

¹⁷¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 96–97.

¹⁷² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 3.

развиться»¹⁷³. Отсюда понятен и его вывод: «Принять мысль г. Данилевского значит отказаться от великой неправды, совершаемой так давно уже просвещенными народами»¹⁷⁴.

Более того, Н.Я. Данилевский теснее всего приближается к тому идеалу ученого-историка, который рисуется Бестужеву-Рюмину. Ратуя за сближение истории с жизнью и понимая под последней, с одной стороны, совокупность реальных фактов, а с другой, — идеалы и нужды настоящего, он и в историке хочет видеть практического деятеля, сторонящегося неоправданных отвлеченных философских обобщений. Сочетание практицизма, преследующего не праздное любопытство, а пользу, при широте взгляда на вещи может послужить плодотворной основой научного исторического труда. Отчасти такой идеал историка уже реализовался в В.Н. Татищеве. «Он был историком только между делом», — отмечал Бестужев-Рюмин¹⁷⁵, намекая на активную государственную деятельность В.Н. Татищева. То, что с точки зрения кабинетного ученого можно было бы признать недостатком, исследователь выставляет в качестве достоинства. Как пишет Бестужев-Рюмин, «для нас... нельзя не признать счастливым того обстоятельства, что первым

---

¹⁷³ Там же. С. 2.

¹⁷⁴ Там же. С. 4.

¹⁷⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 178.

русским историком был практический, много видевший и в высшей степени обладающий даром наблюдательности человек. В вопросах чистой учености он принадлежит своему времени, но шириной постановки дела и практическим ограничением себя возможными пределами он обязан своей широкой практической деятельностью»¹⁷⁶. Практицизм истории в XVIII в. понимался достаточно буквально: история должна приносить пользу прежде всего государству, например, обосновывая неизбежность его величия и случайность неудач, а затем и индивидуально, служа подспорьем в видах самопознания или поставляя примеры для нравоучительных сентенций. В XIX в. практицизм принимает уже иной оттенок: он указывает на привязку науки к жизни, к чувственной реальности. Поэтому практицизм в итоге приводит уже не к моральным заключениям, а к установленным фактам. Реальность — то, на чем факт устанавливаем. Приближение к идеалу историка-практика, а не кабинетного ученого, посветившего себя в жизни конкретным (пусть даже и не историческим) занятиям, практическим делам, позволяющим избежать голословных утверждений, и оперирующего с точностью естествоиспытателя лишь фактами и при этом сочетающего широту знаний с глубиной взгляда, собирающего эти факты в стройное единство концепции, в свое время Бестужев-Рюмин видел именно в Н.Я. Данилевском.

---

¹⁷⁶ Там же. С. 9.

И. Вестуневъ-Рюминъ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Санктъ-Петербургъ

Типографъ А. Граншевъ, Стрелнинная ул., д. 8956

1885.

Практицизм Н.Я. Данилевского сказался и в его интересе к политическим событиям. Работы Н.Я. Данилевского наполнены большим количеством не только исторических, но и политических сведений. Собственно говоря, политический факт отличается от исторического только временной модальностью и доступностью опыту. Впрочем, возможность наблюдать политические события не делает их более известными, а уж тем паче более понятными. В смысловом отношении исторические и политические факты вполне сопоставимы. Полностью идентична задача, стоящая и перед историей и перед политикой: формирование национального сознания. Политика добивается этого через отстаивание национальных интересов, история — посредством знания прошлого и воспитания на его основе живущих поколений. Все это объясняет наличие в творчестве Н.Я. Данилевского политической публицистики, собранной Н.Н. Страховым и выпущенной в виде сборника статей уже после смерти автора. «Внешняя политика страны, — писал Бестужев-Рюмин в рецензии на этот сборник, — взгляды на нее общества — интерес первостепенный. Чем национальнее внешняя политика, чем глубже национальные чувства в народе, тем страна здоровее и сильнее. Развитие национальной политики было одной из главных задач славянофилов, одной из главных задач Данилевского»¹⁷⁷. В отличие

---

¹⁷⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Книга Н.Я. Данилевского. Сборник экономических и политических статей. С. 263.

от истории, политика не обращается к прошлому, но и не замыкается в сиюминутных интересах и тяготах настоящего. Подлинная национальная политика — это чаяние о будущем. В жанровом отношении наилучшим отражением политики является публицистика. Публицистика по определению — реакция на злобу дня. Излишней злободневностью грешили в своих теоретических построениях и славянофилы. Есть она и у Н.Я. Данилевского. Но теперь эту злободневность Бестужев-Рюмин понимает и оправдывает, поскольку она вызвана заботой о будущем русского народа. В этом смысле славянофилы и Н.Я. Данилевский не ретрограды, а, скорее, футурологи. Знание и любование прошлым для них не самоцель; они исходят из любви и уважения к русскому народу в его настоящем положении; изучают его прошлое и настоящее ради его будущего. «Вот почему, — полагал Бестужев-Рюмин, — отрезвление взглядов общества на внешние отношения, указание исторических задач, пробуждение веры в себя и в ожидаемое будущее — дело важное. Этим важным делом занялся Данилевский в своих политических статьях, писанных с глубокою верою в русский народ и с тою логической последовательностью, которою отличаются все сочинения Данилевского»¹⁷⁸.

Однако в русской науке Н.Я. Данилевский не одинок. Он — продолжатель дела славянофилов — этих,

---

¹⁷⁸ Там же. С. 263–264.

по словам Бестужева-Рюмина, «первых носителей настоящего русского сознания». От хаоса соображений, разброда недоговоренных мыслей, тумана предчувствий и намеков ранних славянофилов Н.Я. Данилевский приходит к систематическому построению славянофильских воззрений. Его относят к поздним славянофилам, как бы намекая на несвоевременность, запоздалость его мыслей, но у славянофилов не было догмы, не было канонизированных формул, а лишь общее направление взглядов, не взглядов даже, а настроений. Поэтому Н.Я. Данилевский не мог опоздать. Более того, появление славянофильских идей и их последовательное изложение — закономерный и ожидаемый итог русского исторического развития. Здесь Бестужев-Рюмин обращается уже к мысли С.М. Соловьева о переходе русской истории в эпоху Петра I из периода чувства в период мысли, т. е. «от цельного инстинктивного творчества... к сомнениям, проверке, критике»¹⁷⁹. Следующий этап — критика чужого — «едва начинается на нашей памяти»¹⁸⁰ и труд Н.Я. Данилевского принадлежит уже этому новому этапу.

Признание и одобрение концепции Н.Я. Данилевского, высказанные Бестужевым-Рюминым, пришлось кстати, поскольку распространение

---

¹⁷⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 432.

¹⁸⁰ Там же.

взглядов Н.Я. Данилевского в русском обществе шло тяжело. Более того, академическая наука прохладно, а порой и откровенно враждебно, восприняла учение Н.Я. Данилевского. Бестужев-Рюмин оказался одним из первых академических мыслителей, безоговорочно вставших на сторону Н.Я. Данилевского. «Поддержка выдающегося русского историка, возглавлявшего кафедру русской истории в столичном университете, — пишет Б.П. Балувев, — была очень важна для Н.Я. Данилевского и его книги... Он не устал повторять всей читающей России: перед нами русский гений, его книга — открытие в философии истории, его особая позиция по вопросу о судьбе России — бесценный гражданский поступок, его проповедь целей и задач русского народа, всего славянского мира спасительна для России и для всего славянства.

Этот голос имел очень важное значение еще и потому, что он прозвучал в тот момент, когда началась жестокая бескомпромиссная полемика по книге Н.Я. Данилевского между двумя весьма авторитетными в 80-х годах представителями русской общественной мысли В.С. Соловьевым и литературным критиком и философом-публицистом Н.Н. Страховым»¹⁸¹. Однако эта поддержка имела и недостаток — некритичность. Бестужев-Рюмин лишь популяризировал идеи Н.Я. Данилевского,

---

¹⁸¹ Балувев Б.П. Споры о судьбе России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001. С. 118–119.

пытался выразить их в более краткой и емкой, а оттого и более доступной, учитывая объем книги Н.Я. Данилевского, форме. Но он не предложил ни дополнительных аргументов в пользу концепции Н.Я. Данилевского, ни указал на возможные направления развития ее положений, а лишь кратко резюмировал основные выводы. Эту ограниченность бестужевской поддержки почувствовал один из друзей его молодости — К.Н. Леонтьев. «Прочтите статью Бестужева “О теории культурных типов” в майской книжке “Русского вестника”. Нашего лагеря все прибывает. Я ждал этой статьи с боязнью и нетерпением: боялся — ну, как такой ученый историк да против этой теории? Слава Богу, нет. Но статья очень важная по ученому авторитету специалиста, сама по себе слаба. Это все то же либеральное (полуевропейское почти) старое славянофильство — слишком славянское, так сказать, культурофильство, — писал он 12 мая 1888 г. из Оптиной Пустыни А.А. Александрову¹⁸².

У С.М. Соловьева Бестужев-Рюмин заимствует представление об истории как науке народного самосознания или самопознания. В большинстве своих работ он настаивает, что обязанность историка — быть «выразителем народного самопознания»¹⁸³, «если история народа есть его

---

¹⁸² Леонтьев К. Избранные письма. СПб., 1993. С. 361–362.

¹⁸³ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 7.

самосознание, то, следовательно, народ в своей патриотической жизни постепенно раскрывает свои нравственные свойства»¹⁸⁴. В опубликованной посмертно статье «Задачи популяризации знаний» ученый пояснял универсальность принципа самосознания, распространяя его не только на личность, но и на народ. «Только ясно сознающий свои цели и средства, физические и нравственные, человек, — писал он, — может быть полезным деятелем общества; только ясно сознающий свои силы и средства народ может быть великим народом, внести свой вклад в общую сокровищницу человечества»¹⁸⁵. В первом томе «Русской истории» Бестужев-Рюмин обозначал два мало совместимых взгляда на историю: как на собрание редкостей, «повествование о достопамятных событиях» и как народное самосознание. Последний взгляд, соответствующий и установке на историю как науку, направлен на понимание внутренней связи фактов.

В отличие от С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин расставлял в истории иные акценты, выдвигал на первый план не политические события, а явления внутренние, бытовые и культурные. Более того, согласно его точке зрения, «во внешней жизни народа

---

¹⁸⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 682.

¹⁸⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Задачи популяризации знаний // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. LXVIII. С. 44.

выражается его внутренняя жизнь»¹⁸⁶. Параллельно с внешней, политической историей происходит и история бытовая, культурная. Политические и культурные факты переплетаются, влияют друг на друга. Правда, бытовая история в большей степени способна передавать многообразие жизни, чем история политическая. «Мы того мнения, — утверждал Бестужев-Рюмин, — что бытовая история вовсе не противоречит политической, а, напротив, должна быть в тесной, неразрывной связи с нею; только, разумеется, при ближайшем знакомстве с бытом изменится сама собою относительная важность того или другого события, а главное, перестановится точка зрения»¹⁸⁷. Поэтому не следует строго отделять изложение внешней истории от внутренней, а, напротив, так группировать факты обоих порядков, чтобы передать «сущность предмета» и «дух времени»¹⁸⁸. Однако внутренняя жизнь никогда исчерпывающим образом не проявляется в явлениях внешней жизни. Наиболее полное ее выражение возможно «только в целой жизни человечества, ибо то, что могло не выразиться в жизни известного народа или известной эпохи, выразиться в другом народе, в другой эпохе; то, что не полно

---

¹⁸⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 2.

¹⁸⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 7.

¹⁸⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 10.

выразилось в одном, уяснится, проявившись шире, в другом»¹⁸⁹. Интерес к внутренней истории, таким образом, не замыкает исследователя в пределах одной эпохи и народа, а неизбежно подталкивает искать аналогичные проявления, быть может, более яркие и точные, в иные времена и у иных народов. Аналогия — один из методологических приемов исторического исследования, которому, однако, не следует придавать исключительного значения. Аналогия разнообразит представления ученого об историческом процессе, позволяет по-новому взглянуть на известные факты, но сама по себе не дает еще нового знания. «Аналогия — хорошее подспорье, но при ней необходимо иметь и положительные доказательства», — заключал историк¹⁹⁰. Для понимания внутренней жизни необходима всемирно-историческая точка зрения, которая, в свою очередь, коренится в представлении об однообразии, идентичности основных элементов внутренней жизни народов.

Историко-культурный подход частично реализовался в «Русской истории» Бестужева-Рюмина. Ученый сосредоточился в своей работе на внутренних событиях и попытался связать их с культурными и бытовыми изменениями, происходившими в России. Современники подметили эту особенность

---

¹⁸⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 2.

¹⁹⁰ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени. С. 38.

исследовательской позиции Бестужева-Рюмина и его работы. В.О. Ключевский при всем своем критическом настрое к петербургскому профессору, отмечал, что «труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле»¹⁹¹. Профессор же Университета св. Владимира в Киеве В.С. Иконников в качестве одной из главных научных заслуг Бестужева-Рюмина прямо указывал на обоснование самостоятельного значения культурной истории — идеи, которая родилась из критики Бестужевым-Рюминым концепции государственной школы, в частности, разбора «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Согласно В.С. Иконникову, Бестужеву-Рюмину «принадлежит более точное разграничение в нашей истории элемента бытового, т. е. внешних фактов, от развития бытового или культурного»¹⁹².

Что же составляет внутреннюю жизнь народа, раскрываемую историей как его самосознанием? Это должны быть устойчивые, вариативно воспроизводимые из поколения в поколение, из эпохи в эпоху представления, формы жизни, бытовые комплексы и т. п. Иными словами, «только более постоянное, более прочное может быть предметом народного самосознания, только в нем выражается

---

¹⁹¹ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 159.

¹⁹² Иконников В.С. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. С. 8.

народная физиономия, только его движения, изменения составляют сущность народной жизни, определяют ее рост и развитие»¹⁹³. Поясняя свой подход, Бестужев-Рюмин указывал еще несколько отличий, составляющих бытовую историю. Не все факты повседневной жизни достойны войти в такую историю. «Картины быта должны... заключать в себе только по возможности общие черты», — уточнял он¹⁹⁴. Бытовая сторона, как и все, что составляет историю, подлежит развитию. Отживающие формы быта менее интересны историку, чем те, которые сохраняют в себе возможность к изменению, а, значит, и приспособлению к быстрой смене политической обстановки. Согласно Бестужеву-Рюмину, следует «останавливать внимание только на том, что развивается, и притом с указанием причин и условий развития»¹⁹⁵.

Ближайший материал, из которого историк культуры может черпать необходимые сведения, принадлежит области этнографии и фольклора. Фольклор отличается живучестью, способностью к вариативному воспроизведению. Именно знакомство с материалами этнографии и фольклора позволяет ощутить присутствие прошлого в настоящем.

---

¹⁹³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 252.

¹⁹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 25.

¹⁹⁵ Там же. С. 26.

О фольклоре в буквальном смысле можно сказать, что это живая старина. «Вот где бытовая история вступает во все свои права, — писал Бестужев-Рюмин об этнографических исследованиях, — вот ее непосредственная область! и здесь ее точка соприкосновения с историею политической»¹⁹⁶.

Народные предания, этнографические данные дают непосредственное знание народной жизни. Они не только отражают эту жизнь, но и сами являются ее частью. Более того, как полагает ученый, народное сознание в чем-то сродни сознанию историка. Оно также отбирает факты, достойные на его взгляд войти в народную память, определяет их значение и придает им повествовательную форму. «Признаемся вообще, — делился своими соображениями историк, — что мы более доверяем народному инстинкту, чем соображениям ученых, составленным по большей части под влиянием разных научных теорий, нередко выросших не на русской почве. Народ же всегда верно угадывает существенное значение факта и выражает его в мифической своеобразной форме»¹⁹⁷.

Внимание исследователя, сосредоточившегося на внутренней истории, должно быть обращено прежде всего к верованиям, учреждениям, быту, а не к лицам и внешним событиям. В этом отношении внутренняя история может сближаться, хотя

---

¹⁹⁶ Там же. С. 12.

¹⁹⁷ Там же. С. 17.

полностью и не отождествляться, с историей цивилизации или историей культуры. Примером реализации историко-культурного подхода одно время Бестужеву-Рюмину представлялись исследования Н.И. Костомарова, его предшественника на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета. По крайней мере, Н.И. Костомаров, на взгляд Бестужева-Рюмина, пытался связать политические события с современным им состоянием культуры. Разъясняя позицию Н.И. Костомарова и противопоставляя ее построениям государственной школы, Бестужев-Рюмин писал, что «история цивилизации, культуры... то есть, история той почвы, на которой вырастают учреждения»¹⁹⁸.

Источниками идеи культурной истории для Бестужева-Рюмина выступили, с одной стороны, произведения славянофилов, чья историософия перерастала в историю культуры, а с другой — работа Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии». Перевод книги Г.Т. Бокля Бестужев-Рюмин затеял после переезда в 1859 г. в Санкт-Петербург. «Переехали мы в октябре, — вспоминал он, — а летом, живя на даче, я прочел Бокля и по тогдашнему своему настроению пленился им; впоследствии я его перевел и очень в этом каюсь: Бокля без сильных и серьезных возражений нельзя было давать русской

---

¹⁹⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 17.

публике»¹⁹⁹. Перевод был выполнен совместно с Н. Тибленом. Труд Г.Т. Бокля привлек Бестужева-Рюмина как стилем и способом подачи материала, так и методологической стороной исследовательской манеры английского ученого. В этом отношении книга Г.Т. Бокля надолго стала для Бестужева-Рюмина образцом исторического исследования. «Прозрачная, ничем невозмутимая ясность мысли... только признак необыкновенной глубины и ясности понимания», — характеризовал переводчик внешнюю сторону работы английского ученого²⁰⁰. И здесь же Бестужев-Рюмин указывал на широкую научную ценность исследования Г.Т. Бокля, сближая его с работами Вольтера и О. Конта. «Главная цель Бокля — сделать историю наукою в полном смысле этого слова, отыскать общие законы развития человеческого рода»²⁰¹. От поисков общих законов человеческого рода Бестужев-Рюмин со временем отказался, а вот стремление сделать историю наукой постарался перевести в плоскость методолого-исторических поисков. Г.Т. Бокль и здесь первоначально указывал русскому историку методологический путь. «Собрать как можно более фактов, — поучал Бестужев-Рюмин в одной

---

¹⁹⁹ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 58.

²⁰⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Несколько слов о Г.Т. Бокле // Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Т. 1. СПб., 1863. С. V.

²⁰¹ Там же. С. IV.

из критических статей С.М. Соловьева, а вместе с ним и всех профессиональных историков, — осмыслить их один другим и только тогда выводить общие заключения — вот метод, который рекомендует Бокль»²⁰². В работах Бестужева-Рюмина, написанных после середины 1860-х г. упоминания о Г.Т. Бокле уже не встречаются.

Внутренняя история не может довольствоваться только собственными установленными фактами, она неизбежно заимствует и синтезирует данные, добываемые в других науках о прошлых состояниях общественной жизни: истории права, истории церкви, истории литературы, истории науки и проч. «Взаимодействие всех этих сторон, — поясняет Бестужев-Рюмин, — вот содержание истории цивилизации. Ее предмет — общество в его нравственном и материальном развитии»²⁰³.

Подобная задача обязывает историка к всестороннему изучению прошлого, для чего необходимо привлекать результаты других наук. Одна история не в состоянии отразить всю многогранность жизни, все текучее переплетение минувших событий. Единственный выход из такой ситуации — опора на другие науки. Лишь подспорье, оказываемое истории другими дисциплинами, помогает

---

²⁰² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 4.

²⁰³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 253.

ей приблизиться к выполнению стоящей перед ней задачи. «История в наше время, — признавался Бестужев-Рюмин, — становится все более и более мудреною наукою: чем сложнее делается жизнь, чем с бóльшим количеством вопросов приступает она к прошедшему, тем настоятельнее необходимость ответа со стороны науки на все эти вопросы; следственно, тем труднее обнять в одной полной, философски верной и художественно законченной картине все пестрое разнообразие жизни, всю видимую путаницу перекрещивающихся отношений, всю случайность событий, весь хаос личностей»²⁰⁴. В одной из рецензий, посвященной работам по истории Отечественной войны 1812 г., Бестужев-Рюмин указывал на неизбежную разносторонность и многослойность подобного исследования. Многогранность исторического процесса отражается в многоаспектности исторического познания и понимания. Полный охват материала, предполагаемый добросовестным ученым, при реализации должен привести к воссозданию поистине грандиозной исторической картины. Вот как она видится Бестужеву-Рюмину: «Чтобы предпринять такой труд, необходимо иметь обширно образование: для полной оценки и воспроизведения событий надо понимать и дипломатическую и военную и финансовую сторону событий (так как

---

²⁰⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 3.

континентальная система была одною из важнейших причин войны); но сверх того надо понимать и характер деятелей и характер народов, ими представляемых, и наконец лично являющихся на сцену (в народных движениях); равно необходимо и обширное знакомство с положением европейского общества, характером его правителей, настроением общественного мнения, силами военными, финансовыми и т. д. каждой страны: все, что происходило и таилось в то время от Лондона и Парижа до Москвы и Константинополя, от Стокгольма до Лиссабона должен знать историк; не должен забывать он также, что на сцене были и интересы внеевропейские. Вся эта широкая область должна служить отчасти рамою, отчасти фоном той картины, которую придется нарисовать историку отечественной войны. Чтобы знать все это, мало иметь общее образование и начитанность в существующей литературе, мало иметь способность судить и подготовку к суждению: надо еще — и это самое главное — иметь доступ к государственным и частным хранилищам памятников прошлого, надо иметь время для сравнительного и критического изучения их»²⁰⁵.

---

²⁰⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* [Рец.] Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 года. Сочинение А.Н. Попова. С.-Петербург. 1876 г., стр. 425, нenum. 2; Москва в 1812 году. Сочинение Александра Попова. Москва 1875 г. (а на заглавном 1876). Стр. 237 и нenum. 6; Французы в Москве в 1812 году. Сочинение Александра Попова (Из Русского Архива 1876 г.). Москва. 1876 г., стр. 185 и нenum. 2. СПб., 1878. С. 2–3.

Можно только добавить, что выполнение столь масштабного исторического проекта будет успешным, только если станет делом всей жизни взявшегося за него ученого.

Однако Бестужев-Рюмин не пошел дальше призывов использовать в истории данные других наук, гуманитарных и естественных. Иное дело позитивистская историография, которая все больше ставила историю в зависимость от наук естественных, что, в свою очередь, грозило элиминировать из истории свободу воли и случайность. Протестуя против подобного перекоса, Бестужев-Рюмин, по существу, рассматривал данную проблему в рамках по-неокантиански интерпретируемой классификации наук. «Определение отношения истории к другим наукам, — писал он, — становится положительно необходимым в виду того, что есть покушения перевести ее из области наук духовных (этических) в область наук о природе (физических) и вместо начала свободной воли, которая долго считалась верховным началом истории, поставить начало необходимости, которым управляются явления внешней природы»²⁰⁶.

В то же время Бестужев-Рюмин постоянно ратовал за сближение истории с жизнью, за понимание истории с точки зрения задач и проблем современного общества, т. е. за смысловую модернизацию

---

²⁰⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 292.

прошлого. Он неоднократно повторял, что историку «мало одного знания летописей и грамот; ему нужно знание жизни практической. Поэтому самые великие историки те, которые много видели, во многом принимали участие. Таковы, не говоря о Фукидиде, Грот, Маколей, Нибур, наконец Гизо. Только практическая жизнь дает верный такт для понимания прошлого, которое неразрывно связано с настоящим»²⁰⁷. Со временем Бестужев-Рюмин добавил в этот ряд В.Н. Татищева и Н.Я. Данилевского. Кто знает, не была ли деятельность самого Бестужева-Рюмина на Высших женских курсах и в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, так много отнимавшая у него сил и времени, его личным ответом на призыв сближения истории с жизнью? Жизнь позволяет наполнить историю реальным содержанием, опереть ее на прочно установленные, бесспорные факты, признаваемые если и не с очевидностью, то с максимальной долей вероятности. С одной стороны, это предполагает тщательный анализ источников и отбор фактов, а с другой, — более «широкий» взгляд на деятельность историка со стороны других наук, что дает возможность лучше оценить научное значение самой истории, утвердить и обосновать ее научный статус. Первое направление ведет к разработке источниковедения и историографии,

---

²⁰⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 11.

второе, — к методологии и эпистемологии истории. «Осмысление самой истории как исторического процесса, — заключал Н.Л. Рубинштейн, рассматривая историческую концепцию Бестужева-Рюмина, — подменяется прежде всего вопросами техники исследования, задачами собирания и изучения источников и материалов»²⁰⁸. «Формально-объективистская», по словам Н.Л. Рубинштейна, направленность исследований Бестужева-Рюмина была несомненным шагом к созданию методологии истории. Без выработки методологии невозможно создание научной школы. Именно в этом направлении развивалась деятельность Бестужева-Рюмина. Изучение и критика источников — лишь первый шаг, подготовка к методологической рефлексии. «Нельзя же думать, — замечал он в одной из рецензий, — что историку необходимо только открыть доступ в архивы, а школы ему совсем не нужно»²⁰⁹. Разработка методологической стороны исторического исследования, полагал Бестужев-Рюмин, — актуальная задача современной исторической науки.

Если верно, что знание настоящего необходимо для понимания прошедшего, то столь же верно и обратное утверждение: знание прошлого позволяет

---

²⁰⁸ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 412.

²⁰⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* [Рец.] Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства Ф.И. Леонтовича, заслуженного профессора Варшавского университета. СПб., 1894. С. 2.

лучше разобраться в современной жизни. Если казуальная связь истории и современности однонаправлена: от прошлого к настоящему, то смысловая связь между ними обоюдна. «Настоящее, — утверждал Бестужев-Рюмин, — тесно связано с прошедшим, но ни одними общими понятиями, не одними результатами, а всею своею полнотою, всем своим существом, если можно так выразиться»²¹⁰. Опасность недопонимания также взаимна. По словам историка, «ложное отношение к прошедшему ставит в ложное отношение и к настоящему»²¹¹. Поэтому же он постоянно настаивал: «...только ясно созная прошлое, люди могут глядеть вперед без боязни»²¹². Проективная функция прошлого, однако, не гарантирует однозначное развитие событий в последствии. Прошлое лишь позволяет уяснить общую динамику событий и доминирующее направление их трансформаций. «Прошедшее есть только залог будущего, — уточнял историк, — а никак не полное определение его пути»²¹³.

Понимание прошлого для Бестужева-Рюмина — понимание народной жизни, а понимание народной жизни — понимание современности. Или,

---

²¹⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 8.

²¹¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 250.

²¹² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 5.

²¹³ Там же. С. 5–6.

говоря его словами, «только исходя из полного понимания народной жизни, можно полнее понять учреждения известной эпохи и известного народа»²¹⁴. Однако «воспроизведение целостной народной жизни» невозможно, поскольку жизнь есть органическое явление. Ученый был не одинок своим органицизмом. Аналогия между историей, обществом и живым организмом широко использовалась такими его современниками, как Н.Я. Данилевский, П.Ф. Лилиенфельд, А.И. Стронин. Несколько позднее Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов уже с опорой на учение Г. Спенсера в своей философии истории также стали обосновывать органическую точку зрения. Бестужев-Рюмин лишь в общих чертах обозначал контуры органицизма в исторической науке и еще мог позволить себе сравнение жизни с механизмом. «Развитие жизни, — писал он во введении к своему лекционному курсу, — состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину»²¹⁵. Однако подвижность такой машины не безупречна. Невозможно строго просчитать последовательность ее шагов. И на деле мы сталкиваемся с неравномерностью развития разных сторон жизни. Этим объясняется и невозможность дать точную классификацию и рубрикацию исторических явлений. В различные исторические

---

²¹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 16.

²¹⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 8.

эпохи и у разных народов первенство отдается то религиозной, то юридической, то умственной сторонам жизни. Все это способно вызвать у историка лишь скепсис и, вероятно, косвенно объясняет отказ Бестужева-Рюмина от попытки сформулировать единую и универсальную теорию истории. Универсализм и однозначность — признаки философского подхода, но он в данном случае менее всего годен для истории. В то же время, единство в истории, безусловно, присутствует; оно проявляется прежде всего в цивилизации или культуре. Здесь Бестужев-Рюмин опирается на выдвинутый Н.Я. Данилевским цивилизационный принцип единства через многообразие. «Итак жизнь есть разнообразие, — разъяснял Бестужев-Рюмин свою позицию, — развитие есть разнообразие, но в этом разнообразии есть свое единство; единство это может быть не вполне осознаваемым наукою, не вполне сформулированным, пока еще живет и развивается народ, ибо его развитие и есть раскрытие этого единства при всем разнообразии; но тем не менее народ чувствует и сознает, хотя и не отчетливо, свою целостность; гадательно чувствует это и наука; но не с этого должна она начинать; она должна начинать со строгого, беспристрастного изучения фактов, и притом фактов, относящихся к разным сторонам жизни. Только от изучения этих сторон в их взаимодействии может наука возвышаться к представлению целостности и единства народной жизни; изучая взаимодействие

разных сторон этой жизни, наука отметит черты, отличающие народы от других народов, составляющие его физиономию. Само собою разумеется, что это изучение должно держаться исторической последовательности развития народной жизни: иначе вместо истории мы получим философскую диссертацию о том или другом вопросе с примерами из истории — род сочинений наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества»²¹⁶. Недовольство Бестужевым-Рюминым современной философией истории известно, и здесь он не говорит ничего нового.

Несколько интереснее уточнения, которые историк дает о возможности использования сведений других наук: филологических, юридических, естественных, «ибо трудно положить границы между этими науками и такою наукою, как история, задача которой — всестороннее изучение прошлой жизни человечества»²¹⁷. Естественные науки (геология, минералогия, химия и др.) помогают определить характер страны, а также влияние внешних условий на жизнь народа. Филологические науки способствуют выяснению происхождения народа и влияний на него других племен.

Старый взгляд на историю отождествляет ее с началом политической жизни, конкретно, с образованием государства. «Давно уже признано, — замечал

---

²¹⁶ Там же. С. 9.

²¹⁷ Там же. С. 13.

Бестужев-Рюмин, — что сфера государственной деятельности есть только одна из сфер, на которые распадается жизнь огромного организма, называемого обществом; что другие сферы этой жизни имеют столь же законное право на существование, и что преимущественное влияние одной из них гибельно для целого организма»²¹⁸. Многообразие жизни больше всего соответствует культурная история. Развивая свою точку зрения, историк добавлял в одном из примечаний к лекционному курсу, что «теперь же мы убеждены в том, что где жизнь, там и история; следственно если у нас есть какие-нибудь материалы для изучения быта в известный период, то период этот есть уже принадлежность истории»²¹⁹.

В то же время само заимствование историей выводов и материалов других наук стало возможно благодаря тому, что в изучении гуманитарных и общественных дисциплин в течение XIX в. ясно обозначилось историческое измерение: появились история права, история литературы и т. п. История постепенно становится универсальной объясняющей основой для других наук. Как писал Бестужев-Рюмин, «самые возвышенные вопросы и самые простые общественные отношения так или иначе соприкасаются с историей, входят в нее, в ней

---

²¹⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 5.

²¹⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 13, прим.

находят оправдание или осуждение; все учреждения общественные, и все наиболее отвлеченные вопросы умозрения имеют свое место в истории, должны опираться на нее»²²⁰. В частности, и «развитие философского мышления само входит в историю»²²¹.

---

²²⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 245.

²²¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 14.

ИСТОРИЯ КАК НАУКА

Свою собственную задачу Бестужев-Рюмин видел в выработке основ научной истории. Для этого необходимо, прежде всего, строгое и внимательное изучение источников, сличение их, выяснение обстоятельств и времени их создания — «химический анализ исторического источника», как несколько иронизируя по поводу методологического радикализма Бестужева-Рюмина выразился В.О. Ключевский¹. Из установленных таким образом фактов научная история выбирает наиболее «характеристичные», что и отличает ее от летописи². Прежде чем высказывать собственное суждение, следует с максимальной полнотой рассмотреть чужие мнения по интересующему вопросу, поэтому критический метод изложения истории предпочтительнее догматического³. Догматическое изложение допустимо в истории лишь тогда, когда история в полном смысле станет наукой. В настоящее

---

¹ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 167.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 11; Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 13.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 252; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. I–II.

время, признавался Бестужев-Рюмин, «самое существование истории как науки, как полного целого, является только желательным. Вот почему, по нашему мнению, всякое догматическое изложение истории неуместно в наше время: оно явилось или слишком рано или слишком поздно»⁴. Примером критического изложения может служить историография, ограничивающаяся рассмотрением различных точек зрения на предмет, но воздерживающаяся от собственных суждений о предмете. Крайняя степень такой академической осторожности часто удерживала Бестужева-Рюмина от выражения или конкретизации собственной позиции. К новому взгляду на историческую науку приводит и развитие современного общества, и обработка исторических памятников и состояние философской мысли⁵.

Уже во вступительной лекции в курс русской истории Бестужев-Рюмин постарался «высказать свой взгляд на историю, как на науку»⁶. В одной из поздних рецензий на книгу Э.А. Фримана «Методы исторических занятий» он выступал против отождествления понятий наука (science) и знание (knowledge). Указывая на признаки науки, историк писал, что «мы привыкли разделять эти понятия,

---

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 6.

⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 3.

⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 243.

разумея под словом наука систематическое и методическое знание. В этом случае мы являемся учениками немцев, разделяющих понятия *Wissenschaft* и *Doktrine*. Ясно, что между этими понятиями существует коренное различие: знания скопляются практическим путем, но получают характер науки лишь тогда, когда найдено основное начало, руководясь которым могут быть расположены методически накопившиеся знания. Науку в этом смысле следует отличать от научного метода, то есть, методологического исследования. Научный метод прилагается и к знаниям, не составляющим науки»⁷. В статьях, написанных в 1860-е гг., Бестужев-Рюмин еще не придавался столь детальному различению, разумея, вероятно, под наукой всякое методически разработанное знание. Так, в названии своей знаменитой статьи «Состояние русской истории как науки» под наукой он понимал русскую историографию как форму знания. Развивая свой подход, он писал во вступительной лекции: «Для нас мало знать, что было; мы хотим знать, почему именно было; да еще мало того: при всяком рассказе, у нас возникает вопрос: так ли оно было, как мы слышали, могло ли оно так быть? Когда появился этот дух пытливости, тогда собственно началась наука»⁸.

---

⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Методы исторических занятий. С. 306–307.

⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 243.

*Василий Петрович
Бестужев-Рюмин
2/2 1876*

О СОСТАВѢ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ

ДО КОНЦА XIV ВѢКА.

БИБЛИОТЕКА
А. В. ПЕТРОВА.

1. ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ. 2. ЛѢТОПИСИ
ЮЖНО-РУССКІЯ.

Гр. В. № 5440

Исследование **Б. Вестужева-Рюмина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ тип. А. Траншман (На углу Невск. и Влад. пр., № 45—1)

1868.

Первый показатель становления истории в качестве знания — это выработка теоретических оснований историографии. Теоретическая часть истории зиждется на двух положениях: определении фактов и уяснении различных точек зрения на эти факты. Задача теории истории состоит в разработке способов осмысления фактов. Согласно Бестужеву-Рюмину, «факт непременно должен быть осмыслен, то есть поставлен в ряд других однородных фактов»⁹. В противном случае «факт или документ, вырванный из своей действительной обстановки, при всей верности может нередко вести к совершенно ложным заключениям»¹⁰. Исторический факт не существует изолированно. Бестужев-Рюмин в равной мере говорит и о факте, и о событии. Термин «событие», пожалуй, в большей степени соответствует этой идее связанности, сцепленной последовательности моментов исторического бытия. По словам ученого, «событие есть результат известных обстоятельств, частью необходимых, а частью случайных и в то же время есть условие создания новых обстоятельств»¹¹. Можно было бы добавить вслед Бестужеву-Рюмину, что «событие» имеет проективно-смысловую структуру. Иными словами,

---

⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 81.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. С. 47.

¹¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 38.

событие нацелено в будущее, но смыслополагание истории имеет обратное направление, т. е. от будущего, точнее, настоящего в прошлое. «Событие» и есть смысловым образом артикулированное из настоящего прошлое. Бестужев-Рюмин, правда, предпочитает говорить не о смысле в истории, а о разумности, понимая под последней каузальную необходимость. Он, в частности, писал, что «разумность общего хода истории для него (современного историка. — А.М.) заключается не в стремлении к заранее предназначенным целям, а в самом развитии, в том, что известные обстоятельства ведут неизбежно к известным результатам, сходным, впрочем, только в общих чертах и неизмеримо расходящимся в подробностях»¹². Смысловые отношения в истории при такой переинтерпретации, конечно, сохраняются, поскольку причинно-следственная цепь обзревается из настоящего. Осмыслением фактов занимается историография. Отсюда важность знакомства с различными историографическими концепциями. «Дело же науки, — писал историк, — понять факт, осмыслить его, найти связь и значение в различных мнениях; для науки самое это разноречие важно потому, что оно освещает разные стороны предмета и таким образом способствует составлению истинного взгляда на предмет»¹³. Историография не может не быть

---

¹² Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 78.

¹³ Бестужев-Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 8.

теоретичной. Теория, собственно говоря, задает модель осмысления исторических фактов. Но способов наделения смыслом может быть много. Смысл привязывает исторический факт к настоящему. Благодаря изменчивому смысловому фону эпох меняются и теоретические модели исторического знания. «Наука, как и сама жизнь, — приводит Бестужев-Рюмин сравнение, — развивается зигзагами: сегодня кинется в одну сторону, завтра в другую; но все эти отклонения чрезвычайно полезны: они-то и способствуют увеличению научного материала»¹⁴.

Свой особый узор выписывают диалектические перепады историографии. В колебаниях исторической науки Бестужев-Рюмин выделяет два крайних положения: теоретизация и эмпирическое исследование. Иными словами, в одни эпохи ученые больше сосредоточиваются на построении обобщающих выводов, в другие — на скрупулезном копании в фактических данных. Свою мысль ученый выражает следующим образом: «...но бывают времена, когда является потребность результатов, когда нужно осветить итоги всего, что сделано: в такие эпохи преобладают теоретическое построение, философский вывод; но вот начало уяснено, сделано из него всевозможное приложение. Тогда открывается, что начало, которым доселе все объясняли, изношено, что найдены новые факты,

---

¹⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 82.*

требующие себе объяснения; а выставленное начало этого объяснения не дает. Чем более накапливается таких фактов, тем более чувствуется надобность в их экзегетической разработке. Тогда теоретическое направление уходит на второй план; общая мысль до сих пор ясная тускнеет и снова начинается кропотливая, подготовительная работа»¹⁵. Совсем по-гегелевски выглядит предлагаемая Бестужевым-Рюминым схема развития исторической науки. Она видится ему следующим образом: «...развитие, как известно, совершается, главным образом, посредством ясных и определенных воззрений, которые, доведенные до конца, вызывают отпор и ведут к другой ступени, то же в свою очередь грозящей впасть в крайность, но уже ограничивающей крайность предшествующую»¹⁶. Диалектический сценарий развития исторической мысли, обозначенный ученым, как нарочно, сочетается у него с критикой теоретических установок в гегельянском духе государственной школы. Оценивая в 1860 г. современное состояние историографии, Бестужев-Рюмин признавался, что перед русской историей стоит задача накопления фактического материала, а историки-философы своим теоретизированием идут наперекор научной тенденции времени. Сам Бестужев-Рюмин не меньше своих оппонентов тяготел

---

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 680.

к набрасыванию в истории широкомасштабных смысловых перспектив, но сознательно сдерживал свои научные порывы. Упомянув о гонениях на теорию со стороны М.П. Погодина, он писал: «Но так как от теоретического начала нельзя отказать, оно является само собою, и непрощенное освещает всякую работу над источниками»¹⁷. Свою же эпоху он считает подобной погодинской, т. е. не теоретической.

Оправдывая многообразие точек зрения в исторической науке, Бестужев-Рюмин указывал на два источника такого многообразия. С одной стороны, каждый человек, будь-то ученый-историк или исторический деятель, или даже простой обыватель выдвигает свои, субъективные идеи. С другой стороны, каждая эпоха предлагает сложившуюся систему идей, определяющую ее смысловой облик. Индивидуальные идеи и, если можно так выразиться, коллективные идеи, т. е. разделяемые, признаваемые большинством живущих в данную эпоху людей, неизбежно соприкасаются, согласовываются, влияют друг на друга. В результате мы никогда не имеем дело с «чистыми» идеями, т. е. только индивидуальными или только идеями эпохи. Бестужев-Рюмин в этом случае говорит об «историческом калечении» идей. «Когда субъективная идея переходит в объективную действительность, — писал он, — ей постоянно приходится считаться с имеющимися

---

¹⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 80.

на лицо идеями и положением вещей: уясняться, терять свою угловатость и под конец даже искажаться. Тогда на смену одной идее идет другая, на смену одной цивилизации другая, которая по-своему объясняет действительность, по-своему строит общество. Да, миром правят идеи: в них выражается сознание человеком и обществом окружающей их действительности. Идея в этом смысле может быть одна у каждого человека: это его угол зрения, и конечно, под этим углом зрения человек объясняет себе мир; следственно, под ним же и историк пишет повествование о днях времен минувших»¹⁸. Итак, существуют идеи не только у историка, но и в самой истории. Продолжая свое рассуждение, Бестужев-Рюмин писал, что «...у всякого времени свои воззрения и свои заботы. Понять, какими идеями жило известное время, — первая обязанность историка; без того все века смешаются, и самый суд, который мы произносим на основании собственных воззрений на правое и неправое, не будет правилен без этих самых обстоятельств. Знать их, стало быть, нужно, не обращать на них внимания, стало быть, *не научно*»¹⁹. Наиболее интересны, таким образом, для историка коллективные идеи, идеи эпохи, т. е. то, что позднее А.С. Лаппо-Данилевский на неокантианском жаргоне назовет общепризнанной ценностью.

---

¹⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 98.

¹⁹ Там же.

Зигзагообразный ход исторической науки под-
стать колеблющемуся пути самой истории. Одно-
сторонность теории как бы вторит резкой иногда
однбокости жизни. «Вообще забывается то, —
рассуждал Бестужев-Рюмин, — что историческое
движение всегда односторонне, что для усиления
этой одной стороны, которая выдвигается обсто-
ятельствами, принижаются на время другие сто-
роны, иногда даже очень важные. Дальнейший ход
помогает живому народу выпрямиться. Процесс
этот бывает очень болезненен, но он необходим
уже потому, что *бывает*. Прямолинейности нет
в человеческих делах, трудна она и в суждениях»²⁰.
Подобный взгляд на историческую жизнь и исто-
рическую науку подталкивает исследователя к тео-
ретическому плюрализму, согласно которому тео-
рии устаревают лишь в том смысле, в каком уходят
в прошлое породившие их эпохи. При этом нельзя
гарантировать, что плутающая тропа жизни, а вме-
сте с ней и диалектическое шатание науки не выве-
дут на прежнее мнение. Отсюда, приходит к выводу
Бестужев-Рюмин, следует уважительно и терпи-
мо относиться к теориям, пусть на данный момент
и отжившим, поскольку «в каждой из этих послед-
них можно осуждать их односторонность, но все-
таки видеть в них необходимую потребность ума че-
ловеческого, неудовлетворяющегося недостатками
действительности и желающего их восполнению.

---

²⁰ Там же. С. 131.

Вследствие этого теории сменяют одна другую не в логическом порядке, а по требованиям времени, и ни одно из главных направлений ума человеческого не может считаться окончательно сданным в архив, ибо при каждом излишестве господствующего направления неизбежно встает направление побежденное, требует удовлетворения и себе»²¹.

Абсолютно истинных точек зрения, полагал Бестужев-Рюмин вслед за позитивистами, не существует, но те верные мысли, которые в них содержатся, могут послужить выработке новых теорий. Недостатки же теоретических воззрений лишь стимулируют дополнительные теоретические поиски. При таком подходе любая, даже на первый взгляд ложная концепция, навлекая на себя критику, косвенно способствует выработке более корректного обобщения. Одним словом, отрицательный результат — тоже результат. Как писал историк, «целостные воззрения способствуют уяснению самого хода жизни и хотя носят в себе неизбежные недостатки всякой попытки охватить мыслью многообразие жизни, все таки могут способствовать освещению этой жизни и дать возможность возникнуть новым теориям, которые будут цельнее, ибо за стройностью теории скоро открываются слабые стороны: на них направляется критика, и явится новая теория, если

---

²¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 4.

и не заменяющая, то дополняющая первую»²². Главным недостатком любой теории остается ее односторонность. Как бы ни была проста на первый взгляд жизнь, теория вынуждена ее еще больше упрощать, сводить к одному господствующему началу. «Обращая преимущественное внимание на ту сторону событий, — полагал Бестужев-Рюмин, — которая послужила основанием будущему порядку дел, мы невольно вносим в самое событие чуждую ему разумность, невольно подкладываем историческим деятелям нашу собственную мысль... мы забываем, что известные события, известное общественное состояние имеет влияние на будущие события, на будущее общественное состояние всеми своими сторонами»²³.

Главный признак научности — опора на факты и углубляющаяся специализация. Характеризуя в статье о В.Н. Татищеве научные тенденции своего времени, Бестужев-Рюмин писал: «XIX век по преимуществу век разделения труда и специализации ученых знаний. На широкие обобщения, на многосторонность сведений, многие смотрят в наше время подозрительно, опасаясь поверхностности, верхоглядства, энциклопедизма и т. п. Значительная доля правды чувствуется в этом взгляде: широкие

---

²² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 119.

²³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 8.

воззрения нередко оказываются пустозвонством, многосторонние сведения часто являлись схваченными кое-откуда вершками»²⁴. В опасениях Бестужева-Рюмина звучит не только предостережение против крайнего обособления наук, когда представители разных дисциплин перестают понимать друг друга. Век специализации приводит к дроблению науки, увлечению подробностями и частностями. Казалось бы, принцип истории, абсолютизирующий ценность деталей и отдельных фактов, должен восторжествовать в такой атмосфере. Однако тем самым ставится под сомнение еще одна тенденция эпохи — необходимость в синтезе и взаимодополнительности. Научность истории покоится как раз не на фактологической самодостаточности исторического знания, а на ее обусловленности данными других наук. «Но и в наше время, — пишет историк, — не раз чувствовались и чувствуются неудобства исключительной специализации: в науке это неудобство сказывается в том, что разъяснения фактов одной области нередко надо искать совершенно в другой (так, например, история постоянно должна опираться на географию, а основа географии в науках естественных, уголовное право находит постоянную опору в психологии, а эта последняя нередко требует помощи физиологии и т. п.); следственно, строго ограничиваясь одной областью, а тем более уголком этой области, ученый

---

²⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. С. 6.

многого не в состоянии понять и объяснить»²⁵. Принцип взаимодополнительности различных научных областей, подмеченный Бестужевым-Рюминым, таит в себе опасность утраты историей своей специфической историчности. Взаимодополнительность легко может перерасти в редукционизм. С одной стороны, это грозит под лозунгами единства природы, единства и единственности научной истины перерасти в монистическое объяснение всех социальных и нравственных явлений, в том числе и истории. Примером такого подхода могут служить «физикализация» в первом позитивизме, или «антропологический принцип» Н.Г. Чернышевского. С другой стороны, это споспешествует утверждению в исторической науке идеи многофакторности исторического развития, что, в частности, позднее реализовалось в исторических и философско-социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Н. Милюкова. Однако в практической области конкретной науки развитая специализация может иметь и положительный результат: совершенствование определенных сфер деятельности приносит больше пользы людям и в сумме — всему обществу. В исторической науке это вызывает разработку проблем историографии, источниковедения, теории, методологии и эпистемологии истории. Именно в этом направлении пошло развитие академической философии истории в России.

---

²⁵ Там же. С. 7.

Следующий признак научности — привязка исследования к потребностям, нуждам и ценностям современности. В данном случае модернизация исторического знания всего лишь оборотная сторона требуемого от знания практицизма. «Наука, — рассуждал Бестужев-Рюмин, — относится критически к накопившемуся материалу; здесь новое явление: материал этот касается прошедшей жизни человечества, а прошедшее тесно связано с настоящим; все важнейшие вопросы времени: религиозные, политические, общественные, которые волнуют человека в настоящем, непременно имеют свои корни в прошедшем; человек, по самой своей природе, не может безразлично относиться к этим вопросам; он непременно решает их для себя так или иначе, и вследствие того так или иначе смотрит на прошедшее»²⁶. В этом же смысле предъявляет Бестужев-Рюмин и свои идеальные требования к историку. «Первое требование от него, — пишет ученый, — состоит в том, чтобы он проникся духом того народа, историю которого он пишет, показал нам существенные элементы народного характера, и из памятников старины, проверенных современностью, восстановил бы живой образ народа»²⁷. Здесь научность еще переплетается

---

²⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 244.

²⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 3.

с романтической установкой на «дух» и «живой образ» народа. Но уже далее Бестужев-Рюмин поясняет, что речь идет о практической значимости исторического знания и о возможности научного прогнозирования. «Изучение истории, — продолжает он, — не есть дело простого любопытства, это дело настоятельной потребности; только зная те условия, при которых развился народ, в которые он поставлен, можно судить о будущем этого народа, можно знать, как посреди его действовать. Такое познание приобретается не иначе, как долгим и внимательным изучением прошедшего в связи с настоящим»²⁸. Возрождая протонаучный спор минувшего столетия между И.Н. Болтиным и М.М. Щербатовым, Бестужев-Рюмин встает на сторону И.Н. Болтина. Для него знание народа и его современного состояния необходимо для лучшего понимания истории. «Близкое и подробное знание настоящего для истории такой же важный материал, как и изучение летописей и грамот... Там, где жизнь развилась широко, там же являются и величайшие историки... Чем ближе историк к действительной жизни, чем знакомее ему ее тревожения, тем менее он способен жить в одних отвлеченностях, видеть в истории только одну игру мировых законов, тем яснее сознает он значение личности»²⁹.

---

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Там же. С. 6.

Ощущение современности, потока жизни, смысловых колебаний настоящего побуждают ученого и в прошедшем искать не отвлеченных схем, а смысловым образом свершившихся событий. В этом отношении не менее важны «устаревшие» оттенки смысла или, по словам Бестужева-Рюмина, «побежденные» исторические явления. Когда-то и они составляли неотъемлемую часть «жизни народной», а их отдаленные отголоски, возможно, слышны и поныне. «Обязанность историка, — пишет Бестужев-Рюмин об отживших исторических явлениях, — указывать эти элементы, преследовать судьбу их до тех пор, пока не исчезают их последние следы»³⁰. Почти два десятилетия спустя исследователь следующим образом пояснял свою мысль: «...ни одной сознательной теории не дано умереть вполне: она составляет яркую черту в развитии мысли народной, входит значительно далеко в плоть и кровь последующих поколений»³¹. Таково требование научной беспристрастности и полноты.

Еще одно требование, предъявляемое Бестужевым-Рюминым историку, носит этический характер. Это требование добросовестности и искренности поисков. Даже заблуждаясь, историк должен стремиться к истине. Стремление к истине как императив сознания, нудительный ракурс исторического

---

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 680.

мышления, разъясняется Бестужевым-Рюминым через аналогию с юридическим процессом. «Как перед лицом присяжных, — пишет он, — свидетель должен говорить правду, полную правду и только правду: только тогда книга или статья будут иметь благотворное действие. Писатель, как человек, может заблуждаться, но заблуждение его должно быть добросовестно»³². Добросовестность мышления, бескорыстное стремление к истине ради нее самой становится у Бестужева-Рюмина обязательным условием всякой сознательной деятельности. Замечу, что схожее требование выдвигал В.С. Соловьев в своей незавершенной работе «Теоретическая философия».

Коллеги по историческому цеху довольно скептически отнеслись к тем идеальным требованиям, которые Бестужев-Рюмин предъявлял к работе историка. «Требования очень суровы и трудновполнимы — это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения, любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, но над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки», — писал не менее искушенный В.О. Ключевский³³. «Его

---

³² Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. С. 45.

³³ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 166.

критические уроки, сказанные учителям, — продолжал В.О. Ключевский о требованиях Бестужева-Рюмина, — несомненно гораздо более научили самого критика, чем их»³⁴. Еще более резко высказывался А.Е. Пресняков, посчитавший, что эти уроки не научили даже самого Бестужева-Рюмина. «В таких рассуждениях — сильно поблекших отголосках немецкой идеалистической философии, — писал он, — дань, уплоченная К.Н. Бестужевым-Рюминым вскормившей его университетской традиции. К действительному направлению его ученой и преподавательской работы рассуждения эти не имели никакого прямого отношения»³⁵. Суждение А.Е. Преснякова, надо признать, не менее радикально, чем высказанные в свое время требования Бестужева-Рюмина. Как бы там ни было, но исследованиям Бестужева-Рюмина трудно отказать в стремлении к объективности описания, беспристрастности оценок и полноте охвата источниковедческого и комментаторского материала.

Развитию этих требований служит и историческая критика. «Историк, — пояснял Бестужев-Рюмин, — должен понять изображаемое время, мерить его же меркою; но вместе с тем и отнестись к нему беспристрастно и критически: без критики историк не мыслим»³⁶. Посредством критики история

---

³⁴ Там же. С. 167.

³⁵ Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 170.

³⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

приближается к идеалу научности. Бестужев-Рюмин говорит о двух сторонах исследовательской деятельности историка: установление фактов и анализ источников. «Одно дело — подбор фактов под влиянием руководящей идеи, суждение о них на основании того или другого взгляда, приносящие цельность и стройность повествованию; другое дело критический разбор источников на основании их внешней и внутренней достоверности; словом, научная критика, служащая основой *научной истории*»³⁷.

Итак, историческая критика имеет дело не с фактом, а с источником; она определяет его достоверность³⁸, но в конце концов, следуя общему индуктивному сценарию исторического исследования, подтверждает или опровергает (хотя бы и косвенно) факт. Критическую задачу Бестужев-Рюмин ставил в своей диссертации «О составе русских летописей до конца XV века», исследовании узко специальном. В работе, по его собственному признанию, он исходил из наблюдения П.М. Строева, «что наши летописи в сущности не что иное, как сборники»³⁹. Приемы исторической критики служили тем средством, при помощи которого ученый рассчитывал усмотреть этот составной характер

---

³⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 105.

³⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 10.

³⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XV века. С. I.

летописей. С одной стороны, на него указывает «сшивка» текста, т. е. места, выделяющиеся благодаря встречающимся в них противоречиям, необычным выражениям, иным слогом. «Но и при отсутствии этих внешних признаков, — писал Бестужев-Рюмин, — остаются еще признаки внутренние: куда клонится сочувствие летописца, на кого и на что он смотрит благосклонно или враждебно, где именно могло быть известно то, что встречаем в летописи и в каком виде»⁴⁰. В изложении Бестужева-Рюмина, установление «внутренних признаков» принимает вид психологической интерпретации источника, т. е. взгляда на источник как на продукт человеческой психики — подход, отразившийся впоследствии в спорах о «чужой одушевленности». Достоверность источника распадается на внешнюю и внутреннюю. Историк уточняет: «под внешнею достоверностию я разумею вопрос о том, точно ли данный источник именно то, за что его считают»⁴¹. Иными словами, оригинал это или копия, подлинник или перевод, к какому веку он относится. Установление внутренней достоверности следует за внешней. Здесь же выясняется, кто написал или издал памятник, при каких обстоятельствах и т. п. Венчает критическую обработку источника критика содержания, т. е. проверка сообщаемого источником факта другими

---

⁴⁰ Там же. С. III.

⁴¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 11.

установленными фактами, с которыми он мог быть связан, и определение степени его достоверности⁴².

К разряду источников относятся и сами исторические сочинения. В этом отношении историография и опирается на историческую критику и сама может быть объектом ее пристального анализа. В то же время историография дает смысловой срез исторической эпохи, к которой она принадлежит, вбирает в себя исторические идеи, представления, предпочтения, одним словом, дает пример народного самосознания. Не случайно поэтому историографические штудии занимали в творчестве Бестужева-Рюмина такое важное место. «*Историография*, — констатировал Е.Ф. Шмурло, — давала базу для *критики*, будучи в то же время сама результатом критической работы и анализа; она же, историография, в силу основного взгляда Бестужева на историю, как народное самосознание, вскрывала процесс развития общественной мысли, являясь показательницей тех умственных интересов, какими жило в данную эпоху русское общество»⁴³.

Проблемы историографии по существу относятся к частным разработкам Бестужева-Рюмина. Другой частный вопрос, занимавший его, но одновременно входивший и в компетенцию философии истории, — вопрос о роли личности в истории.

---

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 155.

Бестужев-Рюмин не рассматривал его столь подробно, как позднее это сделал, например, Н.И. Кареев, но достаточно определенно выразил свою позицию. Личность неустранима из истории; она — предел исторического описания, минимум исторического масштабирования. «Как в человечестве, — рассуждал ученый, — движение совершается через посредство отдельных лиц; таким образом в последнем результате историк имеет по-видимому дело только с лицами»⁴⁴. Однако Бестужев-Рюмин сомневается в плодотворности превращения истории «в ряд биографий», поскольку это вернуло бы историю «к эпохе создания мифов»⁴⁵. Более того, «излишняя вера в значение лица» может привести либо к чрезмерному возвеличиванию исторических деятелей, либо, напротив, к их уничтожению. Но не все в истории определяется действиями исторической личности. «Конечно, — отмечал историк во вступительной лекции, — законы суть не что иное, как формулы отношений между известными силами, конечно, личность есть одна из этих сил; но одна, а не единственная»⁴⁶. Высказанная Бестужевым-Рюминым мысль почти дословно повторила его заключение, сделанное несколькими годами ранее в статье о С.М. Соловьеве. Критикуя

---

⁴⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

либеральные установки государственной школы, Бестужев-Рюмин предлагал считать личность лишь одной из причин исторического развития. «Значение личности в общем ходе событий гораздо сильнее, — писал он, — чем мы обыкновенно представляем его до сих пор, как стали гоняться за общим смыслом истории. Дело в том, что законы развития человечества суть не иное что, как формулы отношений между различными элементами этого развития, а личность из важнейших элементов. Вследствие этого, ход развития вовсе не прямолинейный, напротив, он идет прихотливыми извилинами... Если б законы развития были нечто постоянное, непреложное, заранее определенное, тогда бы узнать их было гораздо легче и легче было бы проследить их влияние на жизнь»⁴⁷.

Многообразие жизни не позволяет и историю ограничить только одним действующим в ней началом. История — совокупность и скрещение нескольких моментов, равнодействующая многих сил. «Присматриваясь внимательнее к каждой личности, нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели

---

⁴⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 4.

и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели»⁴⁸. Личность не столько определяет историю, сколько сама определяется в своих поступках сложившимся историческим контекстом, конфигурацией обстоятельств.

Тяготая к построению истории культуры или цивилизации, Бестужев-Рюмин именно в крупных исторических явлениях и образованиях укореняет те смыслы, цели, представления, которыми руководствуется личность в своих действиях. Смысл, конечно, выражается, проявляется в личности, но только в ней не замыкается. Смысл имеет отношение к «другому», ориентирован на «другого». С этой точки зрения смысл личности не принадлежит (смысл субъективен, но только со стороны выражения; он не собственность личности); это функция целого — культуры, эпохи, общества. Личность живет «в» смыслах и смыслами, но лишь в той мере в какой осознает их, их разделяет и им следует. Развивая свою мысль, Бестужев-Рюмин отмечал, «что сами цели коренятся в общественном сознании более или менее глубоко, что лицу принадлежит более или менее удачное формулирование их и — только. Словом, лицо может понять, угадать; но ничего не может создать. Вполне ясное сознание этой мысли совершенно изменяет воззрение на историю: на первый план выступает сложное явление, называемое обществом. Его-то изучение и должно

---

⁴⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 6.

составлять серьезный предмет науки, называемой историей, причем деятельность лиц не может тоже быть упущена из виду; ибо преимущественно в этой деятельности мы видим проявление общественной жизни, говорим преимущественно потому, что рядом с фактом, отмеченным личным мнением, стоит факт безыменный, выражающий собою деятельность целого ряда людей»⁴⁹. Здесь Бестужев-Рюмин непосредственно подходит к типологическому пониманию исторических личностей, пониманию, которое позднее реализовалось в исследованиях Л.П. Карсавина по средневековой религиозности и культуре. Бестужев-Рюмин дает и примеры таких «типов известного рода деятельности». К ним принадлежит, в частности, русская колонизация, которая может быть персонифицирована в лицах Ермака, Хабарова и других землепроходцев или даже авантюристов. Но для историка они важны именно как типичные представители целого исторического движения, совокупно совершавшегося множеством других безымянных лиц. Другим примером могут служить типы личностей, относящихся к первоначальным периодам жизни народов и представленных мифологическими именами Тесея, Ромула, Геракла, Семирамиды, Осириса и др. При этом Бестужев-Рюмин прямо заявляет, что идея исторического призвания личности — так же как и провиденциальной миссии народов — бессмысленна. Подобная

---

⁴⁹ Там же. С. 7.

трактовка исторических личностей не осталась незамеченной современниками. Так, М.О. Коялович отмечал, что чрезмерное стремление к объективности приводит Бестужева-Рюмина к принижению субъективного начала в истории, сказывающегося, в частности, в недооценке деятельности личностей в русской истории⁵⁰.

И все же приоритетную задачу исторического исследования Бестужев-Рюмин видел в анализе общества и общих явлений в истории. Личность, безусловно, важна в истории, но не менее востребована иная, если угодно, дедуктивная точка зрения. «Вопрос об отношении в истории общего к личному, — констатировал ученый, — один из самых капитальных вопросов исторической мысли: общее, являясь под разными названиями: предопределения, судьбы, необходимости, логического закона, не раз клалось во главу угла»⁵¹. Постепенно, по ходу истории значение личности девальвируется. Как писал историк, «чем далее мы уходим от первоначального состояния общества, тем сложнее оболочка явлений, тем хитрее общественный механизм и, стало быть, тем труднее проведение в нем личных целей»⁵². Не согласен историк и с утверждением либералов, что в образованном обществе

---

⁵⁰ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 510.

⁵¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Философия истории и московское государство. С. 3.

⁵² Там же. С. 4.

открывается больше простора для самостоятельности личности. В развитии современного общества ему видится скорее тоталитарные и авторитарные черты, чем либеральные. Полицейское государство не осталось утопией XVIII в., оно постепенно реализуется в настоящем. «Не надо забывать, — писал Бестужев-Рюмин о своем времени, — что здесь личность находится под контролем общества. Многие даже опасаются, за то, чтоб личность совершенно не изгладилась, напр., Миль»⁵³.

Изучение общества вполне вписывается в современные требования исторического исследования, которые обозначает Бестужев-Рюмин. Он подробно пишет об этом, рассуждая о прагматическом значении истории «в наше время». Чтобы не пересказывать мысль ученого, приведу обширную цитату из статьи о С.М. Соловьеве, написанной в 1860 г., что, в частности, объясняет негативное отношение к философии истории, высказанное в ней. Бестужев-Рюмин, тогда еще критик «Отечественных записок», а не университетский профессор, писал о современной ему исторической науке, что «мы ждем от нее полного разъяснения нашего прошлого, анализа тех элементов, из которых сложилось то или другое общество, разгадки причин преобладания того или другого из этих элементов. Мы очень хорошо знаем, что исторические явления не повторяются, следственно никак

---

⁵³ Там же.

не рассчитываем на возможность поступить именно так, как поступлено было в данном случае 200, 300 лет назад; мы знаем также, что главная сущность дела не в явлении, а в тех условиях, при которых оно оказалось возможным или невозможным. Следовательно, вместо повторения летописного рассказа на первый план выступает одно общее нравственное лицо — общество. Законы, по которым живет это нравственное лицо в общей своей сложности, в абстрактной формуле, вероятно, так же просты, как и физические законы естества; но в этом общем виде мы их не знаем; перед нашими глазами они являются в многообразии личностей и народностей, в многочисленных видоизменениях, обуславливаемых местными физическими причинами. Вследствие всех этих причин общий ход истории мы знаем только гадательно, только стремимся узнать его. В приложении философии истории, которые делались до сих пор, в сущности преждевременны и более или менее произвольны: неполное знание ведет к обобщению случайного, к поставлению во главу угла временного, к прославлению того, что было гибельно и т. д.»⁵⁴.

В различных работах Бестужева-Рюмина, как правило, критического характера (историографические обзоры, рецензии) разбросаны многочисленные замечания о методах исторического

---

⁵⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 3–4.

исследования. Основные из них сводятся к следующему: конечной целью работы историка является построение целостной, художественно представленной картины прошлого, в котором выделяются основные смысловые моменты — ключевые события, личности, процессы, репрезентирующие историческую индивидуальность эпохи. Это этап суда над прошлым, его оценки и художественной обработки. Однако завершающей стадии должна предшествовать скрупулезная исследовательская работа. Используя сравнение с деятельностью юриста, Бестужев-Рюмин писал, что «как суду предшествует следствие, так и приговору историка предшествует исследование»⁵⁵. Исследование сводится прежде всего к установлению фактов и усвоению существующей историографии по изучаемой проблеме. Фактографическая сторона кажется менее надежной опорой исторического исследования, поскольку показания, на которые опирается ученый, часто являются неточными и практически всегда — односторонними. Выбор из нескольких свидетельств, который совершает историк, также может быть ошибочным. При этом исследователю не стоит ограничиваться изучением источников, относящихся только к выбранной эпохе и теме. Как отмечал Бестужев-Рюмин, «для историка обязательно иметь общее понятие о главных источниках

---

⁵⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 98–99.

всех периодов и даже поверхностное знакомство с ними, то есть в пределах отмежеванной им себе специальности»⁵⁶.

Следующий этап работы — вычленение в историческом явлении вплетенных в него пережитков и влияний. Речь здесь не идет о поиске какого-либо автохтонного фактографического ядра или тому подобного, но, скорее, о многогранности и преемственности самого исторического процесса. По словам ученого, «в каком бы то ни было обществе новое, ложась на старое, принимает в себя много из старого и выдает тщательному исследованию свою составность: анализ всегда имеет возможность отделить старое от нового, чужое от своего»⁵⁷. Определению многосоставности исторического явления служит, в частности, сравнительно-исторический метод. Он как бы раскрывает историческое явление во вне, ставит его в один ряд с другими явлениями и сопоставляет с ними. Размышляя об этом, Бестужев-Рюмин писал, что «кроме общего (субъективного) взгляд на жизнь и события, требуется изучение явлений жизненных в отдельности и в их взаимодействии; требуется, сверх того, сравнительное изучение, без которого никогда не узнается явление в своей истине, а всегда представляется

---

⁵⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 310–311.

⁵⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 102.

более или менее односторонне»⁵⁸. Сравнительно-исторический метод позволяет от знания исторического периода заключать об определенном общественном устройстве. В этом смысле сравнительно-исторический метод выделяет универсальные черты в каждом, казалось бы, обособленном и индивидуальном историческом процессе, а тем самым позволяет связать разнообразие исторических картин в общую всемирно-историческую панораму. Как отмечал Бестужев-Рюмин, «одно — сказать, что удельный период похож на республиканский период Рима, а другое — указать на то, что у народов одного корня при сходных условиях могут быть сходные учреждения. Последнее есть приложение сравнительного метода, который часто оказывает важные услуги науке и нередко спасает от приговоров уже чересчур *субъективных*. Всегда не мешает знать, прежде чем судить»⁵⁹. Позитивистский привкус сравнительно-исторического метода, правда, несколько настораживал Бестужева-Рюмина в последний период его научной деятельности. Однако он не намеревался отказываться от научных преимуществ, предоставляемых этим методом. Теоретический противовес позитивизму он видел в славянофильстве, в частности, в учении А.С. Хомякова. «Нет, методов опасаться не следует, — писал по этому поводу историк, — а надо стараться,

---

⁵⁸ Там же. С. 123.

⁵⁹ Там же. С. 111.

чтобы деятели получали серьезное образование, и главное, самостоятельное философское понимание. Хомяковское учение должно служить коррективом позитивизму, к которому может быть склонно сравнительное изучение»⁶⁰.

Произведения Бестужева-Рюмина позволяют вычленил еще несколько методологических моментов, на которые указывал историк. Прежде всего, это требование своеобразного вчувствования в исторические события для лучшего их понимания. «Умение войти в чужую жизнь и понять ее — составляет необходимое условие всякого правильного суждения», — отмечал Бестужев-Рюмин⁶¹. И хотя ученый не говорит здесь о сопереживании, однако в его подходе можно усмотреть слабые отголоски философии жизни. Бестужев-Рюмин, к сожалению, не поясняет детально свою точку зрения. Можно предположить, что высказанная им методологическая рекомендация, скорее всего, относится к этапу художественной обработки исторического повествования.

Еще один новый в ту пору методологический прием Бестужев-Рюмин фиксирует у Г.Т. Бокля. Это статистический метод, в свою очередь заимствованный Г.Т. Боклем, как замечает русский историк, у Кэтле. Г.Т. Бокль успешно оперировал статистическими данными в своей «Истории

---

⁶⁰ Там же. С. 139.

⁶¹ Там же. С. 99.

цивилизации в Англии». Общее увлечение Бестужева-Рюмина книгой английского ученого распространилось и на применяемый им метод. «Таким образом, — прогнозировал он, — в будущем этому методу можно предсказать блестящее будущее. Приняв такой метод, Бокль должен был устранить все предвзятые взгляды, и, действительно, сущность его воззрения составляет тот плодотворный скептицизм, без которого невозможно поступательное движение в науке»⁶². Широкого использования статистических данных в трудах Бестужева-Рюмина мы не найдем, но вот вторая половина высказанного методологического пожелания была сполна реализована в историографических изысканиях петербургского профессора. Плодотворный скептицизм стал своеобразным научным девизом Бестужева-Рюмина. «Думаю, — замечал он в одном письме, — что такие сомнения плодотворны для науки; по крайней мере ставится вопрос»⁶³. К вопросу о допустимости в исторических исследованиях статистического метода в последствии неоднократно обращались историки. В частности, на эту тему специально рассуждали Н.И. Кареев и П.Н. Милюков, в конце концов признавшие ограниченность статистического метода в истории.

---

⁶² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Несколько слов о Г.Т. Бокле. С. V.

⁶³ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 42.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

БЮГРАФІИ
И
ХАРАКТЕРИСТИКИ

Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ,
Ешевскій, Гильфердингъ.

К. В. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, х. № 1.
1882.

Любое научное исследование, в том числе и историческое, не может обойтись без гипотез. Гипотеза — модель исторического события и его объяснения, один из возможных путей научной реконструкции прошлого. Однако никогда не следует забывать, что без веских доказательств гипотеза останется только гипотезой, т. е. гипотетическим, вероятностным воспроизведением событий. Использование гипотез в исторической науке должно сопровождаться поэтому соответствующими оговорками, устанавливающими ограничения ее использования. В противном случае гипотеза превращается в историческую иллюзию, выдающую себя за подлинную реальность. Именно такая аморфность границ исторических реконструкций, начинающих жить самостоятельной жизнью, и маскируемая гипнотическим воздействием ироничного аудиторного красноречия, раздражала в В.О. Ключевском Бестужева-Рюмина. Свое суждение о гипотезах в истории он не случайно начинал в одном из писем с упоминания о В.О. Ключевском. «Если В.О. Ключевский допускает гипотезы условно, то я требую от них только одного условия, чтобы было ясно сказано, что это гипотеза. Без гипотез нередко невозможно двигаться и в истории, как и во всякой другой науке. Если известное толкование более других объясняет события, то его непременно следует допустить, особенно если оно согласуется с обстоятельствами времени... Известно, как ценят юристы совокупность косвенных

доказательств. Конечно, при них всегда остается некоторая возможность опровержения неожиданно оказавшимися прямыми доказательствами. Вот почему я и употребляю слово: почти»⁶⁴. Можно добавить, что Бестужев-Рюмин скептически относился к исследованиям В.О. Ключевского. Так он более чем спокойно воспринял «Боярскую Думу» московского ученого, восторженно встреченную многими историками, в том числе и таким учеником Бестужева-Рюмина, как С.Ф. Платонов. В записной книжке, выполнявшей роль краткого дневника, перечисляя прочитанные книги, он упоминал, что читал «Ключевского о Думе (в Русск[ой] мысли) — потуги» (1 марта 1880 г.)⁶⁵.

Основные философско-исторические представления Бестужева-Рюмина и прежде всего его понимание отношения истории к жизни, истории к другим наукам неизбежно приводили его к идее многофакторности исторического развития. Правда, подробного анализа или разработки этой идеи в сочинениях Бестужева-Рюмина нет. Он ограничился лишь общими замечаниями и наблюдениями о многообразии исторической жизни и условий ее развития. «Конечно, — писал ученый по этому поводу, — элементов в истории много и каждому есть свое место, но это место должно быть строго

---

⁶⁴ Там же. С. 34–35.

⁶⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. Р. I. Оп. 2. № 254. Л. 30.

определено»⁶⁶. Диспозиция факторов на историческом жаргоне Бестужева-Рюмина задавалась взаимоотношениями «общих условий» и личностного начала. «Под общими условиями, — растолковывал он, — я разумею политическое, экономическое, умственное и нравственное состояние страны. Ясно, что детальное изучение этих общих условий выясняет деятельность лиц, а такое же изучение деятельности лиц выясняет эти общие условия»⁶⁷. Главным двигателем исторического процесса Бестужев-Рюмин считал идеи. Отсюда и то значение, которое он придавал в истории умственной жизни. «Можно пойти еще далее, — писал он в рецензии на книгу М.О. Кояловича, — умственная жизнь народа есть только одна сторона его жизни и может быть правильно изучена только в связи с другими сторонами, частичное проявление его самосознания. Вот почему историки и вносят, насколько считают удобным и нужным, изображение умственной жизни в свои картины былого»⁶⁸.

Другой существенный исторический фактор — природно-климатическая среда. К нему, надо заметить, Бестужев-Рюмин относился насторожено, считая вопрос о влиянии природы на историю еще

---

⁶⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Методы исторических занятий. С. 292.

⁶⁷ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 12.

⁶⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 95.

недостаточно разработанным. Конечно, географический детерминизм в истории известен давно; он успешно применялся еще в XVIII в., в том числе и русскими историками, например, В.Н. Татищевым и И.Н. Болтиным. О необходимости учитывать влияние природного окружения на историю высказывался Т.Н. Грановский; интерес к этому вопросу в русской историографии был спровоцирован работами К. Бэра конца 1840-х — начала 1850-х гг. Позитивистская историография охотно апеллировала к природе. Природными условиями многие исторические явления объяснял С.М. Соловьев. От проблемы воздействия природно-климатической среды на общество и его историю не остался в стороне и почитаемый Бестужевым-Рюминым Н.Я. Данилевский в своих остроумных рассуждениях о культурородной силе леса. И тем не менее Бестужев-Рюмин ждал новых доказательств, настойчиво культивируя свой плодотворный скептицизм. «Нет сомнений в том, — осторожничал он, — что физические условия, в которые поставлен народ, определяют до некоторой степени его историческую роль: от них зависит его образ жизни, характер... Теперь же вопрос еще очень нов, еще материалы недостаточно собраны для того, чтобы выводы были произвольны»⁶⁹.

---

⁶⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 18.

Ученый не мог не заметить экономический материализм, набирающий популярность в науке и политическую силу в реальности. «Большинство исторических сочинений нашего времени, — писал он в одной из последних рецензий, — обращают преимущественное внимание на внутренний быт народов, их устройство и экономическое положение»⁷⁰. Экономический фактор все больше и больше привлекает исследователей и выходит на первый план их научных изысканий. «Настоящее молодое поколение за некоторыми исключениями... занято экономическими вопросами»⁷¹. Это и настораживало Бестужева-Рюмина. Односторонность подхода непременно приведет к догматизации исторических представлений, к сужению исторической ретроспективы, упрощению исследовательских приемов и примитивизации исторического знания. Развитие же теоретических и философских разысканий в области истории возможно только на почве широкого понимания как историографии, так и самой исторической действительности. «В настоящее время, — с горечью констатировал Бестужев-Рюмин, — многие, прельщаясь новизною предмета, исследуют именно те условия, преимущественно же экономические.

---

⁷⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* [Рец.] Русская история с древнейших времен. Первые пять веков родной страны (862–1262 гг.). Том первый. Н.М. Павлова. Москва, 1896. СПб., 1896. С. 1.

⁷¹ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. С. 11.

Это еще не беда, а беда то, что они свысока смотрят на все, кроме экономических фактов. Впрочем, и теперь встречаются ученые, занятые другими вопросами. Время общих взглядов прошло»⁷².

Подводя итог мнению Бестужева-Рюмина об определяющих исторический процесс факторах, приведу суждение Е.Ф. Шмурло. *«Не о делении материала на главный и второстепенный должен заботиться историк, – растолковывал он позицию своего учителя, – а о том, чтобы не упустить из виду и малейший фактор, участвовавший в создании данного явления. Картина только тогда выйдет полною и правильною, если мы примем во внимание все элементы, из которых она возникла, отчетливо помня, что эти элементы действуют всегда во взаимодействии друг с другом»*⁷³.

---

⁷² Там же. С. 13.

⁷³ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно подводить итог философско-историческим взглядам Бестужева-Рюмина, поскольку он не оформил их в отдельное произведение, а, по-видимому, предпочитал высказывать устно. Тем не менее, многочисленные работы ученого позволяют восстановить его философско-исторические представления достаточно полно. На этом пути, конечно, встречаются и трудности. Главная из них состоит в том, что свои взгляды на теоретические проблемы истории Бестужев-Рюмин излагал по различным частным поводам. Чаще всего это были рецензии и историографические обзоры, в которых не всегда четко удается отделить убеждения самого Бестужева-Рюмина от взглядов критикуемых авторов.

Частные методолого-исторические рекомендации Бестужев-Рюмин, как правило, формулировал по ходу полемики, развернувшейся в русской историографии в 1860–1870-е гг. Специально рассматривавший этот вопрос А.Н. Цамутали отмечал: «В деятельности Бестужева-Рюмина отразился ряд черт, характерных для официальной историографии второй половины XIX в. Часть историков-охранителей сознавала невозможность игнорирования достижений либеральной историографии,

неизбежность обсуждения злободневных проблем, выдвигавшихся чаще всего их противниками, необходимость изучения источников и методов их критики. В этой сложной для официальной историографии ситуации Бестужев-Рюмин попытался найти выход при помощи теории, согласно которой выдвигаемое им направление “идет не от общей мысли к факту, а от факта к общей мысли”. Прежде чем решить главную задачу — “подглядеть законы развития общества”, он считал необходимым заняться предварительной работой по критическому изучению источников»¹.

Невостребованность идей Бестужева-Рюмина, да и подзабытость его имени в науке, побуждала несколько более подробно задержаться на некоторых аспектах его творчества, например, на его интерпретации славянофильского учения. Исходя из этого же обстоятельства, я постарался там, где это возможно, дать высказаться самому Бестужеву-Рюмину, иногда даже без специального комментария. Отсюда многочисленность в очерке цитат из произведений историка.

Интерес Бестужева-Рюмина к вопросам теории, методологии и философии истории вызван не только особенностями его интеллектуального развития и личной склонностью, но и потребностью эпохи. В те годы, на которые падает его творческая

---

¹ Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. С. 230.

деятельность, приходится первые опыты преподавания философии истории в российских университетах. В Петербурге это был М.М. Стасюлевич, в Москве — В.И. Герье. Философско-исторические и теоретико-методологические проблемы затрагивали в своих произведениях и, вероятно, лекциях Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев, чьи занятия, будучи студентом, посещал Бестужев-Рюмин. Явная философско-историческая ориентация присутствовала и у других университетских учителей Бестужева-Рюмина — К.Д. Кавелина и П.Г. Редкина. Да и сам Бестужев-Рюмин позднее критиковал историков государственной школы (того же К.Д. Кавелина, а также С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина) именно за чрезмерное увлечение философскими схемами. Следующее поколение историков продолжило разработку философско-исторических вопросов прежде всего в виде теории и методологии истории. Помимо В.И. Герье, в Московском университете В.О. Ключевский вполне определенно сформулировал свои философско-исторические представления в виде концепции «исторической социологии». Занятия философией истории продолжали ученики В.И. Герье Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов. Учеником В.И. Герье и П.Г. Виноградова был Р.Ю. Виппер — автор многочисленных работ по философским проблемам истории. Другими выученниками виноградовского методологического «семинария» были Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов и П.Н. Милоков, так же оставившие работы по философии истории.

*Могила К.Н. Бестужева-Рюмина
на Новодевичьем кладбище. Санкт-Петербург*

П.Н. Милюков помимо П.Г. Виноградова был учеником В.О. Ключевского. Не менее плодотворно разрабатывались философско-исторические вопросы и в Петербургском университете. Можно указать на определенную теоретическую преемственность между Бестужевым-Рюминым и А.С. Лаппо-Данилевским. Ряд положений его «Методологии истории» обнаруживает параллели с идеями Бестужева-Рюмина. После окончательного оставления Бестужевым-Рюминым преподавательской деятельности в Петербургский университет перебрался Н.И. Кареев. В начале 1920-х гг. уже на основе философии всеединства создавали свою философию истории Л.П. Карсавин и С.Л. Франк.

Нельзя сказать, что философско-историческая проблематика не привлекала внимание Бестужева-Рюмина в какой-либо период его деятельности. В интеллектуальной биографии ученого можно четко выделить три примерно равных по продолжительности творческих периода: журналистский (со времени окончания Московского университета в 1851 г. и до перехода в Санкт-Петербургский университет в 1865 г.); университетский (1865–1882); и период позднего творчества (1882–1897), когда историк писал в основном рецензии и некрологи. Наиболее плодотворным в научном плане был университетский период, хотя многие основные философско-исторические положения Бестужев-Рюмин высказал еще во время своей журналистской деятельности. Однако и в ранней публицистике, и в его работах, связанных с преподаванием

в университете, заметен налет скептицизма в отношении традиционалистских подходов к решению философско-исторических проблем. В произведениях, написанных Бестужевым-Рюминым в последние годы жизни, уже явно ощутимо доверие к философскому взгляду на историю и усиление религиозных настроений.

По сравнению с другими петербургскими учеными Бестужев-Рюмин заметно выделяется живостью увлечения философией истории. Этим он отличался и от грузно-основательного и занудно-самодовольного Н.И. Кареева, и от застегнутого на все пуговицы, непроницаемого А.С. Лаппо-Данилевского, доходившего в своем академизме до эзотеризма. Насколько темпераментнее и эмоциональнее на их фоне выглядит Бестужев-Рюмин! У него не аналитика, а переживание, страстное вхождение в предмет, стремление в этой страстности (без иступления, а всегда достаточно деликатно) дойти до «существа», которое Бестужевым-Рюминым именно пережито, а не исчислено. Он говорит об истории как о самопознании народа, но самопознание у него всегда выводится в связь с современностью, смысловой трепет которой и оживляет прошлое. Самопознание истории, таким образом, есть переживание того, что касается нас самих, эхом отдается в вибрациях настоящего. Чтобы уловить смысловые колебания минувшего и оживить их в настоящем, необходимо быть художником, поэтому, собственно, историк-художник и должен, по мысли Бестужева-Рюмина, венчать работу собирателя фактов.

Поэтому же, вероятно, Бестужев-Рюмин, при всем своем уважении к С.М. Соловьеву, не мог примириться со схематизмом и догматизмом его построений и тянулся к Н.М. Карамзину, а позднее стал пропагандистом концепции Н.Я. Данилевского, увидев в его теории если и не артистическую отделку фактов и живость исторических портретов, то, по крайней мере, непосредственное воздействие прошлого на настоящее, постоянное возрождение исторического смысла и взаимное отражение исходящих от прошлого и настоящего смысловых импульсов.

И последнее. Можно было бы перечислить те философско-исторические идеи, которые были высказаны Бестужевым-Рюминым, чтобы дать представление о его концепции. Однако не все из них были восприняты, не все были оценены. Лишь несколько положений было подхвачено следующим поколением ученых. Лучше всего их почувствовал и передал Е.Ф. Шмурло. «Вот эта-то широта в постановке вопроса, — писал он, — этот критицизм, эта научная объективность — и есть то, что составляет направление К. Н., его характерную особенность, как историка, — то, что он передал другим более, чем кто иной. Таким образом, его значение в идеальных требованиях к истории, как науке, — к историку, как ученому»².

---

² Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 162.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА К.Н. БЕСТУЖЕВУ-РЮМИНУ

Письма В.Г. Васильевского К.Н. Бестужеву-Рюмину (РО ИРЛИ РАН. 24.709)

«Позвольте мне, Константин Николаевич, сделать завтра набег на Вашу библиотеку. Если Вас не будет дома около часу или двух, то оставьте мне 1) <...> Погодина V том и тот, где идет дело о затмениях и прочих небесных знамениях; а также 2) Самчевского статью о торках и т. д. Если захотите быть уж слишком добрым, такой грех за Вами водится, так прибавьте что-нибудь от себя о печенеггах. Эти книги мне очень нужны, а между тем вдруг оказалось, что все библиотеки, не исключая и Публичной, заперты до вторника. Возвращено все будет в наискорейшем времени. Глубоко уважающий Вас Васильевский.

Суббота, 1-го июля [1872 г.?]» (л. 1).

«13 декабря 1889 г.

В.О., двенадцатая линия, 29

Достоуважаемый, дорогой
Константин Николаевич!

В субботу 2 декабря вечером с Е.Е. Замысловским случился удар. Сначала вести были самые тревожные, говорили о кровоизлиянии в мозг, потом

стали определять его болезнь как нервный удар. У него поражена, говорят, одна сторона, но он сохранил способность двигаться и переходить из одной комнаты в другую; долго оставался в бессознательном или полусознательном положении, не мог говорить. Он до сих пор никого не хочет видеть, кроме жены, которая за ним безотлучно ухаживает, не пускают к нему даже детей. В последний раз я видел Елену Николаевну вчера, и узнал от нее, что Егору Егоровичу стало гораздо лучше; к нему воротился — если не аппетит, то хоть позыв к пище, он стал произносить слова гораздо более внятно, хотя все-таки, бедняжка, желая варенья требует ревеню, интересуется тем, кто у него был: одним словом, к нему вернулось сознание. Все-таки опасения — и самые печальные — не исчезли. Я нарочно не иду к нему на квартиру и не посылаю теперь, чтобы вместе с Вами оставаться при надежде на лучшее, пока в этом есть основание. На меня этот удар произвел самое удручающее и горькое впечатление — и не с личной точки зрения, так как в последнее время мы с ним больше сблизились и между прочим делились сообщениями о своих недугах, казавшихся нам довольно схожими, но и с общей. От Вас я научился ценить ученую деятельность Замысловского, а потом и сам видел, как влиятелен и важен его голос в совете — например в Археографической комиссии, где он весьма авторитетно умел обуздывать М.И. Семевского, да и других — повыше калибром.

Относительно возможных его преемников я знал Ваши идеи, их разделял и разделяю. Когда Хивронский спрашивал меня о кандидатах в Варшаву, я указывал ему на Шмурло и на Филевича, прибавляя, что первый имеет преимущества, как обладающий <...> правами (ученая степень), и что за старого — Ваш голос. До сих пор из Варшавы, однако, ничего нет. Сам Шмурло все-таки не прочь был поехать в Варшаву, и причины — понятны. Теперь на первом плане, как и Вы полагаете, стоит Платонов. Никого постороннего нам не нужно; не знаю откуда возникло предположение, что к нам будет проситься Д.И. Иловайский. Но — это мне кажется — во-первых, невероятным, а во-вторых, и не желательным. Многое будет зависеть от оборота, какое примет болезнь Замысловского. В субботу утром (того же 2-го декабря) он в университете после лекций рассуждал о пенсии и говорил, что радуется приближению своего 25-летия; а в пятницу 8-го ему действительно исполнилось 25 лет службы. Ректор при посещении предлагал Замысловской хлопотать о назначении полной пенсии и о пособии на лечение, но Елена Николаевна, по совету Майкова, отклонила пока предложения, она справедливо полагала, что ей нельзя принимать решения, ибо в случае выздоровления или улучшения Е<гора> Е<горовича> устроенная помимо его воли отставка могла бы подействовать на него очень неприятно. Сегодня я говорил с ректором в этом смысле. Пока Замысловский будет числиться профессором:

вероятно, такое именно решение будет принято и министром. Отсюда следует, что и в факультете, в котором будут обсуждать вопрос в следующую субботу, пока могут быть приняты только временные решения — о поручении обязательных лекций одному из приват-доцентов: удобно ли делить между двумя? Вот если бы один из них был доктор, то его можно было бы подвинуть в экстраординарные, а другой вступил бы в его права — относительно вознаграждения (уже даже было решено хлопотать о назначении Платонову постоянного содержания в 900 р[ублей]). Что нам нужно двоих, с этим я вполне согласен. Полагаю, что Вы могли бы написать об этом министру, и голос Ваш непременно будет иметь большой вес. Но нужно ли это делать теперь или погодя, Вы сами решите; я не могу сообразить, что лучше.

Сообщаю Вам, глубокоуважаемый Константин Николаевич, еще две новости — более приятные. Открылось историческое общество, которого и Вы состоите членом учредителем. Наши общие молодые друзья устроили при этом историю: выбрали председателем меня и тем обидели Кареева, который, действительно, имел все почти права на сей пост. Я согласился (и не хорошо сделал) быть <...> Мерovingом, а Кареева прочил в Каролинга. Однако он не пожелал даже временно играть роль Пипина Короткого и предпочитал сделаться Карлом Великим. Без него вести дела было бы трудно, поэтому и весь его кабинет подали сейчас

же в отставку, предложив, согласно с конституционными обычаями, Кареева, который и <...> былое согласие министерства. В этой истории было много забавного.

А вот, что Вас удивит. Передо мною лежит несколько час[ов] тому назад полученная записка от Я.Н. Грота <...> следующее:

“...спешу сообщить Вам, что в сегодняшнем (12 декабря) заседании И[сторико-] Ф[илологического] отделения сек[етарь] Куник прочел прекрасно составленную им, весьма обширную записку о Ваших трудах, и затем прочитано было подписанное тремя ординарными академиками предложение об избрании Вас в академики. В 1-м январском заседании отделения состоится баллотировка...”

Стоило бы рассказать Вам нечто из подготовительной истории такого события, но приходится отложить до другого раза.

Стахеев говорил у Строева, что Вы чувствуете себя хорошо, по его выражению “смотрите молодцом” в Крыму, и очень нас обрадовал. Дай Бог, чтобы так шло и дальше. Кланяйтесь Лисавете Васильевне от души Вам предан В. Васильевский» (л. 5–6).

«Глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

Очень горестно мне было разочарование в радостных представлениях о состоянии Вашего здоровья и вообще о Вашем житье-бытье в Ялте. Вот уж по истине многи скорби праведным. Будем

надеются на лучшее в наступившем году, с которым Вас и Лисавету Васильевну по обычаю и поздравляю, присоединяя самые <...> и сердечные пожелания, чтобы он начался и прошел для Вас вполне благополучно. Думаю, что племянница Ваша должна была в этот промежуток времени выздороветь, и теперь, конечно, поправляется. Питерская осень была страшно тяжела и для петербургских: куда не пойдешь, везде были больные. У меня тоже жена пролежала две недели в постели и теперь только начала вставать; жена Гревса и до сих пор страдает <...> нервов, — следствие инфлюэнции и т. д. О Замысловском Вы, конечно, знаете, что он теперь гораздо лучше и даже выезжает кататься. На днях я у него был и разговаривал: оказывается, что он читает Карпова “За... Богдана Хмельницкого” и составил себе о ней мнение, как о вещи интересной и хорошей. Из любопытства и я взял книжку и прочел ее; суждения Егора Егоровича, по моему мнению, было правильным. Значит, хороший признак. Опасность заключается в том, что Замысловский слишком уж занят учеными работами; он говорит не без труда, и уже собирается на диспут Чечулина и т. п. Не прочь, однако, “на полгода отдать себя в руки врачей” и “поехать за границу месяца на полтора”. Отмечаю его собственные выражения; когда я их передал Елене Николаевне, то она обрадовалась, из этого я заключил, что она еще не решается говорить прямо об отъезде с больным.

Решение факультета о замещении Замысловского на будущий семестр именно такое, какое я предвидел. Обязательные четыре лекции поручены Платонову, которому еще ранее предназначено было постоянно содержание в 900 р[ублей] и будет добавлено 200 рублей (за полгода). Шмурло остается пока в прежнем положении. Вы замечаете в Вашем письме, что я не высказал собственного мнения о Шмурло. Но я должен Вам признаться, Константин Николаевич, что собственное мое мнение весьма мало разнится от Вашего — уже потому, что оно составлено на основании Вашего: и не стыжусь того, что оно не самостоятельно. Впрочем, я и собственными наблюдениями убедился в том, что Евгений Францевич человек весьма талантливый, и притом еще отличный ученый работник. Из разговоров с ним, по вступительной лекции о Петре В[еликом] я знаю, что полет его мысли и общие научные стремления даже гораздо шире, чем это он успел выразить в напечатанных своих трудах. Есть даже некоторое наружное противоречие между кропотливостью его ученых приемов и его склонностью к философскому (скажу так) мышлению. Он преклоняется перед бенедиктинцами, но еще не отрекся от Гегеля (в смысле нарицательном), кажется, и не намерен отрекаться; а ведь это очень трудно совместить. Платонов имеет то преимущество, что он гораздо уравновешеннее, более определен и гармоничен. У него удивительно счастливо соложена голова, мысль его, равно как и исследование, всегда

отличается ясностью и определенностью, выражается с полной точностью. Из него вышел бы отличный юрист. Он всегда шел гораздо прямее к своей цели, и оттого обогнал своего старшего товарища. Ничто не мешает им обоим оставаться в одном университете. Между ними, несомненно, существует затаенное соперничество, но как люди порядочные они могут ужиться совершенно приличным образом. По всем наличным данным и по всем признакам положение обойденного человека <...> оставались бы на стороне Шмурло, и ему пришлось бы подавить в своей душе некоторый росток гречи... Я догадываюсь, что именно перспектива такого положения заставляет Шмурло желать Варшавы. Что с этим сделаешь? А нет никакого сомнения — для меня, что Филевич вполне пригоден для Варшавской кафедры. Однако Лавровский молчит. Может быть, он ждет возможности делать выбор между формально равноправными?

Во вторник, 9, меня будут баллотировать в отделении, а в феврале в общем собрании. Завтра вместе с Веселовским отправляемся благодарить министра и его товарища за ленты, которые нам прислали на новый год. <...> поздравляет Вас с подобным же украшением.

Еще раз желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

Сердечно Вам преданный

В. Васильевский

6 января 1890

В.О. XII, 29» (л. 7–8).

«15 апреля 1890

Дорогой и глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

Очнувшись, спрашиваю себя: отчего я так долго не отвечаю на Ваши письма? И сам не нахожу удовлетворительного ответа. Просто какое-то оцепенение овладело мною после вступления в Академию. С Вами, по-видимому, наоборот. Я чрезвычайно рад и тому, что Вас выбрали, и тому, что Вы этим довольны. Вот и Вам я мог бы сказать: лучше поздно, чем никогда. Я все-таки остаюсь при своем мнении, что Вам следовало бы быть избранным еще в 1872 году. Теперь же рассуждаю так, что вот до сих пор в Академии была варяго-русская и русско-византийская история, наконец — хотя в другом отделении — есть и просто русская. Впрочем, я тут забываю Дубровина, которого мы проводим в экстраординарные: А.А. Куник сочинил записку о его ученых трудах, которая и была прочитана в прошлом заседании, и мы подписали представление. Сверх того, как, конечно, знаете, что идет речь о пересмотре академического устава, вероятно даже — и Вам отправили надлежащие документы и просили Вас о доставлении Вашего мнения. Вот я и надеюсь, что Вы тоже проведете мысль, что в Академии должна быть как русская, так и византийская история — сама по себе. Вообще меня тяготит и смущает доставшийся мне и в Академии титул русского историка — в смысле историка России; я выбран на русскую и византийскую историю; и я одну половину хотел бы с себя

сложить. А в ось тогда я с новым усердием взялся бы за свою комиссию... Я не знаю, каких подробностей Вы ожидали бы относительно Вашего выбора. Я не участвовал в проведении дела в отделении, а только в общем собрании, где Вам положили два шара неизбранные. Кто это умудрился сделать, никак не могу догадаться. Дубровина в этом заседании не было, да при том, если бы он и был, то все равно не решился бы на такое святотатство. Он простой и добрый — генерал (не ловко было сказать: малый). Пафнутий Львович (Чебышев), имеющий обычай всем класть черные, тоже, говорят, на сей раз отступился от своего правила и показывал Васильеву, что он опускает белый. Итоги — загадка. Всего вернее, что оппозиция шла из среды немцев-натуралистов. Президент очевидно был очень порадован результатом. Действительно — если бы немцы согласились и были бы похрабрее, то они могли бы оказать и более сильную оппозицию...

Теперь об университетских делах. Вы пишете, что был один диспут по византийской истории (Безобразов) и два по русской: в одном, на последнем, я участвовал, а Лаппо-Данилевскому я все-таки не попал в лапы, хотя он этого и желал. Отдувался Кареев, и ничего — спустил, как говорить, дело благополучно — для себя. Я все-таки читал книгу Лапы и тут только подумал, что я уже слишком много хвалил Чечулина (на диспуте), и что если бы мне пришлось участвовать в диспуте Лапы, то какие же еще более <...> выражения я мог бы найти?

Интересно будет узнать Ваш отзыв об этом во всяком случае занимательном явлении. А были люди, которые сомневались в даровании и уме Лапы. Теперь готовлюсь к диспуту Филевича, изучаю его книгу. Оказывается, что спорить есть о чем. Он очень даровитый человек, но запоздал, и мог бы сделать гораздо больше, если бы не принужден был торопиться. По Вашему желанию я писал о нем в Варшаву Будиловичу, и получил такой ответ, что он сам и с ним другие имеют в виду Филевича (о Шмурло уже нет речи), но есть партия <...> Молчановского, и поэтому Будилович желает от меня еще какого-то письма о Филевиче не позднее последних чисел мая на имя Лавровского или его <...> (Антон Семновича). По-видимому, требуется формальная рекомендация. Я напишу ее после диспута, после 20-го.

Еще я должен Вам сказать, что, увы, вопреки Вашим желаниям, я не буду и не могу отказываться от редакторства в Журнале мин[истерства] народ[ого] просвещ[ения], если Майков уйдет (он думает это сделать к лету или летом — не позже июля) и если мне будут предлагать. Мне внушили мысль, которую я усвоил, что помощником мне уже неуместно оставаться при всяком другом новом лице. А если я откажусь <...> от журнала, то, значит, потеряю почти тоже самое, что выиграл с вступлением в Академию (где я получаю, конечно, половину содержания). К сожалению, дела мои шли так, что после оставления женских курсов денег мне все не хватало и вследствие дефицитов приходилось

даже занимать деньги. Вот неприглядная и внешняя сторона дела. Но в утешение Ваше — впрочем, в утешение ли? Сообщаю Вам и дальнейшие комбинации. Фактическим редактором будет Платонов, который будет числиться моим помощником: он будет играть роль Майкова при Феоктистове. Платонов от этого весьма не прочь. Вы сами догадываетесь, что я мог бы сказать в пользу такого плана. Дальнейшие следствия: Платонов оставляет место в Лицее и передает его Шмурло, так что если Шмурлу мы (при новом ректоре — Помяловском¹) устроим в университет с 900 рублями, то и он будет обеспечен и получит возможность бросить свои уроки в гимназиях и в частных домах, мешающие ему работать.

Однако, мне пора собираться на экзамены в Университет. Этих экзаменов стало очень много. Сегодня — утром полугодовые, а вечером мнимо-государственные в Комиссии. О пересмотре гимназического устава так и не пришлось Вам сообщить ничего.

Будьте здоровы! Кланяйтесь Лизавете Васильевне. Сердечно Вам предан

В. Васильевский» (л. 9–10).

---

¹ Он по осторожности остается на год исправлять должность, и деканом Никитин (Прим. В.Г. Васильевского — А.М.).

«Достоуважаемый
Константин Николаевич!

Вы, конечно, в свое время прочли в газетах печальную новость о смерти нашего бедного Ивана Павловича Минаева. Он умер в немецкой больнице, куда его перевезли из Европейской гостиницы. Никого из близких подле него не было в последние дни: племянницы только случайно успели к его похоронам; они спешили чтобы встретить его при возвращении из Парижа, не зная определенно дня, и на <...> дороге узнали, что он не только возвратился, но и отправился в более дальнюю страну. Его привез из южной Франции преданный его ученик Щербатской, сменивший ухаживавшего за ним Ольденбурга. Что выдывали над ним французские доктора — столь ужасно, что хочется повторить толстовское «мерзавцы». Они лечили его от болезни почек, пичкали лекарствами, которые Ольденбург советовал больному выбросить за окно, п[отому] ч[то] от них ему делалось хуже, приставляли к голове мушки, посылали на кумыс в Россию, по которой, впрочем, Иван Павлович очень скучал; он думал, что здесь ему будет легче, рассчитывал поселиться в Царском Селе, столь близкой кончины он не ждал и, кажется, не оставил ни завещания, ни какого-либо распоряжения, относительно своей библиотеки и бумаг. Я был у него накануне смерти и ранее; Майков, по моей записке, явился к нему в пятницу и был свидетелем его последних минут. Исправляющий должность ректора приехал из Меррскюля

и сделал все распоряжения, каких требовал от университета приличие и обычай, то есть — прежде всего о выдаче пятьдесят рублей на похороны. Ламанский приехал из Боровичей накануне. Мы с Розеном написали наскоро некролог и наделали ошибку: Иван Павлович кончил курс в Тамбовской гимназии, а не в Московской, он был годом моложе, чем мы сказали, и ездил в Индию три раза. Это будет исправлено в Журнале мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]. Ольденбург <...> из-за границы напишет статью о трудах Минаева. Он думает об издании его статей, как тех, что были напечатаны в Журн[Але] мин[истерства] нар[одного] просв[ещения], так и оставшихся в бумагах. Но тут-то и ожидаются затруднения со стороны наследников, так как ближайшими признаются не те племянницы, которые жили здесь в Петербурге, а другие, к которым покойный не имел большой симпатии.

С 5-го числа я считаюсь редактором Журнала мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]. Вместе с Платоновым принимали дела от Майкова, хлопот было не особенно много, но затем пришлось читать разны статьи, о которых следовало произвести решение, потом корректуры... Пожалуй, что я немножко и устал, несмотря на ревностное участие Платонова. Мы — и всего более я, а не Майков — виноваты перед Вами в том, Константин Николаевич, что одна из Ваших рецензий, которая могла быть помещена еще в июньской книжке,

появится только в июле вместе со всеми другими приложениями. Буду ожидать дальнейших.

Замысловского я не видал. Но по сообщениям других он физически поправился — не совсем, однако, п[отому] ч[то] бывают болезненные припадки. Он объявил Платонову о своем намерении подать в отставку, но, по-видимому, не сейчас. Е[гор] Ег[орович] хочет оставаться в университете, пока не устроит в нем Платонова, то есть не обеспечит за ним наследства — вероятно, пользуясь своим влиянием на министра. В тоже самое время он потребовал от Платонова, чтобы он теперь же выходил из Института, где Замысловский хочет устроить Лаппу... Платонов находится теперь в таком настроении, что предполагает последовать прежде всего этому последнему приглашению; но я думаю, что во всяком случае он имеет право на летние месяцы и может подождать до августа. Как скоро Платонов достигнет определенного положения в Университете, то есть жалованья экстраординарного профессора (как теперь Введенский признан исполняющим должность экстраорд[инарного]), он откажется не только от Института, но и от Лицея. Жестко было бы осуждать Замысловского, совершенно понятно, что ему тяжело свыкнуться с мыслью — совсем сойти со сцены. Но он напрасно все берет на себя и несколько мудрит, что, пожалуй, повредит ему самому. Ректор думает, что дело Платонова устроится само собою, как скоро Егор Егорович подаст в отставку; он надеется с успехом

противодействовать всяким попыткам на вторжение со стороны, буде такие последовали бы.

Будилович мне писал, что он надеется провести Филевича, несмотря на противодействие некоторых членов факультета (Павинского? Любавича). Вероятно, что дело это уже в движении. Филевича на диспуте я немножко пробирал; человек он талантливый, но книга написана спешно. Я с ним совершенно не согласен относительно 1340 года.

Душевно Вам преданный
В. Васильевский
Кланяйтесь Лизавете Васильевне
15 июня 1890

P.S. Завтра я уезжаю на дачу, где пробуду две недели, до 1-го июля, когда мне следует быть в Петербурге по делам редакции — не надолго. Прошу Вас адресовать письма и присылать вообще рукописи ко мне на дачу: Николаевская железная дорога. Станция Торбино, Александру Петровичу Нечкину для передачи. А если что срочное для напечатания, то на имя Платонова в редакцию (Троицкая улица, № 11).

Увы, сейчас получил от Волконского приглашение в какую-то новую комиссию по рассмотрению гимназических программ, на понедельник 19-го; пожалуй, придется остаться» (л. 11–12).

«Дорогой и глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

Поручения Ваши будут исполнены. Грота в день юбилея здесь не будет, Академия пошлет ему адрес,

который готовит и завтра — в субботу — прочитает Л.Н. Майков, до сих пор остававшийся единственным наличным членом Второго отделения. В Москву к Шереметьеву он не поехал — вследствие того, что заболел скарлатиною его племянник, Вовочка. Это наделало Леониду Николаевичу немало забот и тревог, хотя болезнь и приняла с самого начала нормальное течение. Думаю, что и письмо Ваше Гроту следует передать Леониду Николаевичу, который, конечно, знает его адрес и сегодня. По вопросу о замещении Науки назначена Комиссия, в которую за исключением политэкономов вошли, кажется, все остальные члены нашего отделения. Спешить, однако, не будем. Кондакава мы с Майковым между собою называли, но приходили к заключению, что он имеет свои взгляды, которые будут его склонять на сторону Леонтьева, если только он не сочтет своею нравственною обязанностью стоять за Ернштедта, который наряду с ним был еще предлагаем Наукам.

Я только на днях перебрался в Петербург, но довольно лениво начинают собираться и другие. Вчера появился А.Ф. Бычков.

Желаю Вам от души доброго здоровья и спокойного завершения отдыха. Кланяйтесь Лизавете Васильевне.

Искренне и глубоко Вам преданный

В. Васильевский

4 сентября 1892, С.-Петербург

Троицкая, 27» (л. 13).

[конец ноября 1892 г.]

«Глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

Никитин обещал написать те десять строк о России, которые нужны при представлении в почетные члены. При случае я напому ему еще раз.

Л.Н. Майков написал некролог Галахова для февральской книжки. Теперь очередь за Вами.

Ваш
В. Васильевский» (л. 15).

«Глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

Начинаю сомневаться в том, что успею к Вам собраться сегодня после заседания в Академии, и потому извещаю Вас на всякий случай письменно, что маленькую Вашу статейку о Барсукове мы напечатаем в мелком шрифте за этот месяц, а другую — отложим до июня. Весьма желательно, чтобы Вы сказали несколько слов о Преснякове: это для молодого начинающего таланта будет хорошим предзнаменованием.

От сердца Вам преданный
В. Васильевский.
21 апреля 1893» (л. 16).

Письмо М.В. Безобразовой К.Н. Бестужеву-Рюмину (РО ИРЛИ РАН. 24640/CZXXIX6 12)

[1888–1889 г.(?)]

«Милостивый государь,
Константин Николаевич.

Простите, пожалуйста, что я обращаюсь к Вам с большой просьбой: меня просили узнать у Вас следующее, а я обещала, что напишу — решились ли бы Вы предоставить кафедру на высший женских Курсах женщине, имеющей докторский диплом заграничного университета и рекомендацию тамошних профессоров, и могла бы она читать лекции, не подвергаясь дальнейшим формальностям, и как узнать будут ли к тому препятствия? От кого это зависит? Может быть, нужно прежде представить магистерскую диссертацию или это не нужно, по возвращении сюда она может получить кафедру по своей специальности, если таковая окажется свободною?

Я надеюсь, что удастся зайти на Курсы 27-го, если мы только раньше не уедем!

С выражением самого глубокого моего уважения остаюсь готовая к услугам

М. Безобразова
21-го мая
В.О., 2 л., № 33» (л. 3).

Письмо И.М. Гревса К.Н. Бестужеву-Рюмину
(РО ИРЛИ РАН. 24757/CZXXX67)

«Флоренция
17/29 сентября 1890

Глубокоуважаемый
Константин Николаевич.

Надеюсь, что Вы простите меня за беспокойство, которое я собираюсь причинить Вам своею просьбою о помощи. Но зная, как глубоко и разнообразно изучили Вы Рим и как много можно почерпнуть нового и интересного из одного разговора с Вами о римских древностях, зная, с другой стороны, как охотно Вы даете научную помощь всем нуждающимся в ней, я, находясь в Италии и чувствуя себя во многих отношениях научно беспомощным, решаюсь прибегнуть к вашему руководству. Я командирован за границу на год, главной задачей мне поставлено — подготовить диссертацию по истории классов общества в последний период Римской империи. Но когда я приехал в Италию, мне стало совершенно ясно, что пока диссертацию надо отодвинуть на время и вернуться к большей древности, воспоминания о которой так сильно охватили меня. Я чувствую, что если я не займусь теперь здесь, в Италии, археологиею этрусскою, греко-римскою, христианскою и отчасти средневековою, то многие впечатления, которые могут значительно содействовать расширению умственного кругозора

вообще и научного развития в частности, пропадут даром и невознаградиво.

В археологии я могу назвать себя почти полным профаном, занимался я лишь немножко первобытною культурою и доисторическими древностями Франции; руководящих указаний мне не было дано никаких, и приходится отыскивать все самому и библиографию систематизировать, как умею, изучение и т. д. Разумеется, вследствие этого делаю промахи, пропускаю, разбрасываюсь <...> и теряю время, которое мне надо очень беречь.

Теперь мы с Машей находимся во Флоренции, страшно увлечены чудными памятниками, которыми она переполнена, страстно изучаем ее. Подготавливаясь к Риму, я теперь занимаюсь топографией древнего города, и в этом направлении, кажется, познакомился с главною литературою этого вопроса.

Но мне бы хотелось захватить римскую археологию пошире, и тут-то и прошу Вашей помощи. Не будете ли добры указать мне в двух словах на несколько основных сочинений по римской археологии, римскому древнему искусству, с которых [“надо начинать занятия” — зачеркнуто] удобнее всего начинать занятия, на несколько научно-иллюстрированных изданий по монументальной истории Рима. А затем не можете ли Вы назвать несколько лиц в Риме, от которых я могу получить помощь и руководство.

Замечательно сильное средство для научно-го саморазвития — воспользоваться пребыванием

за границей, это чувствуешь и сознаешь здесь ежеминутно, и приходится жалеть, что педагогические занятия, которым приходилось отдавать последние годы значительную часть времени, помешали мне, постоянно прерывая научную работу, хорошо подготовиться к настоящей поездке. Все-таки кое-что надеюсь вынести, кое в чем подвинуться. Пробуду в Италии до декабря или января месяца, а затем отправлюсь в Париж, где засяду уже за диссертацию.

Через неделю отправляемся в Рим, куда я очень прошу написать мне два слова в ответ на мою просьбу.

Ничего не знаем о Вашем здоровье, надеемся, что Крым укрепит Вас, и что Вы чувствуете себя хорошо. Дайте весть и о том, как Вы поживаете.

Еще раз, Константин Николаевич, извините, если затрудняю Вас своею просьбою и позвольте выразить Вам и Елизавете Васильевне от жены и меня почтительное приветствие с искренним пожеланием всего хорошего.

Глубоко Вас уважающий

Ив. Гревс

Пишите — Rome, poste restante
Iwan Greaves» (л. 1-2).

Письма Д.И. Иловайского
(РО ИРЛИ РАН. 24812/CZXXX6/6)

«5 апреля 1865 г.

Сейчас, дорогой Константин Николаевич, получил ваше письмо, и немедленно отвечаю. Вашему избранию я, конечно, весьма радуюсь, и вашему будущему курсу посылаю всевозможные пожелания. Что касается до задуманной вами широкой основы, то здесь, если и можно чего опасаться, это: чтобы не надорвать себя с первого же года усиленной работы. Я в настоящее время преимущественно настроен на размышления об этой теме. Общеславянская основа, конечно, выбрана вами очень верно; только порядочных монографий то для нее [“у нас” — зачеркнуто] почти нет; придется иметь дело с одними материалами или с сочинениями, которые также имеют значение сырых материалов, и приводить все это к одному знаменателю.

Слух о телеграфической депеше к Арциховскому не верен; я писал ему, что в Одессу не решусь ехать, и если поехал бы на юг, то не далее Киева. В Киев я писал к Шульгину, прося его уведомить о настоящем положении кафедры рус[ской] истории; но ответа еще не получил. Когда не хотел туда ехать, то ко мне обращались два раза; а теперь, когда решился, не добьюсь простого уведомления.

Что касается до моих нервно-ревматических болей в голове, то они так меня ослабили, что какие-нибудь полчаса пристальных занятий вызывают

немедленно сильный лом и головокружение. В последнее время я обыкновенно хожу из угла в угол, играю с детьми, несколько раз в день бываю на бульваре, заставляю себя читать сказки изд[ания] Афанасьева, хрестоматию Стасюлевича и т[ому] подоб[ные] легкие вещи.

В августе и сентябре я задумал совершить поездку в Белоруссию. Теперь думаю о том, не предпринять ли ее в мае, так как и этот месяц, по всей вероятности, работать буду в собрании. Во всяком случае увижусь с вами; но не знаю еще, ехать ли прямо отсюда на Витебск и Полоцк, а потом возвращаться через Петербург, или сначала в Петербург и оттуда спуститься по железной дороге. Вероятнее, что из Москвы поеду прямо.

За Бокля очень благодарен; еще не получав его. Коялович пока ко мне ничего не писал². Попов действительно недаром прожил полтора года в славян[ских] землях. Он в разговоре постоянно ими бредит.

Жду ваших исторических рассказов для народа.

Ваш Д. Иловайский» (л. 41–42).

---

² Если его увидите, то передайте, пожалуйста, следующее. Он белорус и у него вероятно много там знакомств. Не сообщит ли он мне несколько адресов (прямо или при вашем посредстве) местных археологов, этнографов, историков, статистиков или других каких <...> людей, к которым бы я мог обращаться во время своей поездки за <...> сведениями. Приблизительно я намерен посетить, кроме Витебска и Полоцка и его окрестностей, Гродно, Литву, Жмудь, если хватит времени, то и часть Минской губернии, проехать в Варшаву (Прим. Д.И. Иловайского — А.М.).

«Москва 1866 года
26 января

Дорогой Константин Николаевич! Я все соби-
рался ответить на ваше дружеское письмо, и все
хотел выбрать для этого время, когда голова про-
светлится. Наконец мне стало уже совестно так
медлить.

Мое состояние все еще очень неудовлетвори-
тельно. Хотя вообще мне как будто легче, но воз-
можность работать еще далека, и я все еще осужден
прозябать бесстыдно.

Вы думаете написать биографию Ешевского,
доброе дело, и, если можно, не откладывайте. Бла-
годаря беспечности друзей Грановского и Кудряв-
цева, у нас до сих пор нет их биографии.

О Москве я, кажется, ничего не могу вам сооб-
щить интересного, потому что нигде почти не бы-
ваю и почти никого не вижу. Несколько раз в день
хожу гулять; читаю что-нибудь неголоволомное,
и более слушаю, нежели сам читаю. О том, что пред-
принять весной: оставаться ли тут или уехать, еще
не решил.

Будьте здоровы. Не сетуйте на меня за медли-
тельность. Ваши письма для меня всегда приятное
событие.

Ваш Иловайский» (л. 45).

«Дорогой Константин Николаевич.

Не оправдываюсь в том, что я так давно не пи-
сал вам, хотя бы мог указать на разные смягчающие

обстоятельства, но должен также значительную долю все же отнести к собственной лени. Теперь пишу к вам, по крайней мере, в тот момент, когда чувствую себя почти здоровым. Лето прошлое я провел в Сокольниках; там обрушились на меня тяжкие потери и беды. Вслед за тем я заболел сильнейшим воспалением брюшных внутренностей, и несколько дней, как мне после сказали, был близок к смерти (сам я этого не заметил). Выздоровление было очень медленным, и теперь еще желудок не пришел в прежнее состояние; боли по временам возобновляются. Но эта острая болезнь оказала на мне с другой стороны услугу: она облегчила мою хроническую головную боль. Последняя хотя и не прошла еще совсем; однако я получил возможность работать, пока не по-прежнему, конечно; но и то уже благодеяние. Другое обстоятельство, очевидно мне помогающее, заключается в том, что я прекратил сношения с медиками, убедившись в их несостоятельности, и лечусь теперь исключительно свежим воздухом: по совету одного доброго человека в комнате не сплю; а устроил себе спальню в сенях, где окно постоянно открыто. На первый взгляд вам может показаться странным это спанье на морозе. А между тем зимой спиться на воздухе еще лучше, чем летом, и при моих жестоких бессонницах это средство оказывается самым действительным.

Что касается до литературных работ, то получив некоторую возможность заниматься, я прежде принялся за труд для меня более легкий, за свои

руководства, которые в продолжении двухлетней болезни оставались в небрежении и которые служат для меня пока источником независимого существования. В последнее время я занимался преимущественно всеобщей историей, в связи с распространением своей книги. На днях вышла первая часть в распространенном виде, которую спешу вам сообщить. Покончив со всеобщей историей, перейду к диссертации.

Теперь буду ждать от вас известий о вашем здоровье и ваших занятиях. Я слышал, вы хотите издать свой курс Русской истории; так что же, зачем медлите? Не могу ли я тут быть вам чем-нибудь полезен?

Книгу свою (т. е. экземпляры адресованные на ваше имя) я просил Глазуновых переслать в петербургский магазин, где вы потрудитесь ее получить. Так как вы имеете сношения с редакциями “Вестника Европы” и Журн[ала] мин[истерства] нар[одного] просв[ещения], то и позвольте просить вас передать назначенные для них экземпляры; а с остальными поступите по вашему усмотрению.

Елизавете Васильевне от нас глубокое почтение.
Вам искренне преданный Иловайский.

6 марта 1867 года» (л. 49–50).

Письмо М.И. Каринского
(РО ИРЛИ РАН. 24824/CZXXX629)

«Многоуважаемый
Константин Николаевич!

Весьма благодарен Вам за ваше любезное письмо. Доброе сердце человека, которого издавна привык искренне уважать, всегда возбуждает светлое настроение духа: с таким настроением читал я Ваше приветствие.

Не знал я Вашего адреса и поэтому это письмо мое к Вам запаздывает. Хотелось бы и самому посетить Вас, но в последнее время как то не особенно хорошо себя чувствую, да и почти совсем отвык выходить из дому кроме как на лекции и для обычного моциона.

С искренним уважением к Вам остаюсь Ваш наипокорнейший слуга Михаил Каринский» (л. 1).

Письма В.С. Соловьева
(РО ИРЛИ РАН. 25038/CZXXX657)

«Милостивый государь
Многоуважаемый Константин Николаевич.

Не зная, кто у вас теперь декан, посылаю Вам мое прошение и только что оконченную (не по моей вине) диссертацию. Послезавтра книга будет вполне готова, и тогда я пришлю сколько нужно экземпляров.

Так как мой главный официальный оппонент получил большую часть книги еще в декабре, и так как она печаталась в “Р[усском] В[естнике]” в течение двух лет, то я надеюсь, что факультет найдет возможность несколько сократить законный срок и допустить меня к защите в последнее воскресенье марта или первое воскресенье апреля.

В настоящее время я занят между прочим составлением по Вашему желанию подробной программы по философии для женских курсов. По этому поводу мне пришла в голову одна мысль, о которой поговорим при свидании. Дней через пять думаю быть в Петербурге, просрочив отпуск все из-за катковской типографии.

В ожидании скорого свидания остаюсь с глубочайшим уважением преданный Вам

Влад. Соловьев

7 марта [18]80 г. Москва» (л. 1–2).

[5–7 сентября 1880 г.]

«Многоуважаемый Константин Николаевич.

Я предлагаю по средам и субботам, так как два часа кряду было бы, думаю, утомительно и для меня, и для слушательниц. Таким образом, если можно, я готов начать курс 17 сентября, в среду. Не воспрепятствует ли только обилие добродетельных именинниц в тот день?

В этот вторник (9-го) постараюсь быть у Вас.

Искренно преданный Вам

Влад. Соловьев» (л. 3–4).

[лето 1880 г. (?)]

«Многоуважаемый Константин Николаевич.

Сейчас я получил письмо с вторичным и настоятельным приглашением от Некрасова (декана Одесского факультета) на ординатуру по философии и с заверением, что весь факультет в пользу такого приглашения. Я решился принять это предложение, если в ближайшем заседании факультета не будет обращено внимание на мое умеренное желание экстраординатуры с доцентским жалованием и не будет поставлено ходатайствовать об этом перед министром.

Дальше откладывать свой ответ одесскому факультету считаю неудобным.

В понедельник утром зайду к Вам.

С глубочайшим уважением преданный Вам

Влад. Соловьев» (л. 5–6).

«Москва 18 сент[ября] [18]81

Многоуважаемый

Константин Николаевич.

Н.А. Попов передал мне Ваше письмо, и я спешу Вам ответить. Невозможность для меня читать в первое полугодие происходит от того, что по разным печальным обстоятельствам личным я все это лето не мог ни отдыхать, ни работать, и теперь должен месяца три предаться усиленному писанию, для чего и поселяюсь в сорока верстах от Петербурга в совершенном уединении. Во втором же

полугодии я и желаю и надеюсь читать и притом на обоих курсах. Прошлый год я остановился на Платоне, и теперь мог бы читать о платонизме и христианстве (Аристотель, стоики etc. отнеслись бы сюда же, поскольку их идеи дополняли философию Платона и вошли в состав неоплатонизма). Это я мог бы читать обоим курсам соединенно, предпославши несколько вступительных лекций, которые для 4-го курса были бы обзором уже прочитанного.

Читать я намерен во всяком случае бесплатно.

Однако 10 сентября я буду дня на 3 в Петербурге и надеюсь с Вами переговорить.

Искренно Вас уважающий
Влад. Соловьев» (л. 7–8).

[весна 1882 г.(?)]

«Многоуважаемый

Константин Николаевич.

Посылаю Вам Ваши книги, а также чтения о богочеловечестве для Вас и для Ваших курсисток. Я уезжаю в Москву послезавтра и зайду проститься с Вами.

Мне были поданы некоторые надежды относительно университета, но оказались не нужными.

До свидания

Искренно уважающий и преданный
Влад. Соловьев.

P.S. Из Ваших книг еще том Одоевского остался в библиотечном хаосе графини Толстой, но будет извлечен оттуда непременно» (л. 9–10).

[весна 1882 г.(?)]

«Многоуважаемый

Константин Николаевич.

Я уехал отчасти по нездоровью, главное же, по некоторым другим причинам, о которых расскажу при свидании. Этими же причинами объясняется и внезапность моего отъезда.

Не думаю возвращаться к преподавательской деятельности; поэтому и с предложением меня в Университет прошу Вас повременить.

Теперь буду много писать и печатать, уста же разверзат только в чрезвычайных случаях, ибо в многоглаголении несть спасения.

Передайте, пожалуйста, мое почтение Елизавете Васильевне и также мой сердечный поклон моим слушательницам. Очень жалею, что не мог с ними проститься.

Остаюсь с истинным к Вам уважением и преданностью

Влад. Соловьев» (л. 11–12).

[май 1882 г.(?)]

«Многоуважаемый

Константин Николаевич.

Я решил оставить преподавательскую деятельность не из одного желания досуга для философских писаний; но и по другим более для меня обязательным причинам, которые делают мое решение бесповоротным.

Доставленные Вам от Киреева оттиски моих “Чтений” я просил бы, если это Вас не затруднит, раздать по Вашему усмотрению желающим, или же уничтожить.

Посылаю фотографии и сердечный поклон курсисткам.

Где и что я теперь буду не знаю, но жду много дела впереди.

Надеюсь когда-нибудь увидимся, но только не в Петербурге.

Будьте здоровы и не поминайте лихом.

Истинно Вас уважающий

Влад. Соловьев» (л. 13–14).

Письма Ф.И. Успенского
(РО ИРЛИ РАН. 25083)

«Милостивый государь
Константин Николаевич!

Многого недостает, чтобы новоприбывшему человеку возможно было сносно устроиться здесь; еще в большей мере я далек от того, чтобы чувствовать себя на своем месте. И, во-первых, сознаю, что не в достаточной степени запасаюсь если не самим священным огнем, то материалом для поддержания его; побольше бы огонька с университетского очага, тогда чувствовалось бы живее свеча с alma mater. Говоря это, имею в виду не отсутствие добрых воспоминаний о Петербургском университете,

не скудость приобретенных под его кровом и при его посредстве знаний — нет, прилипи язык мой к гортани моему, аще...; напротив, хочу сказать, что есть слишком много причин помянуть добрым словом прошедшее, что <...> обстановка слишком резко дает почувствовать разницу положений. Но не о своих печалях я хотел повести речь, которые во всяком случае утомительны: есть и здесь хорошие люди, мало только книг, бедна университетская библиотека.

При первом же свидании со Смирновым и Некрасовым я узнал, что против приглашения Воеводского существуют, по-видимому, основательные опасения, не зависящие от личных симпатий членов факультета; опасения эти имеют свое основание в происхождении рекомендуемого Вами магистранта. “Ввести еще поляка и без того в раздираемый партиями кружок значило бы, говорят, приготовить себе новые затруднения в будущем; без сомнения он снюхается с таким-то и таким-то (называются лица); Вам еще не известно, что такое поляк на юге, Вы знаете поляков-космополитов, какими они выдают себя в Петербурге”. Сколько модно, я объяснял из известных мне фактов о воспитании и петербургском знакомстве Воеводского, как мало вероятности в опасениях филологического факультета; не скрыл и то, что отказ много повредит интересам молодого человека, который, насколько я знаю, отказался ради данного места от предлагаемого ему <...> в Петербургском университете.

Сегодня обращался ко мне Смирнов снова по этому вопросу; факультету желательно еще сделать попытку, не найдется ли другого магистра, даже кандидата в Петербурге, который бы согласился принять приглашение в Новороссийский университет. Если уже, к нашему несчастью, не окажется никого, тогда, говорят, принуждены будем обратиться к Воеводскому.

Зная по личному опыту, как сильно беспокоят Вас, Константин Николаевич, интересы рекомендуемых Вами лиц, я счел нужным передать Вам смысл замешательства, которое произошло в филологич[еском] факультете по поводу замещения Воеводским кафедры греч[еской] словесности. Чувствуя, вероятно, неловкость положения в данном случае, Смирнов просил меня разузнать, не согласится ли, напр[имер] Беляев, или кто другой, принять приглашение на это место. Факультет же имеет настоятельную и безотлагательную необходимость в доценте или приват-доценте, потому что, по удалении Ягича, филологический элемент и эллинизм погас на филологическом факультете. Если окажутся тщетными поиски в Петербурге, Некрасов думает писать в Москву, хотя и с малыми надеждами на успех.

В филологическом факультете произошло движение по службе: Смирнова выбрали в проректоры, Некрасова в деканы. Ив[ан] Степ[анович] Некрасов — очень добрый и приятный человек, как Вы и говорили об нем.

Новороссийский университет еще терпит не-
вознаградимую потерю: профессора Павлова при-
глашают в Москву, и он не отказывается.

Кое-как устроился я, начал заниматься. Спроси-
ли меня, когда думаю начать лекции, я ответил, что
если не будет понуждений, числа с 15 ноября; воз-
ражать не стали. С некоторыми профессорами по-
знакомился; живут, впрочем, больше в уединении,
а то и в разсеянии.

С глубоким почтением к Вам остаюсь

Федор Успенский
4 ноября 1874 г.» (л. 5–6).

«Многоуважаемый
Константин Николаевич.

Я отправил сегодня рукопись о восточном
вопросе в редакцию Известий Слав[янского]
Благотвор[ительного] Общества, так как не уверен
в Вашем возвращении в Петербург.

Прежде всего прошу позволения посвятить ее
Вам. Этим я исполняю давнишний долг <...> меня
на совести. Собственно первая работа моя, име-
ющая отношение к Русской истории, — Вы ее по-
вивали и крестили мое первое произведение и на-
рекли даже имя моей последующей деятельности
и производительности. Мне кажется, что в послед-
ней работе я не чужд духа крестного отца, почему
и нахожу уместным поставить Ваше имя во главе ее.

Затем мне кажется, что статье следовало бы
дать более широкое распространение, подав ее

отдельной брошюрой. Об этом я пишу, впрочем, П.Г. Морозову, и во всяком случае этот вопрос будет предметом суждения редакции, заключению которой я вполне подчинюсь.

На лето думаю поехать на отдых в Харьковскую или Киевскую губернию, адрес дам потом. Константинопольский Списасос прислал программу занятий будущего съезда. Важного не много, но обещают показать древности города и окрестности. Лучшего случая ознакомления с Царьградом не дождетесь.

Преданный Вам и любящий
Ф. Успенский.

P.S. Л.Н. Майков писал о собираемых им справках в Департамент по моему делу, ничего еще не известно» (л. 13–14).

«13 мая 1888

Дорогой
Константин Николаевич.

Сознаю, что мне будет нелегко оправдать перед Вами свое продолжительное молчание. Слова “плохо живется”, “утрачено душевное равновесие” — могут говорить и много, но могут и ничего не сказать. А тут все. Профессору истории приходится себя чувствовать выбитым вон из колеи. Студенты перестают заниматься этим предметом, лекции становятся барщиной <...> Нынешний год я приучался только смотреть сквозь пальцы на свое

профессорское дело, негодовал на себя и на студентов и много мучился.

Большое счастье, что было достаточно своей работы, домашней. Мне бы давно следовало поделиться с Вами тем, что составляло предмет моих занятий в течение минувшего года. Но теперь уже подведем итог, который вместе с <...> посылаю Вам. Как бы то ни было, главные результаты занятий за границей касаются разных сторон Византии. Посылаемая статья, думаю, будет последней по вопросу о землевладении. Затем перейду к другим — и между прочим к военному устройству.

Но балканский, так сказать, жгучий вопрос дня состоит в том, скажут ли что-нибудь в Москве и Петербурге нынешним летом о научных потребностях по изучению Византии? С авторитетом можно говорить там, у Вас, и опускать нынешнего года не следовало бы — в интересах занятий Византией. Пора установить систему и наметить хотя бы ближайшие вопросы, подлежащие изучению.

С окончанием учебного времени я предполагаю выехать из Одессы в Харьковскую губернию и провести там каникулы. Не думаете ли быть на юге в 15 июля?

Напишите словечка два о Вашем здоровье.

Искренно преданный и душевно любящий

Ф. Успенский.

Передайте мое почтение Елисавете Васильевне»
(л. 21–22).

Письма Н.Н. Платоновой и С.Ф. Платонова
(РО ИРЛИ РАН. 24967/CZXXX647)

«3 декабря 1889 г.
С.-Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Пишу Вам под страшно-тяжелым впечатлением: вчера с Замысловским сделался удар. После обеда он лег отдохнуть, пришли его будить, а он лежит без движения и, кажется, без языка. Сейчас же послали за докторами. Сегодня мой муж и Чечулин были там, вся семья в отчаянии и твердит: “очень плохо”. Больше мы ничего до сих пор не знаем, т. е. ни какого рода этот удар, ни — насколько серьезно положение больного. Завтра я там буду и тогда немедленно сообщу Вам, что и как. Все это поразило нас, как гром.

О диспуте Дьяконова Вам, вероятно, уже писали: героем диспута был Латкин, который держал себя положительно неприлично, начиная с первой фразы и до конца. Его первая фраза была приблизительно такова: я нахожу, что специфическая, оригинальная особенность Вашего мышления заключается именно в том, что Вы беспрестанно сами себе противоречите и опровергаете на одной странице то, что утверждаете на другой. Дьяконов в первую минуту, по-видимому, растерялся от такой любезности, но потом отвечал ему очень находчиво и резко. Студенты устроили ему целую оваацию.

Завтра я Вам опять буду писать и тогда скажу о вечере на курсах и об Историческом обществе, а теперь дети не дают больше писать.

Наш общий привет Вам и всем Вашим.

Простите за небрежное письмо.

Ваша Н. Платонова.

Многоуважаемый Константин Николаевич.

В последнее время Замысл[овский] вообще был нехорош: жаловался на невралгию, смотрел усталым, недели три тому назад, по его словам, “едва не упал от какой-то судороги” (вероятно, это было первое кровоизлияние в мозг). И умственно он опустился: на одной неделе я слышал от него два мнения об одном и том же совсем противоположных; одну неточную до странности фразой он ввел меня и Середонина в странное недоумение. Но все эти признаки припомнились только тогда, когда последовала катастрофа. У него дома еще не приносят слова “паралич”, “удар”; но что дело именно таково, нельзя сомневаться. Елена Николаевна твердит одно: “очень плохо” и сама очень потеряна. Поразительно рано пришлось ему закончить деятельность: ему всего 48 лет!

Вместе с этим несчастьем нас волнует скандал в Кареевском историческом обществе. В день его открытия избрали председателем Васильевского. Кареев, как инициатор, считал, что эта честь должна принадлежать ему, и не мог скрыть своего неудовольствия. Предпочтение, оказанное Васильевскому,

было им объяснено, как дело нашего кружка. Последовал ряд объяснений Кареева с Васильевским, опала от Кареева между прочим и на меня, и в результате и Васильевский, и комитет нового общества, не предвидя добра, решили отказаться in corpore от должностей и провести новые выборы. Кареева это обрадовало, и он в эту среду примет желанный сан во Храме, конечно, ему уже никто не решится отказывать. Грубовато он держал себя, но хорошо хоть то, что держал себя прямо. Теперь будет известно, что новое общество должно основываться на началах “просвещенного абсолютизма”. Обширная эмиграция будет естественным следствием этого порядка. Нужно удивляться добродушию и доброте Васильевского: он нянчился с Кареевым как с ребенком, и приносил большие жертвы больному самолюбию.

Издание мое идет не скорее, чем прошлую зиму: много времени отнимают лекции на Курсах. Курсистки уже справлялись у меня, где Вы и примите ли Вы их, если они явятся к Вам о приезде Вашем. Это меня очень порадовало и я ответил им, что, конечно, Вы примите. И Кулин собирается “явиться” к Вам; он положительно любит Курсы и, присмотревшись к делу, будет полезен им. Но в том то и дело, что он мало знает еще и условия, и среду. Кстати, курсистки хотят просить Васильевского не отказываться от чтения лекций в будущем году.

Зато Сенигов, говорят, уже отказался от преподавания и уверяет, что дисциплина в Ун-те упала:

студенты не ходят на лекции! Он не возвращает Востоковского словаря, утверждая, что он ему нужен. Потребовать же возврата еще прямее, чем требовал, значит делать формальный скандал. С досады я и на это решусь, если хотите.

Низкий мой поклон Елизавете Васильевне. Остаюсь Вам преданный

С. Платонов» (л. 26–29).

«Дорогой Константин Николаевич!

Поздравляю Вас и Елизавету Васильевну с праздниками и Новым годом, от души желаю Вам всех благ, а Вашей больной — скорого выздоровления.

Суэта последних недель помешала мне вовремя ответить Вам. Теперь сообщаю Вам откровенно все произошедшее, очень прошу Вашего совета и прошу Вас это письмо сохранить в секрете. Здоровье Ег[ора] Ег[оровича] не обещает многого. Он ходит, уже снял халат, произносит слова очень тихо, но совершенно чисто. И со всем тем речь его мало понятна: у него разрушены ассоциации; собственных имен он не помнит или же путает их! Шмурло зовет Броуном, Лаппо-Д-го Григоровичем и т. д., вместо “холодно” говорит “тепло”, вместо “громко” — “тихо”; отвлеченные мысли выражает неясно до того, что его нельзя понять; иногда незаметно для себя самого скажет бессмыслицу: “у меня сегодня желчные ребра”, т. е. невралгия в ребрах. В этом отношении ему в последние две недели не лучше. Ясно, что ему нужно долго оправляться

и что работать в будущем нужно осторожнее. Видя это, и в Институте, и в Университете исправление должности передали мне, и я бросил все свои уроки. Бросить пришлось с некоторым финансовым риском, на который меня, так сказать, благословили Владиславлев и Н.П. Некрасов. Разговоры с ними открыли мне, что отношение ко мне и факультета, и институтской конференции очень доброе. Владиславлев, объясняя мне мои обязанности в Университете, заявил, что действовать мне лучше всего по советам Васильевского, с которым де следует посоветоваться и насчет докторской работы. Свой намек Влад[иславлев] сделал еще яснее, когда сказал, что докторская диссертация не одна же делает репутацию ученого. Очень осторожные слова Влад[иславле]ва были тем не менее определены: он желал бы ускорить мое докторство (нужно сказать, что обошелся он со мной чрезвычайно хорошо, тронул меня до слез отношением к моему житейскому положению). Васильевский откровенно говорил о том, что надо спешить с диссертацией, что шансов в Университете у меня много.

Об этом-то и следует сильно подумать, здесь-то я и нуждаюсь в Вашем совете. В будущем году у меня много свободного времени (общий курс меня не затрудняет, а специальный курс только в Институте); издание мое может замедлиться, ибо против этого Бычков не имеет ничего, и таким образом мне можно работать для диссертации. Московское княжество потребует от меня не менее

трех лет, а Годунов не потребует и двух. Что здесь делать? В теме о Москве много мне еще неясно, и я чувствую, что здесь еще могут вырасти затруднения большие; в географии, в церковных делах, в византийском влиянии, в татарах. Тема о Борисе совсем ясна: это будет опыт характеристики деятеля в связи с историей общества в XVI веке; центр тяжести в работе — освещение системы Бориса, которая бесспорно существовала, и условий, ее парализовавших. Материал для нового синтеза нарос за последние годы, и мне не придется его дополнять самому, именно потому, что сила работы в ее конструкции. Работа о Борисе легче, но позволительно ли идти в сделку с этой легкостью ради того, чтобы скорее получить право?

Вот что меня теперь мучит. Избавление же от уроков мы празднуем всей семьей, как радостное событие. Не смущает нас и временный характер вознаграждения за лекции и риск, с этим связанный.

Что Вам передать о других? О Шмурло все мы знаем так же мало, как и Вы. Лаппо-Д[анилевский] печатает свою работу независимо уже от Егора Ег[оровича]. Чечулин хорошо держал экзамен у Кареева и очень доволен своею жизнью и деятельностью. О Барбашеве плохие вести: ему не лучше и он ни кому из нас не показывается. Козеко здоров; но его служебные отношения запутаны: несмотря на мое и его желание, из оставленных мною уроков он не получил ни одного, а почему, Бог весть: ни я, ни он не знаем. Очень тяжело все это, и я даже

рад, что мы более вместе не служим, хотя я его и очень люблю. Он, конечно, очень хандрит.

4-го января мы с женой едем на неделю в Москву. Если будете нам писать после 1-го, то не напишете ли в Москву Зинаиде Ник<олаевне> Шамоной, Остоженка, Бутиковский пер., д. Белоусовой, с передачей?

С нетерпением буду ждать Вашего письма.

Преданный Вам С. Платонов» (л. 33–35).

«24 февраля 1890 г.

С. Петербург

Дорогой Константин Николаевич!

Простите, что мы так давно Вам не писали: и у мужа, и у меня как-то сразу накопилось много дела, так что трудно было за все это время выбрать несколько свободных часов, чтобы написать обстоятельное письмо, а писать наскоро несколько строк не хотелось. Но сегодня я решила написать Вам во что бы то ни стало, хотя бы, за недостатком времени, и пришлось ограничиться немногим.

Письмо это Вы получите, вероятно, уже после свидания с Замысловскими, интересно знать, какое впечатление произведет на Вас Егор Егорович; все находили, что за последние дни перед отъездом отсюда состояние его значительно ухудшилось, быть может, следует объяснить просто усталостью и хлопотами перед отъездом; во всяком случае я очень рада за него, что он уехал из Петербурга, только бы

дорога не слишком утомила его. Сегодня мы прочли в Новом Времени, что в Ялте 15⁰ в тени, и порадовались и за Вас и за Замысловских.

Я думаю, Егор Егорович и Елена Николаевна много порасскажут Вам о Петербурге, так что даже затрудняюсь о чем писать Вам так, чтобы мое письмо не повторило уже известного Вам из разговоров с Замысловскими. На всякий случай сообщу Вам, что Ивану Ал[ександровичу] Козеко гораздо лучше, что он решил заменить поездку за границу переселением в Царское Село с марта. Они бы, вероятно, переместились туда и раньше, но их задержало несчастье в семье родителей Марьи Станиславовны: ее единственный брат, ученик VII кл[асса] гимназии Гуревича, покушаясь на самоубийство, выстрелил разом из двух револьверов в оба виска; раны оказались не смертельным, так что жизнь ему удалось спасти, но он безнадежно ослеп на оба глаза. По слухам, причина этого покушения имеет романтическую подкладку. Козеко просят не рассказывать об этом их семейном горе, и у меня просто как-то не хватает духу навестить их, мне кажется, им в тягость теперь всякие посетители.

В среду 21-го февраля состоялось второе заседание Исторического общества, посвященное прениям по поводу прочитанного в первом заседании реферата Кареева “О разработке теоретических вопросов и теории исторической науки”. Возражали Белов, Берштадский и еще кто-то. Публики было очень много, но, как выразилось Новое Время,

ей пришлось несколько разочароваться, так как за неимением председателя (Кареев участвовал в споре и потому не мог исполнять обязанностей председателя), прения имели беспорядочный характер и походили на частный разговор нескольких лиц; в конце концов спорившие, после почти 3 часов спора, не пришли ни к какому положительному заключению. Следующее заседание Общества состоится 21-го марта.

Чечулин выдержал 17-го февраля экзамены у Васильевского и Георгиевского (клаузулу он написал раньше), и теперь ликует в ожидании диспута, который состоится, вероятно, 11-го марта. Официальными оппонентами будут Васильевский и мой муж. Хотели было привлечь к этому диспуту вместо Васильевского Ламанского, но тот отказался. Мне кажется, что будет возражать Чечулину и Сергеевич, который хвалит его книгу. Я с большим нетерпением жду этого диспута; мне кажется, что он будет очень интересен, только я боюсь, что от волнения Чечулин будет говорить еще менее понятно, чем обыкновенно, так что трудно будет понимать его.

Вчера мой муж читал в Археологическом обществе доклад “Первые летописные известия о Москве”. Об этом же вопросе читал на Археологическом съезде Забелин, и мой муж возражал ему, как он, кажется, уже писал Вам в прошлом письме.

В заседании факультета 3-го марта Филевич будет держать экзамен по русской истории.

Как Вы, конечно, уже видели, Константин Николаевич, в февральской книжке Журн[ала] мин[истерства народного просвещения] началось печатание перевода “Метафизики” Аристотеля. Увидев это, я до такой степени испугалась, как бы раньше меня кто-нибудь не напечатал перевод “Риторики”, что решила напечатать хоть I и II книгу, если не успею во время отделать перевод III книги. Я спешу со своей работой, насколько могу, но, к сожалению, могу уделять ей немного времени. Что Вы думаете о примечаниях к переводу “Метафизики”? Я думаю принять их отчасти за образец.

Что Вам еще сказать о русских историках? Шмурло мы мало видим и о его занятиях мало знаем; говорят, что в последнее время он занят был составлением программы по истории для средних учебных заведений. Его жена всю зиму хворает, и доктора настойчиво гонят ее из Петербурга.

Лаппо-Данилевский продолжает печатать свою диссертацию, которая обещает быть необычайно больших размеров; до сих пор из нее напечатано около 25 листов.

Середонин усердно работает над диссертацией и надеется кончить ее в непродолжительном времени. Я душевно рада за него: мне всегда казалось, что он — очень способный человек, и что только неблагоприятное стечение обстоятельств мешает ему написать диссертацию.

От Дьяконова муж изредка получает письма; по-видимому, ему удалось хорошо поставить себя

в университете, как это пришлось слышать мужу от дерптских профессоров в Москве на съезде. Есть основания думать, что скоро Михаил А[лександрович] будет утвержден экстраординарным профессором.

Мой муж занят теперь отчетом о диссертации Чечулина, который будет прочитан в заседании факультета 3-го марта. Кроме того муж думает поместить в Журн[ала] мин[истерства народного просвещения] рецензию на книгу Чечулина.

На курсах запахло экзаменами, которых слушательницы, по-видимому, сильно побаиваются. Кулин, кажется, очень мечтает о некоторых переменах в составе преподавателей на будущий учебный год.

Недавно мы с мужем были на передвижной выставке, которая в этом году, по моему мнению, удивительно неудачна. Картина Ге “Что есть истина” вызывает со всех сторон осуждение. По моему, она положительно непозволительна; я даже не понимаю, как ее допустили на выставку.

Как-то у нас был Гревс. В мае он уезжает с семьей в командировку за границу на год, большую часть времени он предполагает, кажется, пробыть в Париже. Степанов тоже мечтает поехать за границу на три летних месяца.

Однако пора кончить. Муж и я шлем низкие поклоны Вам, Елизавете Васильевне и Вере Ивановне.

Ваша Н. Платонова» (л. 38–41).

«17 июня 1890 г.

Парголово

Дорогой Константин Николаевич!

Я так давно не писала Вам, что просто не знаю, с чего начать. Вот уже второй месяц, как мы на даче, и в этом собственно причина моего долгого молчания: приготовления к переезду из города, самый переезд, а затем хлопоты по хозяйству заняли все это время. Теперь все понемногу уладилось, так что я могу возобновить почти совершенно прервавшуюся за это время корреспонденцию.

Вы, конечно, уже знаете подробно о том, как прошли диспуты Лаппо-Данилевского и Филевича. На диспуте последнего мне не пришлось быть, так как в это время я была уже на даче, откуда совсем не езжу в город. По общим отзывам, диспут прошел живо и интересно. Что касается диспута Лаппо-Данилевского, то он так затянулся, что публика стала понемногу расходиться до его окончания. Лично я до такой степени утомилась, слушая прения в продолжение 3 ½ часов, что под конец с трудом понимала самые простые фразы.

Вероятно, Вам уже писали о назначении Васильевского редактором Журн[ала] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения], а моего мужа — помощником редактора. Мы, конечно, очень рады такой перемене в служебном положении мужа, хотя, на первое время, по крайней мере, редакторство отнимает очень много времени: три раза в неделю муж

ездит в редакцию и каждый раз привозит массу корректур для прочтения. Впрочем, муж говорит, что ему будет гораздо легче, когда он хорошенько освоится с делом ведения журнала. Редакторство заставляет его покинуть [Историко-]Филол[огичес]кий Институт и, может быть, Лицей. Курсы он думает во всяком случае сохранить за собой.

Замысловские теперь на Сиверской. Муж был у них и нашел, что Ег[ор] Ег[орович] поправился физически, но что едва ли он способен продолжать ученую деятельность. Сам Ег[ор] Ег[орович], по-видимому, также понимает свое положение и считает свою отставку лишь вопросом времени.

Не знаю, имеете ли Вы известия о Козеко. Мы о них почти ничего не знаем. В 20-х числах мая у них был Середонин и узнал, что Ив[ан] Ал[ександрович] был у Чечота, который запретил ему какие бы то ни было занятия и чтение, кроме “Петерб[ургской] газеты”, советовал больше времени проводить в женском обществе и т. п.

В настоящее время все наши знакомые разъехались. Шмурло в Италии, семья его в Нижнем, Чечулин в Полт[авской] губ[ернии], Середонин в Подольской губ[ернии]. Последний уехал отсюда с твердым намерением закончить совсем свою диссертацию летом, начать ее печатание осенью и, таким образом, “въехать в Капитолий” не позже весны 91 года.

Вас[илий] Гр[ригорьевич] Дружинин совсем измучился с тюремным конгрессом и выставкой,

куда его командировали от Мин[инистерства] вн[утренних] дел. Впрочем, в конце этого месяца он надеется освободиться от этой командировки и отправиться тогда на Урал ревизировать заводы.

Лаппо-Данилевского Вы, вероятно, увидите, так как часть лета он предполагал провести в Крыму.

М.А. Дьяконов приезжал недавно на несколько дней в Петербург и был у нас на даче. По-видимому, он доволен своей судьбой, хотя все-таки, мне кажется, тяжело положение русского профессора в Дерптском ун-те.

Как же поживаете Вы, Константин Николаевич? Елена Ник[олаевна] говорила мужу, что у Вас теперь хорошая квартира. Как здоровье Елиз[аветы] Вас[ильевны] и Веры Ивановны? В какой части города думаете Вы поселиться по приезде в Петербург? Этот вопрос меня особенно интересует потому, что мы тоже думаем менять квартиру, чтобы быть поближе к типографии Балашева. Может быть, теперь мы будем жить к Вам ближе, чем жили до сих пор. Вообще я с нетерпением жду начала учебного года, когда понемногу съедутся в Петербург все наши знакомые. Мне почему-то кажется, что этот зимний сезон принесет с собой много нового и интересного.

В заключение письма обращаюсь к Вам с просьбой от имени мужа: Л.Н. Майков надоумил его просить Вас написать для Журн[ала] мин[истерства] нар[одного] пр[освещения] рецензию на последний том Самарина, если это Вас не затруднит.

Может ли журнал рассчитывать получить от Вас эту рецензию?

Сегодня мы прочли в «Нов[Ом] времени», что в Крыму стоит холодная погода. У нас вторая половина мая была сентябрем, а теперь лето похоже на лето.

Итак, мы скоро с Вами увидимся (ведь Вы приедете вначале августа в Петербург?). Пока позвольте пожелать всего лучшего Вам, Елиз[авете] Васильевне и Вере Ив[ановне]. Муж шлет низкие поклоны Вам и Вашим.

Ваша Н. Платонова» (л. 50–52).

Письма С.Ф. Платонова
(РО ИРЛИ РАН. 24966/CZXXX647)

«Московско-Брестской ж[елезной] д[ороги],
платформа Жаворонки на 33 версте,
дер[евня] Матвейко
10 июня 1883 г.

Глубокоуважаемый Константин Николаевич!
Письмо Ваше нашло меня в момент полного увлечения деревней и воздухом. Почти никогда не был так далек от города, как теперь, так доволен обстановкой, так беззаботен душевно. Привезенные сюда книги лежат спокойно, работы по диссертации еще не вынуты из портфеля, и я бесконечно ленюсь. Я чувствую, что Егор Егорович был бы всем этим очень озабочен и недоволен, если бы мог

меня теперь видеть. Вам же написать об этом мне не страшно: Вы иначе на это посмотрите, я знаю, и не сочтете за грех с моей стороны, что я недели две-три только и буду занят, что буду ловить на пруду карасей и гольцов, ездить в телеге и долгуше, отменно есть и на ночь старательно закупориваться от комаров.

Но хотя и достаточно теперь следую идеалам Руссо, — все же городские интересы меня не совсем оставили. Больше всего занимают меня курсы. Попробовать себя хочется, не рискуя по своей вине провалиться, и я хочу достаточно почитать для того, чтобы иметь под ногами почву. XVII век — время полного расцвета Московского государства: строй его достигает полного развития, и вместе с тем этот строй начинает разваливаться, давать место чему-то новому и кончается Петром. Мне предстоит изложить все особенности этого строя и отметить все признаки нового порядка — задача для меня трудная. Много придется прорабатывать самому: литература по XVII в., при своем обилии, не дает на многое ответа: многое придется обойти намеками, даже молчанием просто, так как не все же мои собственные мнения и симпатии им навязывать, да иногда этих мнений и симпатий и вовсе не оказывается у меня, к моему стыду.

Начну я, как теперь предполагаю, обзором источников XVII в., причем говоря о летописях и сказаниях, попробую характеризовать вообще летописное дело на Руси в XVI и XVII в.; говоря об актах, коснусь

делопроизводства московского; обзору важнейших археограф[ических] изданий предпшлю историю их возникновения (арх[еографическая] экспедиция, Н.П. Румянцев и т. п.). Все это для того, чтобы избежать сухости изложения. Далее, политические факты XVII в. я буду излагать в дополнение учебника Соловьева, предполагая, что он слушательницам известен, т. е. буду краток в изложении самого факта, но буду останавливаться на генезисе факта, на характеристиках, на полемике о фактах и т. д. Остальные лекции посвящу обзору административного и экономического строя, насколько это позволят силы: скажу о центральном и областном управлении, о землевладении, о сословиях, торговле. Если будет время, закончу курс главою о быте и нравах. Такова моя программа. Буду очень рад, Константин Николаевич, если Вы подвергнете ее критике и сообщите мне свою корректуру.

Прочел я “Боярскую Думу” Ключевского. Это книга — с которой мне в моем курсе придется много считаться. Несомненно, Ключевский талант, и большой талант. Многие главы его книги положительно блестящи, а сама книга — целая теория, сплошь выходящая из пределов темы, близкая к философскому осмыслению всей нашей истории. Лекции Ключевского, которые я теперь читаю, во многом для меня освещают и дополняют его книгу. Они живы, остроумны, способны дать новые точки зрения, будить мысль, хотя кажутся мне более догматичными, чем, по моему разумению, то следует. Обо многом

с ним можно спорить, многое можно считать преждевременным, шатким в его выводах, но нельзя не признавать в Ключ[евском] крупного деятеля р[усской] истории. Странно он сформировался, как историк, — поздно немного и неожиданно... Лучше поздно, впрочем, чем никогда.

16 июня

Сегодня день моего рождения, и я вспомнил, как три года тому назад в этот день совершенно неожиданно встретил я Вас, Константин Николаевич, на одной из станций железной дороги: Вы ехали из Москвы. Эта встреча долго останется в моей памяти, как и тот день: тогда я получил от отца в подарок “на рождение” “Собр[ание] госуд[арственных] грам[от] и дог[оворов]”, положившее начало моей библиотеке. Теперь не раз я уже праздную день рождения, похоронив отца, и очень часто его вспоминаю: чем светлее для меня минута, тем свежее память об отце. Сам самоучка, он старался меня образовать и не обратил меня в тот ремесленный класс, из которого сам вышел. Сочувствием и помощью встречал он как первые мои гимназические успехи, так и пробуждение во мне интересов научных. И несколько только месяцев не дожидаясь оставления меня при университете — мечты нашей с ним.

Простите, что я вдаюсь в воспоминания. Обстановка, в которой я теперь живу, до того нова и безыскусственна, что отучает меня от городской цемента. Здесь вряд ли что-либо успею сделать для диссертации, зато курсом занимаюсь охотно:

читаю и думаю и вижу, что курс для меня — задача трудная, но развивающая.

Будьте здоровы, Константин Николаевич, и не забывайте Вам искренне преданного Сергея Платонова.

Елизавете Васильевне прошу передать мой глубокий поклон» (л. 1–4).

«23 января 1890

Глубокоуважаемый Константин Николаевич!

Благодарю Вас за Ваше письмо, в Москве полученное. Отвечать из Москвы было просто невозможно: до того много приходилось там суетиться. А по возвращении сюда пришлось сразу приняться за новые курсы и целую неделю посвятить на них, чтобы определить, где, что и как читать, чтобы успеть прочесть законченные курсы. На первом досуге берусь за перо. В Москве передал Ваше поручение Сизову: он обещал его исполнить точно и скоро, в чем, быть может, Вы и убедились. Жена моя в Москву не ездила: задержала ее болезнь младшей дочки, оказавшаяся, к счастью, полным пустяком.

Что сказать Вам о Москве и съезде? Попал я туда, когда там меньше занимались делами, чем торжествами, и сам я больше времени посвятил родным и знакомым, чем съезду. Поэтому от съезда впечатлений мало. Сильнейшее из них я получил от ссор и свар, которые там чувствовались. Ключевский при мне ни разу не был на Съезде: он, говорят, ссорился с Забелиным и Уваровой за Барсова. Барсов (Е.В.) за ужинами произносит желчные речи против

московских “генералов от науки” и не скрывает, что ими поставлен в необходимость писать передовые статьи в “Моск[овском] листке” по 25 коп[еек] за страницу. Антонович открыто осуждает реферат и вообще труды Забелина, etc. etc., — всего не перечтешь. Упомяну о том, что вел[икий] князь Сергей Ал[ександрович] дважды уклонился от представления ему М.И. Семевского. При мне было всего два торжественных заседания и два деловых — дальше я оставаться не мог. На юбилейном заседании Археол[огического] об-ва неприятно звучали в отчет неумеренные в устах граф[ини] Уваровой похвалы графу Уварову и дикой была приветственная речь Бюлера, составленная из автобиографического панегирика. На торжественном открытии съезда также граф[иня] Уварова иронизировала над учреждениями, не сочувственно относящимися к съезду и выставке: особенно досталось Синоду и Ак[адемии] Художеств. Положительного же содержания в этом заседании было уж очень немного. На деловых заседаниях для меня интереснее всего был блестящий доклад Забелина, остроумно искавшего первоначальных поселений вокруг Москвы. Он их нашел два: за Тушиным на Восток и на устье Яузы; историческую же Москву он начинал с устройства города в 1156 году. В общем, доклад был не более, как ряд догадок и домыслов, не переходящих в доказательства прочные. Мне лично было досадно узнать, что кое-какие соображения, которые я считал своею собственностью, высказаны были Забелиным. За мной остался только более

скептический взгляд на достоверность первых известий о Москве-городе, что я и позволил себе высказать в виде запроса Забелину по поводу 1147 и 1156 гг. Хотя я и был поддержан Милюковым, но дело не выяснилось, потому что Забелин отказался дать какую бы то ни было критику летописных текстов и сводов. При прениях по поводу Забелинского реферата чувствительно пострадал Иловайский со своей мыслью о Москворецком пороге под Каменным мостом: Забелин, шутя, сказал ему, что “еще бы воде не журчать под мостом, когда тут было в разные времена понабито довольно-таки свай”; а геологи удостоверили, что каменных образований, а стало быть, и порогов в округе Москвы вовсе нет. Остальные рефераты были или мало интересны или смешны, как доклад Завитневича о кресте Дмитрия Донского.

Итак, со съезда у меня мало добрых воспоминаний. И в частных отношениях тоже: мои родные или разъехались из Москвы, или болеют. Единственно приятны были новые знакомства: с Антоновичем, Е. Барсовым, молодыми москвичами, а главное — с Буслаевым: удивительно симпатичный старик; он уже дряхл, а “дух бодр”, и, смотря на него, понимаешь, чем он мог быть в Университете. Кстати: Университет 12-го сообщил о избрании Буслаева в почетные доктора истории и теории искусства.

Благодарю Вас за Ваш совет касательно диссертации: я чувствую, что инстинктивно тянусь к Борису и здесь буду работать с большой любовью. Основа для работы — мои курсы. Но прежде дайте

развязаться с изданием, которое тяготит меня чем далее, тем более.

Замысловский, говорят, не вернет себе полного обладания речью. Физически же он оправился уже настолько, что один выходит из дому. Он тянется к работе и сулит мне в будущем передачу не кафедры в Институте, а “общих курсов”, не определяя — где. Любопытно, что с наивностью больного он старается меня уверить, что доброе ко мне отношение факультета обусловлено “мнением специалиста”, как-будто бы он боится, что в этом я буду сомневаться. Впечатление он производит тем более тяжелое, что так ясно бросается в глаза диссонанс физического выздоровления и умственной слабости, бодрости движений и грубой путаницы в речи (вот примеры: “вам общий курс будет стоить не много денег” — вместо: труда; “у меня попеременные боли” — вм[есто]: невралгические; меня он зовет Геннадием Федоровичем).

На курсах очень жив интерес к истории. Меня слушательницы просили устроить им с объяснениями осмотр археологич[еской] коллекции Эрмитажа, и это устраивается благодаря Кондакову, который сам будет давать объяснения. Этому, конечно, все рады, а Кулин особенно. Он увлекся делом чрезвычайно и с одинаковым усердием лопочет и о лекциях, и о хозяйстве, и о танцевальных вечерах (второй будет 28-го). Новые языки на курсах поставлены очень хорошо: немецкий язык читает прив[ат]-доцент Браун, а французский — молодой образованный широко преподаватель Пере.

Однако, пора кончить. Низко кланяюсь Елизавете Васильевне.

Искренно Вам преданный С. Платонов» (л. 21–22).

«4 марта 1890

Глубокоуважаемый
Константин Николаевич!

От всей души поздравляю Вас с избранием в академики и на такую славную кафедру! От всей души желаю Вам доброго здоровья и сил для труда в новых условиях! Ваш праздник — праздник и для всех тех, в ком Вы зародили любовь к нашей истории и кого Вы научили смотреть на нее как на науку. Праздником будет для них и всякий Ваш новый труд: дайте нам нашу историографию, Константин Николаевич!

Ваш С. Платонов» (л. 23).

Письма К.Н. Леонтьева
(РО ИРЛИ РАН. 24885/CZXXX631)

«К.Н. Бест[ужеvu]-Рюм[ину]
30 нояб[ря] 1864 г. Адрианополь

Добрейший тезка!

Как Вы поживаете? Хорошо ли прижимаете (спросил бы я, если бы мы оба были люди холостые, — теперь не смею!). Я живу — по консульству много дела, и я недавно открыл, что в некоторых местах (как, напр[имер], здесь) консул в одно и то же время дипломат, мировой судья и полицмейстер. Всего, конечно, понемногу. А я сверх того еще и поэт,

как Вам, кажется, известно? Не жалуясь на работу, жалуясь на несчастливую мою звезду в литературе — не везет! Конечно, в сравнении с идеалом, который носят в душе понимающие искусство, мой роман швах, но больше же он заслуживает критики и статей, чем Помяловский и К°? Все молчат! Терпи казак — атаманом будешь? Не так ли?! С этой почтой пойдет в Петербург новая повесть “Исповедь мужа”. У Вас волосы встанут от ее безнравственности (а в душе будете сочувствовать, я ручаюсь, не фактам отдельным, а общему духу).

Я слышал, что Вы даете уроки великим князьям, так, пожалуйста, скажите им при случае, что в Адрианополе, мол, живет Леонтьев — больше ничего, только вот живет и “баста”. Писатель знаменитый будет — это можно прибавить, если хотите.

А отчего бы Вам не написать статью обо мне? Все серьезность, специальность губит! Строгость требований от себя! А забывают люди, что хорошие старые критики мрут и исчезают и заменить их некому. Хороша великая образованная страна девятнадцатого века без эстетической критики!

Лизавете Васильевне мое почтение. А пробуют ли они мою литературную деятельность? Как-то понравится “Исповедь”? Варвару Васильевну благодарю за участие, которое она обнаружила к некоторым лицам моего романа. Коку помню и целую. А Вас обнимаю, желаю сделаться министром народного просвещения.

Преданный Вам нигилист К. Леонтьев» (л. 1–2).

«22 марта 1873 г., Константинополь

Милейший друг Константин Николаевич, здравствуйте!

Я жив и даже как будто здоров, чего и Вам желаю (несмотря на то, что Вы своей Истории мне все-таки не прислали).

Ради Бога прошу и умоляю Вас, перешлите немедля и бережно “Генерала Матвеева” в редакцию “Русского вестника” прямо на имя Павла Михайловича Леонтьева. Непременно на его имя. Не погубите меня какой-нибудь медлительностью или небрежностью. Помните, друг мой: 1) что у меня другой рукописи нет и 2) что теперь для меня литература есть хлеб, ибо службу я оставил. По правде сказать, ужасно я боюсь за эту рукопись, чтобы она не пропала. Считал по 100 рублей за лист, это ведь, может быть, больше 1000 рублей.

Не говорю уже о нравственной потере и так далее. Пощадите же! Уж я знаю, как русские друзья способны вредить любя... Отчего? Кто знает?

Великая нация! Ей все нипочем! Что ни день, то великое произведение мысли и поэзии... Можно поэтому второстепенные вещи терять, бросать, не печатать и т. д.

Ну, обнимаю Вас. Читали ли мои статьи о панславизме в “Русском вестнике”? Нравятся или нет?

Ваш забытый Вами друг К. Леонтьев

Мой адрес: Русское Посольство в Царьграде»
(л. 5).

Содержание

Введение	3
Судьба и образ историка	9
Предшественники и современники	
Бестужева-Рюмина	63
Философия истории	99
История как наука	216
Заключение	258
Приложение	265